

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ
АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГОУ ВПО «ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ»

1 / 2009

Журнал основан в 2009 г.

Периодичность серии 2 номера в год

**Серия
ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ
Выпуск 1**

Редакционный совет:

И. О. Тюменцев, д-р ист. наук, профессор
(Волгоградская академия государственной службы)
(председатель Редакционного совета);

В. А. Колесников, д-р полит. наук, профессор
(Волгоградская академия государственной службы);

К. О. Магомедов, д-р социол. наук, профессор
(Российская академия государственной службы);

Г. В. Орлов, д-р ист. наук, профессор
(Волгоградский архитектурно-строительный университет);

А. В. Понделков, д-р полит. наук, профессор
(Северо-Кавказская академия государственной службы
Ростов-на-Дону);

А. М. Старостин, д-р полит. наук, профессор
(Северо-Кавказская академия государственной службы,
Ростов-на-Дону);

Ю. И. Тарский, д-р социол. наук, профессор
(ПАГС, Саратов)

Главный редактор:

В. А. Колесников, д-р полит. наук, доцент

Зам. главного редактора:

О. В. Байдалова, д-р социол. наук, профессор

Ответственный научный секретарь:

А. И. Бардаков, д-р полит. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Н. Х. Атаян, д-р экон. наук, профессор;

Ю. Д. Гражданов, д-р ист. наук, профессор;

Е. Г. Олейникова, д-р ист. наук, профессор;

В. А. Пилипенко, канд. филос. наук, доцент;

Н. С. Субочев, д-р социол. наук, доцент;

Е. В. Перерва, канд. ист. наук (секретарь)

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ВАГС
2009**

Уважаемые коллеги!

В первый выпуск нашего журнала включены материалы, охватывающие комплекс взаимосвязанных проблем, как политических, так и социальных, имеющих существенное значение для развития современной системы научного гуманитарного знания.

Издание объединяет два научных направления – *политологию* и *социологию*, нацеленных на практику организации и стимулирования научных исследований в ФГОУ ВПО ВАГС. По этим направлениям сегодня осуществляется подготовка научных кадров – докторантов, аспирантов, соискателей, в академических диссертационных советах.

В содержательном плане первый выпуск «Научного вестника ВАГС. Серия: политология и социология» рассматривает актуальные вопросы современного российского социума, методологические и методические особенности в его изучении, которые связаны, прежде всего, с научным поиском в спектре проблем регионального социально-экономического развития, в том числе на материалах ЮФО.

Целевая перспектива настоящего издания: привлечение научной общественности Юга России, политологов и социологов, молодых ученых и аспирантов, студенческой молодежи, к актуальным научным дискуссиям и исследованиям.

Журнал включает две научные рецензии, обзор состояния науки в Академии, привлечены материалы исследования ведущих ученых в области политологии и социологии на Юге России.

«Научный вестник ВАГС. Серия: политология и социология» адресован всем, кто интересуется данными научными направлениями. Приветствуется участие в данном Вестнике ученых и исследователей, профессионалов и практиков. Редакционный совет и коллегия Вестника готовы к продуктивной работе с экспертами-аналитиками. Мы приглашаем к участию в издании преподавателей и студентов вузов, изучающих социальные и гуманитарные науки по данным направлениям.

Искренне Ваш

*д-р ист. наук, профессор
ректор Волгоградской академии
государственной службы*

И. О. Тюменцев

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.001

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА НА ЮГЕ РОССИИ: ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА СТАНОВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ

А. В. Понеделков, А. М. Старостин

В статье предложена комплексная экспертная оценка становления и перспектив развития политической науки в южных регионах Российской Федерации, охарактеризованы достижения южного политологического сообщества и результаты институционализации политологии, обоснованы выводы о динамичном развитии политической науки как на теоретическом уровне, так и на уровне прикладных исследований, практических разработок.

Ключевые слова: институционализации политологии, научно-политологическое сообщество Юга России, политическая наука, политологические исследования, политико-административная элита, политическая элитология, развитие политической науки в регионах, экспертные опросы, экспертные оценки.

POLITICAL SCIENCE IN THE SOUTH OF RUSSIA: EXPERT VALUATION OF ITS ESTABLISHING AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

A. V. Ponedelkov, A. M. Starostin

The article gives the integrated assessment of establishing and prospects of development of the political science in Southern regions of Russian Federation. It characterizes achievements of Southern political community and results of institutionalization of politology. The article proves dynamic development of the political science, as on the theoretical level, so on the level of applied research and practical studies.

Keywords: institutionalization of Political Science, scientific and political Community of the South of Russia, political science, political studies, political and administrative elite, political etiology, development of political science in regions, expert interviews, expert evaluations.

Современная политическая наука динамично развивается во многих странах мира. Это относится и к России, где ныне отмечают и анализируют первые итоги 20-летнего развития политологии в условиях демократизации. За истекшее двадцатилетие не только удалась институционализация политологии в форме утвердившихся факультетов и социализированных кафедр, учебно-методических объединений (УМО), Российской ассоциации политической науки и Российской академии политической науки, а также учреждения системы диссертационных советов и ученых степеней и званий, издания специализированных журналов и проведения научных конференций, но и сформировалось сообщество ученых-политологов и преподавателей-политологов, появились экспертно-консультативное сообщество и группы и центры политических технологий. Словом, политическая наука в России также развивается динамично как на теорети-

ческом уровне, так и на уровне прикладных исследований и разработок. Это характерно и для центра, и для периферии.

Что касается анализа процессов институционализации политологии на региональном уровне, то значительный материал, характеризующий данные процессы на Юге России, был представлен на прошедшей 11–12 марта 2009 г. в Ростове-на-Дону на базе Северо-Кавказской академии государственной службы научной конференции «Политическая наука на Юге России: становление, современное состояние и основные направления развития» (20-летию современной политической науки в России посвящается). В представленных более чем 150 докладах и сообщениях дана как картина реальных политических процессов, так и анализ и оценка основных направлений и тем политической науки, развивающихся в регионах Юга России и ряда других регионов страны. Общее ощущение от итогов

такой обстоятельной презентации: на Юге России сформировалось высококвалифицированное научно-политологическое сообщество, не только интенсивно изучающее социально-политические процессы, но и активно взаимодействующее с политическим сообществом и гражданским обществом. Идет активная подготовка кадров (специалистов, кандидатов и докторов политических наук), формируются научные школы, налажены активные связи с научно-политологическими сообществами других макрорегионов России. Мы находимся в предвещии перехода к этапу активных взаимодействий с научно-политологическими сообществами европейских государств, где проходят сходные процессы институционализации и поиска общей идентичности политической науки [1].

Более детальное представление о развитии политической науки на Юге России позволяют составить материалы социологического исследования, проведенного нами в начале 2009 г., основываясь на методе письменного интервью. Данный метод использован нами ранее и вполне показал свою информативность в анализе развития других направлений политической науки: политической конфликтологии и политической элитологии [2].

Остановимся подробнее на анализе результатов данного исследования.

В рамках подготовки к конференции: «Политическая наука на Юге России: становление, современное состояние и основные направления развития» социологической группой СКАГС в январе-феврале 2009 г. были проведены экспертные опросы ученых-политологов и представителей региональных органов власти.

Всего опрошено 295 экспертов-политологов из 13 субъектов РФ Юга России, а также в городе Москве. Во втором экспертном опросе ответы дали 363 государственных служащих из 13 субъектов РФ ЮФО.

В качестве респондентов, опрошенных в рамках социологического исследования, по проблемам развития политической науки на Юге России, организаторы этой акции определили две группы: государственные служащие и ученые.

Первые, по своему роду деятельности, с политической наукой непосредственно не связаны, их служебная деятельность по определению должна быть нейтральной по отноше-

нию к политике, деполитизированной, хотя и связана с претворением политических решений в жизнь, использующей их знания, умения и опыт для практической реализации политики государства.

Однако для суждения по предложенным исследователями вопросам респонденты данной категории имеют определенные основания. Почти половина из них (46,81 %) имеют опыт работы в политических партиях и в общественных организациях, все имеют высшее образование (в том числе экономическое и управленческое – 30,43 %; юридическое – 23,80 %), а 3,20 % – имеют даже ученую степень по политическим наукам.

Обращает на себя внимание тот факт, что многие госслужащие не просто что-нибудь слышали о политической науке, не только имеют какое-то представление о ней, но и проявляют интерес к исследованиям и отдают предпочтение определенным политологическим исследовательским центрам. На вопрос: «Работа каких политологических исследовательских центров на Юге России Вам известна?» почти 40 % (39,8 %) не просто дали ответ, но и назвали конкретные исследовательские центры и группы. Наиболее часто называют: СКАГС – 41 респондент, ЮНЦ РАН – 26, ИППК при ЮФУ – 11, ЮРРЦ – 10, Краснодарский краевой социологический центр – 8, СКНЦ ВШ ЮФУ – 7 и другие. Всего названо 40 исследовательских организаций.

Это свидетельствует о том, что исследовательская деятельность политологов интересна не только им самим, но и чиновникам, обеспечивающим реализацию политических целей государства. А это уже шаг к использованию знаний, вырабатываемых политологами в практической управленческой деятельности.

Вторые – ученые, имеющие полное основание судить о состоянии современной политической науки, так как все респонденты участвовали в политических исследованиях, 79,57 % имеют ученое звание профессора или доцента, а более трети – ученые степени в области политических наук (в том числе доктора политических наук – 12,91 %, кандидата политических наук – 22,93 %), около половины из них (47,59 %) имеют опыт работы во властных структурах, а четвертая часть (25,33 %) являются членами диссертационных советов, каждый четвертый (25,87 %) получал в последние годы гранты на проведение политических исследований.

Таким образом, высокий научно-педагогический статус и служебный стаж (опыт) позволяют респондентам оценивать состояние развития политической науки на Юге России и востребованность политических знаний органами государственной и местной власти, условия и факторы, влияющие на повышение эффективности политических исследований.

О том, что политические исследования проводятся по актуальным вопросам, отражающим интересы государственного и муниципального управления, свидетельствуют ответы государственных служащих и ученых на вопрос: «На Ваш взгляд, востребованы ли сегодня политологические исследования в управленческой практике государственных служащих?» (табл. 1).

Таблица 1

Ответы на вопросы	Госслужащие	Ученые
1. Да, конечно, востребованы	33,46%	40,68%
2. Хочется верить, что востребованы	27,07%	23,73%
3. Да, востребованы, в политических кругах	30,11%	30,85%
4. Думаю, что не востребованы	8,56%	3,39%
5. Другое	0,83%	1,36%

Любая наука, так или иначе, влияет на деятельность людей. Это положение уже давно не оспаривается. Дискуссии идут по поводу того, в чем именно выражается влияние и каковы возможные последствия. Политическая наука с этой точки зрения представляется особенно дискуссионной. Результаты опросов

экспертов и практических работников-управленцев только подтвердили это.

На вопрос «Влияет ли на политическую практику на Юге России политическая наука?» респонденты ответили далеко не одинаково (табл. 2).

Таблица 2

Ответы на вопросы	Эксперты	Государственные служащие
1. Да, влияет	9,18%	20,22%
2. Возможно, некоторые политические решения принимаются с учетом политической науки	33,33%	50,14%
3. Иногда складывается впечатление, что такое влияние незначительно	42,86%	20,50%
4. Нет, не влияет	12,24%	8,59%
5. Другое	2,38%	0,55%

Одного взгляда на линейные распределения достаточно, чтобы определить скептицизм ученых-политологов. На наш взгляд, можно высказать три предположения, объясняющих полученные результаты. *Первое:* исследователи гораздо глубже и всестороннее видят потенциал политической науки, ее фундаментальные и прикладные аспекты. *Второе:* транспарентность современных российских систем управления реально такова, что не всегда дает возможность оценить политические процессы в самих системах. *Третье:* государственные служащие в силу ряда причин отмечают только очевидное непосредственное влияние науки на практику, не всегда анализируя более сложные опосре-

дованные, а иногда латентные, варианты такого воздействия.

Полагаем, можно считать, что столь существенное расхождение в оценках теоретиков и практиков, возможно, говорит о недостаточно эффективном партнерстве. Очевидно, что без учета интересов сторон развивать «взаимовыгодные» связи будет сложно. На наш взгляд, один из совпадающих интересов – это изучение реальной расстановки политических сил, соотношения разнодействующих политических факторов, научный прогноз изменения политической ситуации. Осуществить это только на теоретическом уровне возможно, но вряд ли продуктивно. Ответ экспертов на вопрос «Достаточна ли, по Вашему

мнению, методическая и эмпирическая база современной политологии?» подтвердил необходимость серьезного совершенствования

эмпирической и методической базы политических исследований (табл. 3).

Таблица 3

1. Думаю, что да	15,25%
2. В некоторых исследованиях, разумеется, да	47,80%
3. К сожалению, эта часть политических исследований нуждается в серьезном совершенствовании	34,24%
4. Другое	2,71%

Приходится констатировать, что эксперты выражают озабоченность состоянием дел в прикладной науке. Полагаем, имеются и объективные причины такого явления. Современное эмпирическое исследование – очень дорогостоящее мероприятие. Обеспечение репрезентативной выборки, особенно в субъектах федерации на территории ЮФО, требует колоссальных организационных усилий, привлечения большого числа исполнителей. Без изменения условий финансирования прикладные политические исследования обречены на «провинциализм» и резкое снижение научного уровня.

Другая причина, думается, связана с нежеланием ряда руководителей взглянуть на ситуацию глазами незаинтересованных специалистов. Не случайно, очевидно, в ряде нормативных документов предпринимается попытка переломить сложившиеся установки таких «борцов за достигнутые результаты». Сегодня, например, оценка субъектов федерации осуществляется с обязательным учетом данных, полученных в ходе опросов различных групп населения. Понятно, что прикладной политической науке предстоит еще большее позиционирование в качестве «инструмента» оценки эффективности управления.

Одновременно, чуть менее половины опрошенных ученых на вопрос «Как бы Вы оценили кадровое обеспечение проводимых политологических исследований на Юге России?» ответили: «Ощущается дефицит политологов высокой квалификации, способных проводить как теоретические, так и прикладные исследования» (42,96 %). Здесь напрашивается вывод о необходимости повышения качества работы диссертационных советов, что заключается прежде всего в ужесточении требований к отбору будущих аспирантов и соискателей, тематике диссертационных

исследований, выполнению установленных нормативов. Но основное заключение здесь состоит в том, что дальнейшее развитие политологической науки должно происходить в «выращивании» способных к глубокому научному осмыслению специалистов разного происхождения – как из научной среды, так и из прикладной сферы.

Группа вопросов, заданных представителям научного сообщества, выявила многоаспектность ключевой проблемы современной политической науки – необходимости выведения на новый качественный уровень взаимодействия науки и институтов политической власти.

Так, на вопрос «В каких организациях Ваши исследования и разработки вызывают интерес?», 19,21 % респондентов ответили, что в органах власти и управления. Однако здесь же проявляется и еще одна тенденция – более четверти всех опрошенных (26,93 %) ответили, что их исследования востребованы в учебных заведениях. И это самый популярный ответ, который в очередной раз подтверждает мнение о недоиспользовании политической науки современными общественными институтами. Близко по популярности к вышеназванному ответу и мнение, согласно которому политическая наука наиболее востребована российским научным сообществом (16,26 %). Все это говорит об отсутствии у научных центров зачастую грамотных стратегий поиска заказчика научного продукта, недостаточной практикоориентированностью последнего. Здесь, как принято говорить, имеется большой ресурс для дальнейшего развития.

Противоречивость данной тенденции, большое значение субъективных личностных факторов при взаимодействии представителей политико-административной и научной

элиты в современных российских условиях, отчасти подтверждается распределением ответов на вопрос: «Какие результаты можно считать значимыми в развитии политической науки на Юге России?». После ожидаемых базовых факторов, таких, как «создание и развитие кафедр политологии в вузах» (16,92 %) и «формирование научных школ в области политологии» (15,54 %) следует «использование результатов политологических исследований субъектами управления на региональном уровне» (15,16 %). Популярность данного ответа предопределило наличие многолетнего тесного взаимодействия с властными структурами отдельных научных центров Ростова-на-Дону, Краснодара, Ставрополя и других регионов Южного федерального округа. Тем не менее на повестке дня по-прежнему стоит необходимость формирования межвузовских, межрегиональных научных политологических объединений для выполнения заказов органов государственной власти и местного самоуправления на хоздоговорных условиях.

Наконец, проблема взаимосвязи политической науки с органами власти и управления находит косвенное подтверждение при изучении наиболее популярных ответов на вопрос: «Какие аспекты в преподавании политологии в высшей школе требуют первоочередных изменений?». Значительная часть опрошенных (20,25 %) на первый план вынесли «усиление практической направленности преподавания» и связанные с данным аспектом «разработку новых образовательных стандартов» (10,34 %), а также «расширение спектра преподаваемых политологических дисциплин» (10,34 %). Данное соотношение мнений ученых выявляет проблему недостаточности практической подготовки многих лекторов, что связано с отсутствием в вузах института стажерства профессорско-преподавательского состава в органах власти и управления (положительный опыт в данной сфере имеется у Северо-Кавказской академии государственной службы).

Особое внимание привлекают ответы на так называемые открытые вопросы. Ученые-эксперты ответили на 6 таких вопросов, госслужащие – на 2.

Оценивая динамику развития тематического поля политической науки в регионе, сле-

дует отметить, что общепризнаваемых «точек роста» в этом поле не так много.

Около 40 % экспертов выделяют (и это наиболее значимый рейтинг) этнополитическую и этноконфликтологическую проблематику. Вторая позиция, выделенная экспертами-учеными – это элитологические исследования (20 % опрошенных). Далее следуют политическая регионалистика (5 %) и региональная геополитика (2,5 %). Остальные, выделенные респондентами более 20 тематических направления, собрали от 0,5 % до 2 % каждое.

Это можно понимать так, что вокруг таких тем, как «Формирование гражданского общества», «Исследование политических и избирательных технологий», «Проблемы национальной безопасности», «Политическая философия» и ряда других, не сформировалось пока заметных научных школ, их исследуют в основном молодые ученые.

Ощущая потребность в усилении ряда направлений региональной политологии, эксперты выделили те из них, которые, очевидно, требуют первоочередного внимания. 10 % указали на проблемы формирования гражданского общества; 7,5 % – необходимость более обстоятельного изучения проблем эффективности государственной власти и управления; около 10 % подтвердили актуальность этноконфликтологической проблемности; по 3 % респондентов выделили проблему геополитики, политических идеологий, политической культуры. Остальная проблематика привлекла внимание 1–2 % экспертов.

Анализируя ответы экспертов на вопрос «Исходя из Ваших знаний, наблюдений, интуиции, каких изменений можно ожидать в ближайшие годы в развитии политической науки?», следует отметить, что более половины экспертов с оптимизмом смотрят в будущее, ожидая усиления прикладных исследований (15 % опрошенных), дальнейшего развития политологии и, в частности, теоретических исследований (18 %), совершенствования методологии исследований (7 %). На те или иные тенденции понижательного свойства указывает в целом не более 20 %. Наибольшие опасения связаны с исключением политологических дисциплин из образовательных программ (8 %), со снижением востребованности политологии (3,5 %), ухудшением качества исследований

(3,5 %), ослаблением прикладных исследований (3,5 %).

Два открытых вопроса касались деятельности наиболее известных научных школ и научных центров в области политологии в регионе. Больших секретов эксперты не открыли. В основном формирование научных политологических центров и научных школ связано с действием 5 докторских диссертационных советов по политическим наукам в Южно-российском регионе. Среди политологических школ наиболее высок рейтинг научной школы СКАГС (отметили 45 % экспертов, выделив персонально А. В. Понеделкова и А. М. Старостина), научных школ Ставропольского университета (и персонально В. А. Авксентьева) – 11 %; Кубанского университета – 11 %; Южного федерального университета (и персонально В. П. Макаренко) – 8,5 %, Дагестанской школы – 5 %.

Коррелируют с этими данными ответы на вопрос о ведущих научных центрах. Наиболее высок рейтинг СКАГС (около 30 %), ЮНЦ РАН (15 %), ЮФУ (12 %), ИППК ЮФУ (8 %), КубГУ (8 %), Ставропольского ГУ (7 %), ДНЦ РАН (5 %), Владикавказского института социально-политических исследований РАН (5 %). Всего эксперты назвали более 20 центров, что, в общем-то не так много для региона, где функционирует более 300 вузов, филиалов и научных центров.

Известный интерес представляли ответы на вопрос: «Научные работы каких отечественных или зарубежных авторов по политологии произвели на Вас сильное впечатление и могут быть отмечены?». Интерес состоит в том, что эксперты наиболее референтными для себя считают именно публикации авторов,

живущих и работающих в регионах Южного федерального округа. Среди ведущих (а всего названо более 80 имен):

А. В. Понеделков	– 27 ответов;
А. М. Старостин	– 19 ответов;
К. С. Гаджиев	– 14 ответов;
В. А. Авксентьев	– 12 ответов;
В. П. Макаренко	– 9 ответов;
М. А. Аствацатурова	– 5 ответов;
И. П. Добаев	– 5 ответов;
В. В. Черноус	– 5 ответов;
Л. Л. Хоперская	– 4 ответа;
Ю. В. Васильев	– 3 ответа;
В. Н. Панин	– 3 ответа;
М. В. Савва	– 3 ответа.

Следует подчеркнуть, что первые четыре автора набрали голосов значительно больше, чем многие широко известные отечественные и зарубежные политологи, что свидетельствует о существовании самодостаточного регионального научно-политологического сообщества на Юге России.

Можно думать о том, что усиление внутренних контактов и координации деятельности, организация ряда научных проектов будут способствовать не только росту известности и влиянию ученых в рамках региона, но и на федеральном уровне.

Библиографический список

1. Политическая наука в Западной Европе [Текст] / под ред. Х.-Д. Клингеманна. – М.: Аспект Пресс, 2009.
2. Понеделков, А. В. Экспертные оценки конфликтологической ситуации на Северном Кавказе [Текст] / А. В. Понеделков, А. М. Старостин, В. Г. Игнатов. – Ростов н/Д, 2003.
3. Понеделков, А. В. Элитологи об элитах [Текст] / А. В. Понеделков, А. М. Старостин. – Ростов н/Д, 2007.

УДК 323

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ

А. В. Баранов

Статья представляет научный интерес в связи с выявлением особенностей взаимодействия групп интересов в Российской Федерации на основе компаративной аналитики плюралистической и неокорпоративистской моделей, используемых в исследовательском инструментарии современных западных политологов.

Ключевые слова: власть, бизнес, политические партии, корпоративные интересы, иерархия федеральных и региональных интересов, государственное управление.

POLITICAL INTERACTION OF GROUPS OF INTERESTS IN RUSSIAN REGIONS

A. V. Baranov

The article represents scientific interest, as it reveals features of interaction of groups of interests in Russian Federation which is based upon comparative analytics of pluralistic and neocorporative models, used in researching tools of modern western politologists.

Keywords: power, business, political parties, corporate interests, the hierarchy of federal and regional interests, public administration.

Группы интересов определяются в политической науке как негосударственный политический институт – добровольные объединения людей для выражения и отстаивания своих властно значимых интересов в отношениях с другими политическими институтами. Группы интересов имеют формальную, но гибкую структуру. Они служат посредниками в отношениях между гражданами и государством, выражая индивидуальные и коллективные интересы в политических требованиях и действиях. Эти объединения обеспечивают, наряду с партиями и государственными институтами, политическую активность граждан и их участие в политике.

Основные концепции групп интересов – плюралистическая и неокорпоративистская. Концепция «плюралистической демократии» (Р. Даль) предполагает, что «современные динамичные плюралистические общества» Запада создали благоприятные условия для свободной конкуренции групп интересов [1, с. 421]. Ассоциации самого разного рода, по Р. Далю, являются полноправными участниками процесса принятия государственных решений. Все участники взаимодействия политических сил самостоятельны и действуют в собственных интересах.

Неокорпоративисты (Ф. Шмиттер, Г. Лембрух и др.) полагают, что взаимодействие государства с группами интересов приводит к соучастию «организованных интересов» в управлении. Варианты такого соучастия вовсе не сводятся к рациональному соперничеству независимых сил. Часто группы интересов присваивают право на монопольное представительство запросов общества, а способы агрегации интересов сводятся к «торгу» группировок с государственной бюрократией. По словам Ф. Шмиттера, корпоративизм – это «система представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, принудительных, неконку-

рентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, официально признанных или разрешенных... государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области в обмен на известный контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей» [2, с. 15]. Приведенная цитата осмысливает опыт авторитарных режимов стран Латинской Америки. Этим она и интересна для исследователей российских региональных случаев корпоративизма, далеких от «либерального» или «социетарного» корпоративизма стран Запада. Модели корпоративизма в высокоразвитых странах, при всем разнообразии, качественно отличаются от российской и восточных моделей добровольностью отношений группировок.

На наш взгляд, модель взаимодействия групп интересов в регионах постсоветской России наиболее адекватно может быть осмыслена в рамках неокорпоративизма. Это не означает отсутствия сетевых структур и практик. Но они встроены в прочную систему патрон-клиентарных отношений, т. е. имеют совершенно иной, чем в «полиархиях» Запада, смысл [3; 4, с. 100–125; 5, с. 66–85].

Каналы влияния групп интересов включают в себя государственные институты, общественное мнение, политические партии, средства массовой коммуникации.

Методы влияния весьма разнообразны. Разделим их на прямые и косвенные, формальные и неформальные. К прямым методам относят участие деятелей группировок в органах власти, к косвенным – финансирование политиков, пиар-кампании в печати, коррупция, шантаж и многое другое. К формальным методам относят законотворчество и законоприменение, государственное управление; к неформальным – негласное влияние на принятие политических решений.

Ресурсы групп интересов включают в себя экономические (владение собственностью, прибыль); социальные (влияние, система связей и отношений, авторитет и престиж); политические (легитимность, уровень организованности и сплоченности, личный состав) показатели.

Модель групп интересов в постсоветской России невозможно понять вне более широкого контекста – доминирования государства в политическом процессе на протяжении почти всей истории страны. Этим объясняется периферийная роль групп защиты и поддержки – профсоюзов, правозащитников, женского, молодежного и прочих движений в политическом процессе. Исключением, и то частичным, может быть опыт столичных городов и регионов высокой включенности в международные отношения.

С другой стороны, корпоративные группы интересов «пронизывают» изнутри государственные институты и используют их в своих нуждах.

Важнейшим партнером административной элиты стал корпоративный сектор бизнеса, т. е. интегрированные бизнес-группы, занимающие лидирующие или монопольные позиции в своей отрасли на уровне всей России либо региона (определение Я. Ш. Паппэ) [6, с. 22]. Влияние корпораций определяется уже тем, что совокупное состояние 17 крупнейших российских бизнесменов по итогам 2002 г. – 36,6 млрд. долл., т. е. свыше 50 % госбюджета РФ (рейтинг журнала «Форбс») [7]. К 1999 г. 1,5 % населения России владели более чем 1/2 национального богатства [8, с. 250]. Неудивительно, что корпоративный бизнес получил явно гипертрофированную роль в отношениях групп интересов.

В условиях современной России иерархический принцип построения сетей бизнеса явно преобладает над субординационным. Н. Айо и В. Сергеев указывают различие между «сетевыми структурами власти», которые доминируют во всей системе лоббирования интересов, и «сетевыми структурами доверия», кои недоразвиты [5, с. 71]. Сетевые структуры власти означают вертикально выстроенные группы, действующие под патронажем высокостатусных госслужащих в рамках

формальных государственных институтов. Они включают в себя, подобно матрешке, аналогичные группы на уровне макрорегионов (7 федеральных округов), регионов, местных сообществ. В основе структуры находится «ось» – личные отношения обмена ресурсами: должностями, экономическими льготами, патерналистской опекой и проч. Чаще всего отношения крупного бизнеса с публичной властью персонифицируются в фигурах «первых лиц» – губернаторов либо президентов регионов, владельцев либо топ-менеджеров бюджетобразующих фирм.

В научной литературе сложилось много близких по смыслу понятий, обозначающих группы интересов крупных предпринимателей. О. В. Гаман-Голутвина предпочитает термин «политико-финансовые кланы» [9, с. 115]. Н. В. Зубаревич применяет сочетание «крупный бизнес» [10, с. 64–79]. А. В. Понеделков, А. М. Старостин и их соавторы избрали нейтральные понятия: «экономические элиты», «предпринимательство» [11, с. 249–255]. С. П. Перегудов и И. С. Семененко используют термины «корпоративный капитал», «вертикально-интегрированная бизнес-группа» [12, с. 16–43; 13]. Представляется наиболее точной терминология Перегудова и Семененко, поскольку она удачно сочетает политическую оценку феномена с выяснением основных его признаков и элементов. Именно крупнейший по размерам и корпоративный по строению слой предпринимателей наиболее активно проявляет свои интересы политически. Корпорации приобрели, по выражению О. В. Гаман-Голутвиной, характер «многофункциональных самодостаточных квазифеодальных образований» [9, с. 121]. Они имеют не только промышленные предприятия и сети банков, но и собственные СМИ, информационно-аналитические службы и службы безопасности, ставленников в органах государственной власти, своеобразные «удельные владения» в регионах и даже зависимые партии.

Характерна отсталая (по меркам постиндустриального Запада) отраслевая структура российских ФПП. По сведениям журнала «Эксперт», 70 компаний – производителей сырья в 2002 г. давали свыше 70 % объема

реализации продукции среди 200 крупнейших компаний РФ. Из 20 самых богатых корпораций страны производители сырья составляли 17 наименований. Высока их мобильность. Для этапа послекризисного оживления (1999–2006 гг.) типичен подъем прибылей в ФПП отраслей обрабатывающей промышленности [14, с. 112–113; 15, с. 64; 13, с. 73–74]. Но по-прежнему почти нет «на вершине Олимпа» фирм наукоемких секторов промышленности, информатики и коммуникаций, сферы образования. Закрепилась «импортзамещающая» модель бизнеса, что сближает российский крупный капитал с латиноамериканскими прообразами периферийного развития.

Динамика региональной экспансии корпораций выявлена в работах Н. В. Зубаревич [16, с. 107–119; 17, с. 72–88; 18, с. 64–79]. Установлены две стадии взаимодействия ФПП с региональной властью постсоветского времени: «изоляция» 1990-х гг. и «вскрытие» регионов (с 1999 г. по сей день). Политические стратегии обеих сторон основаны на экономических мотивах.

Спад производства 1990-х гг. делал выгодным обособление региональных рынков, получение дохода прежде всего от использования внутренних ресурсов. На основе «федеральной раздробленности» региональные властные элиты установили контроль над прибыльными предприятиями, создали институт административного предпринимательства.

Напротив, качественные изменения экономической ситуации в 1999–2002 гг. обеспечили «открытие» регионов для экспансии российских компаний, а затем и перераспределение политической власти в пользу общероссийского крупного бизнеса. Н. В. Зубаревич определила условия перемен [16, с. 110–111]:

- экономический рост, который начался в 1999 г. с импортзамещающих отраслей (пищевой промышленности, производства стройматериалов и т. д.), а потому дал стартовое ресурсное преимущество региональным элитам;

- политический курс нового президента РФ В. В. Путина в таких аспектах, как: перераспределение экономических ресурсов в поль-

зу центра и «равноудаленность» крупного бизнеса от федеральной власти;

- внутренняя логика развития корпораций: они в условиях политической стабилизации и благоприятных мировых цен на сырье смогли резко нарастить прибыли и создать вертикально-интегрированные структуры. Экспансия крупных предпринимателей стала расчетливой, нацеленной на овладение смежными и технологически дополняющими друг друга отраслями хозяйства. Это означает выстраивание подконтрольных территориальных ареалов с полным циклом производства, что требует овладеть (непосредственно или косвенно) рычагами региональной власти.

К концу 1990-х гг. все привлекательные регионы уже были поделены на законы влияния крупных компаний. Начался этап остроконфликтного передела рынков. Основным политическим методом овладения регионами стали выборы глав исполнительной власти (президентов республик, губернаторов, мэров крупных городов) в 1999–2002 гг. Стратегии установления контроля корпораций над региональной властью таковы (выявлены Н. В. Зубаревич) [16, с. 113–115]:

1. «Приручение» и поддержка на выборах действующего главы региона (Тюменская нефтяная компания в Рязанской области как месте нефтепереработки; концерн «ЛУКОЙЛ» в Волгоградской области; «Сибирский алюминий» в Хакасии).

2. Консолидация ресурсов нескольких компаний для избрания нового губернатора в случае, если возможен компромисс (избрание С. Собянина губернатором Тюменской области при поддержке «Газпрома» и нефтяных компаний, сохранение власти А. Гужвиным в Астраханской области благодаря альянсу «Газпрома» и компании «ЛУКОЙЛ»).

3. Стратегия выдвижения «своего» кандидата и создания «региона-корпорации» (удельной вотчины). Применяется на выборах в малонаселенных, но богатых экспортными ресурсами автономных округах Севера. Примеры – победа совладельца «Сибнефти» и «Русского алюминия» Р. Абрамовича на выборах губернатора Чукотки, менеджера ЮКОСа Б. Золотарёва – в Эвенкийском АО, менеджера «Норильского никеля» А. Хлопо-

нина – в Таймырском (Долгано-Ненецком) АО. Эта стратегия приносила успех и в густонаселенных областях, если их бюджет моноотраслевой. В. Позгалёв в Вологодской области избирался благодаря поддержке «Северстали», а О. Королёв в Липецкой области – благодаря «Интерросу». Последний случай примечателен тем, что основной конкурент Королёва – В. Лисин возглавлял Новолипецкий металлургический комбинат. Однако шансы на успех имели и не самые крупные компании, если они умело использовали противоречия между основными конкурентами и имели альтернативные ресурсы. («ЛУКОЙЛ» проиграл в Ненецком АО, когда верх одержал лоббист «Северной нефти» В. Бутов).

4. Поддержка главы региона, способного обеспечить раздел зон влияния. Такова стратегия нефтяных корпораций в Ханты-Мансийском АО (губернатор А. Филиппенко), «ЛУКОЙЛа» в Пермской области (губернатор до весны 2004 г. Ю. Трутнев). Глава администрации Кемеровской области А. Тулеев поддерживает равновесие интересов «Сибирского алюминия», «Северстали» и группы «Евразхолдинг» – УГМК. Мурманский губернатор Ю. Евдокимов балансирует между интересами «Норильского никеля», «ЛУКОЙЛа», групп МДМ-банк и МЕНАТЕП-ЮКОС.

В итоге губернаторских выборов 1999–2002 гг. политические стратегии корпораций сильно изменились. Они стали более разнообразными и гибкими, эффективными с точки зрения бизнеса. Регионы, где упрочилось сильное влияние российских корпораций, вовлекаются в общенациональный и международные рынки, интегрируются в вертикальные структуры влияния. Это делает политические процессы менее традиционалистскими и своеобразными, поощряет модернизацию региональных систем власти. Обратная сторона экспансии крупного капитала – попытки установить новую монополию власти, теперь уже не губернаторскую, а корпоративную. Курс федеральных властей на централизацию и усиление административного контроля над корпорациями противоречит «олигархической» монополии в регионах, хотя это – внутриэлитный, внутрисистемный конфликт. Его проявления обозна-

чились в цикле губернаторских выборов 2003–2004 гг.

Корпорации активно участвуют и в парламентских выборах, проводя целые группы своих сторонников в законодательные собрания регионов. Крупный капитал стремится контролировать политические силы в регионах, влияет на партии и избирательные блоки, невзирая на их идеологические различия. Предприниматели активно закрепляются в региональных парламентах. По расчетам О. В. Крыштановской, представители бизнеса имеют около 70 % мест в Законодательном собрании Смоленской области, около 60 % – в легислатурах Самарской, Ярославской, Томской, Пензенской и Тамбовской областей [19, с. 60]. 85 % депутатов Законодательного собрания Пермской области 2001 г. созыва – руководители предприятий, в том числе среднего бизнеса [20, с. 273]. Становилась (до 2004 г.) распространенной практика бизнес-фракций в парламентах. В Государственной Думе Ярославской области действовала фракция «Единство» из руководителей предприятий. Спикером Законодательного собрания Нижегородской области избирался Е. Б. Люлин, бывший топ-менеджер «Сибур-нефтехимии». В Законодательном собрании Пермской области (ЗСПО) действовали фракции «Промышленники Прикамья», «Дело жизни» и «Диалог» [21, с. 71–75]. Тем самым в ЗСПО представлены интересы основных групп крупного бизнеса: добычи и переработки нефти, газа, солей, металлургии, ВПК. Вне парламента основные экономические группировки координировали действия через некоммерческое партнерство «Сотрудничество» (с 1997 г.). Тогда же создана фракция «Промышленники Прикамья», ставшая проводником требований бизнеса в органах власти и местом согласования интересов в официальных формах. Фракция и НП «Сотрудничество» лоббировали создание государственных органов, поддерживающих бизнес-интересы: комитета и коллегии по промышленной политике, комитета по экономике и проч.

Характер и методы влияния корпораций на региональные политические режимы в России разнообразны, как обобщил С. С. Бойко [22, с. 109–113]. Корпоративный сектор

может быть диверсифицированным (примеры Москвы, Санкт-Петербурга, Пермской области), дуалистическим (Красноярский край, Волгоградская область), моноцентрическим («нефтегазовые автономии» Севера). Наконец, капитал может просто не дорасти до корпоративного уровня или не иметь политических амбиций (депрессивные регионы: Тыва, Еврейская АО, Коми-Пермяцкий АО и т. п.).

Вторая ось координат, введенная С. С. Бойко для оценки влияния корпораций на режим, – пространство согласования политических решений, т. е. система коммуникаций и символов, включающая все заинтересованные в принятии решения стороны. Пространство может быть широким (тогда оно ведет к демократическим режимам), ограниченным (гибридные режимы) либо отсутствующим (в авторитарных режимах).

Следует также учесть неоднородность крупных фирм и их руководителей по происхождению, политическим симпатиям, кадровым индикаторам. Отчетливо выражено деление политически активных предпринимателей на «столичных» (их большинство) и «местных» (они сохраняют влияние во многих республиках РФ и инвестиционно непривлекательных регионах). В республиках велико влияние этнократических элит, сохраняющих формы административного предпринимательства (Башкортостан, Татарстан, Мордовия, Северная Осетия и проч.). Иной вариант – голосование в дотационных регионах за кандидата от крупного бизнеса в надежде, что хоть он-то вытащит территорию из застоя (Х. Совмен в Адыгее, М. Батдыев в Карачаево-Черкессии, Р. Абрамович на Чукотке и т. д.). С 2003 г. эти главы регионов вынуждены интегрироваться в федеральные сети власти на подчиненных ролях.

Созданы и другие типологии взаимодействия бизнеса с властью. Н. Ю. Лапина и А. Е. Чирикова [23, с. 85–93] выделяли пять основных моделей взаимодействия по итогам 1990-х гг.:

1. Патронаж, т. е. административно-распорядительный диктат региональной власти над бизнес-группами. Распространен в республиках с патриархальной культурой (на Северном Кавказе, в Поволжье, Южной

Сибири), а также в регионах «красного пояса» (Юг России, Центральное Черноземье), в Москве. Перечень регионов позволяет заключить: главное условие патронажа – не идеология, а сильная сплоченная элита во главе с авторитетным лидером.

2. Партнерство означает сравнительно демократическое согласование интересов власти и бизнеса в рамках компромиссных решений. Распространено в регионах с диверсифицированной промышленностью и традициями культуры участия: в Санкт-Петербурге, Ленинградской, Новгородской, Самарской, Нижегородской, Пермской областях.

3. Модель «борьба всех против всех» означает острое противостояние власти и бизнеса, а также их внутренних группировок и сегментов. Преобладающий участник борьбы нацелен на подавление соперников и навязывание своих требований. Чаще всего такая модель складывается в депрессивных регионах с подданической культурой, где политическая элита слаба по ресурсам и возмещает утрату контроля административными методами. Проявлялась в регионах «красного пояса» (Ульяновская, Кировская области, Краснодарский край – с 1997 по 2000 гг.) и полиэтничных республиках (Дагестан, Карачаево-Черкесия).

4. Модель «приватизации власти» означает контроль крупного бизнеса над политическими элитами и государственными органами региона. Имеет разновидности: прямое руководство институтами власти (на Чукотке, в Эвенкии, Красноярском крае – с 2002 г., в Адыгее – с 2001 г.) либо косвенное управление через лояльных политиков (Ненецкий АО, Вологодская область, Красноярский край при А. Лебеде в 1998–2002 гг.).

5. Смешанная модель взаимодействия бизнеса с властью складывалась в регионах с крайне неустойчивой экономикой и политическими институтами (Калининградская область, Приморский край).

Типология взаимодействия крупного бизнеса с властью, данная С. П. Перегудовым, смещает акцент с характера отношений на их формы [13, с. 255–260].

1. Формально-договорное взаимодействие состоит в соглашениях с администра-

циями. Крупный капитал получает льготные условия пользования сырьевыми ресурсами, налоговые преимущества, кредиты и субсидии. В обмен компании обязываются отчислять средства на региональные экономические и социальные программы, устанавливать льготные цены на продукцию и т. п. Часто договоры используются корпорациями для установления своей монополии на региональных рынках. Возникают острые конфликты вокруг передела сфер влияния. Но в целом договоры между компаниями и администрациями регионов полезны, так как вводят отношения между акторами политики в правовое русло.

2. Неформальные институты взаимодействия, по С. П. Перегудову, таковы. Это – консультативные советы при органах исполнительной власти, согласование курса губернаторов с руководством холдингов на частных переговорах. Межрегиональные экономические ассоциации участвуют в стратегическом проектировании целевых программ развития федеральных округов. Создаются также более специализированные экспертно-консультационные советы и рабочие группы по обеспечению межрегиональных программ.

3. Партийно-политическое взаимодействие проявляется на выборах. Корпорации финансируют и организуют кампании своих ставленников. Политики расплачиваются должностями в администрациях и парламентах, лоббистскими законами. Привлекательность постов для предпринимателей не только в статусе, но и в неприкосновенности депутатов. К тому же законы РФ позволяют большинству депутатов регионального и местного уровней совмещать свои политические обязанности с бизнесом. Отношение крупного капитала к «несистемным», «чистым» политикам – отрицательное.

Вместе с тем отношения корпоративного бизнеса со властью в регионах России складываются по разным сценариям. Нередки случаи острого противостояния сторон (в регионах «красного пояса») либо конфликта между группировками самого бизнеса в инвестиционно привлекательных регионах (Красноярский и Приморский края, Самарская и Иркутская области). Преобладающий

вектор – все же неформальные пакты власти и крупных предпринимателей.

Развивается также личная уния – включение высокопоставленных госслужащих в советы директоров и советы акционеров компаний. Например, Тюменская нефтяная компания избрала половину Совета директоров из губернаторов заинтересованных регионов [24].

Крупный капитал стремится овладеть и коммуникационным пространством регионов, покупая популярные теле- и радиокomпании, газеты и журналы. Если губернаторы «красного пояса» стремились просто передать в региональную собственность ключевые медиа-ресурсы, то главы регионов – лоббисты бизнеса – покупают их. Идет новый передел информационного рынка на региональном уровне. Степень подконтрольности СМИ в регионах на порядок выше, чем общероссийских телевидения и прессы.

Система взаимоотношений крупного бизнеса с институтами власти действует благодаря широкому набору методов влияния. Наиболее значимыми из них являются, по мнению А. В. Понеделкова, А. М. Старостина и их соавторов [25, с. 263]:

- лоббирование;
- государственное администрирование;
- экономическое участие органов власти в развитии предпринимательских структур;
- обмен личным представительством в органах власти и бизнес-группах (персональная уния);
- консультации и совместная экспертно-аналитическая работа;
- коррупция (шире – все формы неправовых отношений).

Поскольку оценка большинства из методов уже дана в научной литературе, сосредоточимся лишь на региональном лоббизме. Это – совокупность методов, технологий, отдельных действий политических акторов в регионах по защите своих интересов. В отличие от преобладающих мнений, мы думаем, что надо включать в понятие «региональный лоббизм» два направления воздействий: по вертикали (регион-российские институты власти) и по горизонтали (отстаивание корпоративных интересов перед официальной властью региона).

Механизмы отстаивания интересов различны. Механизмы зависят от экономического потенциала региона, от его политического веса и представленности интересов, от авторитета высокостатусных слоев и их личных связей с федеральными политиками. Наиболее распространенные механизмы (каналы) лоббирования:

1. «Проведение» выгодных региональным акторам решений благодаря общероссийским политикам и чиновникам.

2. Землячества с участием высокостатусных выходцев из регионов («команд» вокруг лидера: уральских, питерских, нижегородских, южнороссийских и проч.).

3. «Вертикальные» элитные группы с участием сегментов и федеральной, и региональной элиты. В них включены как госслужащие, так и депутаты, и влиятельные предприниматели. С. П. Перегудов и Р. Ф. Туровский считают самым сильным региональным альянсом 1990-х гг. союз элиты Тюменской области, РАО «Газпром» и нефтяных компаний с Министерством топлива и энергетики РФ, с депутатской группой в Госдуме РФ «Российские регионы» [12, с. 241; 26, с. 129].

4. Личные связи между президентом РФ, влиятельными федеральными политиками и лидерами регионов. Особенно этот канал лоббирования был важен в президентство Б. Н. Ельцина, когда именно поддержка региональных элит сохраняла главу страны у власти. Но и сейчас патрон-клиентарные отношения сильны. Например, «Независимая газета» предложила измерять рейтинг влияния региональных лидеров по частоте и длительности встреч с президентом России.

5. Органы федеральной исполнительной власти: Правительство РФ, Администрация Президента страны, отдельные министерства и ведомства. На стадии системного кризиса 1998–1999 гг. некоторые главы регионов и влиятельные лоббисты даже были включены в Правительство России, как и руководители межрегиональных экономических ассоциаций. С 2000 г. прямое представительство региональных элит в федеральных органах власти резко сократилось. Но косвенные каналы влияния остаются, особенно у регионов моноотраслевой экономики (нефтегазовая,

угольная, металлургическая, транспортно-транзитная специализация).

6. Лоббирование в органах законодательной власти на стадиях разработки законов, их обсуждения и принятия. Институты влияния – депутаты, избранные по мажоритарным округам; депутатская группа «Российские регионы» в Госдуме РФ, два комитета Госдумы (по делам федерации и региональной политики, а также по проблемам Севера и Дальнего Востока). Важную роль играет и Совет Федерации, но его роль противоречива из-за частых изменений принципов формирования и состава СФ. Наивысший статус Совета Федерации как канала лоббирования связан с периодом 1996–2001 гг., когда он состоял ex officio из глав законодательных и исполнительных органов регионов. Роль Госсовета РФ, созданного 1 сентября 2000 г., на порядок меньше.

7. Партии и избирательные блоки особенно активно использовались для регионального лоббирования на думских выборах 1993 г. (ПРЕС) и 1999 г. («Вся Россия», «Голос России»). Именно благодаря институту выборов и партийной активности лоббирование в РФ стало двухканальным (термин предложен Н. Ю. Лапиной) [12, с. 247]. То есть руководители регионов стремились увеличить экономические ресурсы и статус своих территорий, а общероссийские политики – получить на выборах голоса жителей субъектов РФ.

8. Макрорегиональные политические структуры: федеральные округа, советы глав исполнительной власти регионов, парламентские ассоциации, союзы – городов. Их институциональное развитие получило сильный импульс с 2000 г.

Лоббирование на внутрорегиональном уровне во многом повторяет каналы и методы «вертикального» (центр-регионального) взаимодействия. Своеобразие горизонтального уровня – в системе договорных отношений крупных предпринимательских групп с региональными администрациями. Эта система договоров отличается от механизмов согласования на иных уровнях своим формально-правовым закреплением; она применяется время от времени, а не постоянно. Среди черт своеобразия – повышенное значение

социальной политики фирм и их участия в трипартистских структурах (труд–капитал–государство). Ярче сказываются в регионах неформальные взаимодействия корпораций с властью, которые подпитываются слабостью предпринимательских объединений и разобщенностью бизнес-структур.

Теоретические выводы С. П. Перегудова достаточно веско подтверждаются социологическими опросами и интервью. Исследование А. Чепуренко, Н. Тихоновой и В. Петухова выявило, что предприниматели регионов не видят эффективных способов воздействия на власть [25, с. 255]. Более 20 % респондентов признались, что предпочитают действовать через личные связи. Только 12,8 % обращаются в СМИ. 11,6 % участвуют в действиях организаций по защите групповых интересов. 8,1 % предпочли бы добиваться своих целей на выборах и референдумах, в судебном порядке. И лишь 7,7 % признают пользу от действий партий. Уральские социологи И. М. Модель и Б. С. Модель опросили крупных предпринимателей Екатеринбурга. В сравнении со всей совокупностью респондентов-бизнесменов именно владельцы крупных фирм больше склонны считать, что власть срачивается с преступным миром (52,1 % при 43,2 % всех групп бизнесменов). Они пессимистичнее оценивают наличие коррупции и взяток (54,2 % при 41,1 % средней оценки). 31,3 % крупных предпринимателей признают срастание власти с бизнесом при 24,0 % всех опрошенных [27, с. 18].

С началом реформ рецентрализации (2000 г.) федеральная власть начала устанавливать контроль над сетями крупного бизнеса в регионах. Треугольник отношений «российская элита – региональные элиты – корпорации» остался прежним. Но диспозиции акторов коренным образом изменились. К началу 2007 г. функции принятия стратегических решений и координации политического участия корпораций перешли к Администрации Президента РФ, полпредам по федеральным округам, правительству страны. Поворотным пунктом в системе отношений стало «дело ЮКОСа» (2003 г.), показавшее бизнес-сообществу альтернативы его развития.

Вместе с тем политологи не пришли к единому мнению о последствиях усиления

административных элит. Н. Ю. Лапина считает, что полпреды нередко выступают арбитрами во внутрирегиональных конфликтах между бизнесом и властью, служат защитой бизнесу [28, с. 63–65]. При поддержке полпредств крупные корпорации внедряются в ранее «закрытые» регионы: Якутию, Татарстан, Башкортостан, Кубань, республики Северного Кавказа. Каналом лоббирования служат представительства ФПГ при полпредствах, а также экспертно-консультационные советы при полпредах.

Спорно утверждение Н. Ю. Лапиной о том, что в регионах за 2000–2004 гг. нет «равноудаления» бизнеса от власти, а на смену личным неформальным соглашениям приходят формализованные взаимодействия власти с крупным бизнесом. Не может служить весомым доводом и то, что 16 крупных предпринимателей к лету 2004 г. являлись главами регионов [30, с. 64]. Важно не их происхождение, а система современной зависимости от федеральной исполнительной власти. Разгром региональных сетей «ЮКОСа» (Эвенкия, Томская и Самарская области), менее масштабные удары по «Славнефти» и «ЛУКОЙЛУ» (с 2003 г.) показывают, что крупный бизнес по-прежнему нуждается в административном патронаже. Только теперь, в отличие от 1990-х гг., «покровителем» бизнеса выступает федеральная исполнительная власть, а региональные элиты превращаются в проводников централизованного курса. Федеральные органы власти «взламывают» даже самые устойчивые модели срастания губернаторских клиентел в регионах (проникновение «Газпрома» на рынки Татарстана и Башкирии, «Сибнефти» в Москву и др.) [18, с. 69].

Отмена прямых выборов губернаторов и переход к смешанной системе выборов legislатур сделали региональную административную элиту менее привлекательной в глазах крупного бизнеса, так как важнейшие договоренности теперь зависят от федеральных элит. С. Ю. Барсукова справедливо отмечает заметное снижение роли ФПГ в назначении губернаторов [29, с. 138–142]. Их мнение учитывается Администрацией Президента РФ, но уже не является решающим. С. Ю. Барсукова приводит пример Иркутской области, в отношении которой полпред по Сибирскому ФО А. Квашнин подал список нескольких

кандидатур в губернаторы – лоббистов «Интерроса», «Илим Палпа» и СУАЛ. Однако Администрация Президента РФ успешно тогда лоббировала на пост губернатора А. Тишанина, не связанного с ФПП.

Крупный бизнес почти нигде не проявлял жесткой оппозиции федеральной власти, даже если его интересы грубо нарушались. Типичная реакция ФПП на назначение «чужих» губернаторов – изъятие лояльности, поиск новых неформальных договоренностей. Пассивным протестом можно счесть перевод активов в другие регионы. Исключение – радикальная позиция золотопромышленника Х. М. Совмена, в 2002–2006 гг. бывшего президентом Республики Адыгея. Он вступил в острый конфликт с Администрацией Президента РФ и полпредством по Южному федеральному округу (2005–2006 гг.), а после отставки финансирует националистические группировки Северного Кавказа. Но причины такого позиционирования связаны не с бизнес-интересами, а со стереотипами этнической культуры.

Многие политологи выражают надежду на неуклонное расширение слоя предпринимателей сред глав регионов, региональных госслужащих и депутатов. Количественно этот процесс неизбежен, хотя бы в силу смены поколений элит. Но поставим вопрос глубже: а какие сегменты бизнеса приходят в региональную политическую элиту, получают наибольшую поддержку федеральной власти? По расчетам С. Ю. Барсуковой и Р. Ф. Туровского [30, с. 5–14; 31, с. 245–261], это прежде всего выходцы из отраслей военно-промышленного комплекса, привыкшие к иерархическому подчинению. Саратовский губернатор П. Ипатов – бывший директор Балаковской атомной электростанции, тульский В. Дудка – главный инженер оборонного конструкторского бюро, иркутский А. Тишанин – начальник Восточно-Сибирской железной дороги. Во всех назначениях 2005–2006 гг. новые губернаторы – «равноудаленные» по отношению к крупнейшим ФПП своих регионов. Тем самым они не имеют прочной самостоятельной экономической базы, что делает их зависимыми от федеральных акторов.

Сужаются также возможности автономного лоббирования интересов ФПП через де-

путатский корпус. Запрет региональных партий и избирательных блоков, переход с 2007 г. на пропорциональную систему формирования Государственной Думы РФ вынуждает бизнес «идти на поклон» к влиятельным общероссийским партиям, чтобы получить места в партийных списках. Члены Совета Федерации РФ же в основном выражают волю общероссийской власти и лояльных ей корпораций, а не региональных элит.

Таким образом, в 2000–2007 гг. развернулась вертикальная интеграция бизнес-групп интересов на соподчиненных ролях к федеральной власти. Иерархия влияния корпоративного бизнеса в политике определяется, особенно с осени 2003 г., не самими ФПП, а органами федеральной исполнительной власти. Прогнозы повышения «прозрачности» и нормативности взаимодействий бизнеса с государственными институтами не оправдываются.

Итак, институциональное закрепление регионального лоббизма совершается на уровне «горизонтальных» взаимодействий гораздо медленнее и слабее, чем в «вертикальных» взаимодействиях региональных акторов с общероссийскими. Вероятно, предстоит долгий и не гарантированный от неудач путь легализации согласования групп интересов.

Модель взаимодействия групп интересов в регионах России адекватно может быть осмыслена с позиций неокорпоративизма. Это означает, что сетевые структуры и практики отношений встроены в прочную патрон-клиентарную систему. Доминирование государства в российском политическом процессе ведет к периферийной роли групп защиты и поддержки – профсоюзов; правозащитников; движений: женских, молодежных, религиозных и прочих. Важнейшим партнером правящих элит и госаппарата стал корпоративный сектор бизнеса, т. е. интегрированные бизнес-группы, занимающие ведущие или монопольные позиции в своей отрасли. В основе сетевых структур власти – личные отношения обмена ресурсами (экономическими, административными, политическими) между крупным бизнесом и правящей элитой. Представляются наиболее точными оценки подобных групп интересов как «корпоративного капитала» и «вертикально-интегри-

рованных бизнес-групп». Установлены три стадии взаимодействия корпораций с региональной властью постсоветского времени: «закрытость» регионов для внешних влияний (1990-е гг.), «открытие» регионов путем экспансии крупного бизнеса (с 1999 г. по 2003 гг.), переход к государственному регулированию корпоративного влияния (с лета 2003 г. по настоящее время).

Регионы, где установилось сильное влияние корпораций, вовлекаются сегодня в общероссийский и международные рынки, становятся более модернизированными и открытыми для унификации политических режимов. Обратная сторона экспансии крупного капитала – попытки установить новую монополию власти. Курс федеральных институтов власти на централизацию и усиление государственного контроля противоречит «олигархической» власти в регионах. Но конфликт интересов носит внутрисистемный, тактический характер.

Библиографический список

1. *Даль, Р.* Предпосылки возникновения и утверждения полиархий [Текст] / Р. Даль // *Полис*. – 2002. – № 6.
2. *Шмиттер, Ф.* Неокорпоративизм [Текст] / Ф. Шмиттер. – *Полис*. – 1997. – № 5.
3. *Афанасьев, М. Н.* Клиентелизм и российская государственность [Текст] / М. Н. Афанасьев. – 2-е изд. – М., 2000.
4. *Голосов, Г. В.* Социальные сети и электоральное поведение [Текст] / Г. В. Голосов, Ю. Д. Шевченко // *Политическая социология и современная российская политика*. – СПб., 2000.
5. *Урбан, М.* Социальные отношения и политические практики в посткоммунистической России [Текст] / М. Урбан // *Полис*. – 2002. – № 4.
6. *Папшэ, Я. Ш.* «Олигархи»: Экономическая хроника 1999–2000 [Текст] / Я. Ш. Папшэ. – М., 2000.
7. *Новопрудский, С.* Стоящие парни Forbes: Россия становится кузницей миллиардеров [Текст] / С. Новопрудский // *Известия*. – 2003. – 1 марта.
8. *Гаман-Голутвина, О. В.* Современная политическая элита России: факторы неэффективности [Текст] / О. В. Гаман-Голутвина // *Куда идет Россия?* – М., 1999.
9. *Гаман-Голутвина, О. В.* Политико-финансовые кланы и политические партии как селекторат в процессах парламентского представительства современной России [Текст] / О. В. Гаман-Голутвина // *Властные элиты современной России в процессе политической трансформации*. – Ростов н/Д, 2004.
10. *Зубаревич, Н. В.* Крупный бизнес и регионы [Текст] / Н. В. Зубаревич // *Свободная мысль* – XXI. – 2005. – № 1.
11. *Игнатов, В. Г.* Взаимодействие элит в социально-политическом пространстве современной России [Текст] / В. Г. Игнатов. – Ростов н/Д, 2001.
12. *Перегудов, С. П.* Группы интересов и российское государство [Текст] / С. П. Перегудов [и др.]. – М., 1999.
13. *Перегудов, С. П.* Корпорации, общество, государство [Текст] / С. П. Перегудов. – М., 2003.
14. // *Эксперт*. – 2002. – 7 октября.
15. // *Эксперт*. – 2002. – 2 октября.
16. *Зубаревич, Н. В.* Пришел, увидел, победил? (Крупный бизнес и региональная власть) [Текст] / Н. В. Зубаревич // *Pro et Contra*. – 2002. – Т.7. – № 1.
17. *Зубаревич, Н. В.* Изменения роли и стратегий крупного бизнеса в регионах России [Текст] / Н. В. Зубаревич // *Региональные процессы в современной России*. – М., 2003.
18. *Зубаревич, Н. В.* Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы [Текст] / Н. В. Зубаревич. – М., 2005.
19. *Крыштановская, О. В.* Трансформация бизнес-элиты России: 1998–2002 [Текст] / О. В. Крыштановская // *Социс*. – 2002. – № 8.
20. *Лапина, Н. Ю.* Черты к портрету российской региональной элиты [Текст] / Н. Ю. Лапина // *Властные элиты современной России в процессе политической трансформации*. – Ростов н/Д, 2004.
21. *Борисова, Н. В.* Региональная легислатура как институт согласования интересов [Текст] / Н. В. Борисова, Л. А. Фадеева // *Куда идет Россия?* – М., 2002.
22. *Бойко, С. С.* Влияние корпоративного сектора на региональный политический режим (на примере Пермской области) [Текст] / С. С. Бойко // *Политический альманах Прикамья*. – Вып. 2. – Пермь, 2002.
23. *Лапина, Н. Ю.* Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации [Текст] / Н. Ю. Лапина, А. Е. Чирикова. – М., 1999.
24. // *Российский региональный бюллетень*. – 2002. – 28 января.
25. *Игнатов, В. Г.* Взаимодействие элит в социально-политическом пространстве современной России [Текст] / В. Г. Игнатов. – Ростов н/Д, 2001.
26. *Политические процессы в регионах России* [Текст] / отв. ред. Р. Ф. Туровский. – М., 1998.
27. *Модель, И. М.* Перед выбором (электоральное поведение населения типичного уральского города) [Текст] / И. М. Модель, Б. С. Модель. – Екатеринбург, 1993.
28. *Лапина, Н. Ю.* Бизнес и власть в российских регионах: новые параметры взаимодействия [Текст] / Н. Ю. Лапина // *Россия и современный мир*. – 2004. – № 4(45).
29. *Барсукова, С. Ю.* Власть и бизнес: новые правила игры [Текст] / С. Ю. Барсукова // *Полис*. – 2006. – № 6.
30. *Барсукова, С. Ю.* Стратегии сращивания бизнеса и власти [Текст] / С. Ю. Барсукова // *Свободная мысль* – XXI. – 2006. – № 3.
31. *Туровский, Р. Ф.* Центр и регионы: проблемы политических отношений [Текст] / Р. Ф. Туровский. – М., 2007.

УДК 364.467

СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА КОНЦА ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

Е. Г. Олейникова

Рассматриваются процессы развития социальной политики российского государства в конце XX – начале XXI вв., первые шаги в реализации конституционной нормы «Россия – социальное государство», предпринятые в начале нового тысячелетия. Определяются социальные ориентиры и приоритеты социального развития РФ в условиях мирового финансово-экономического кризиса.

Ключевые слова: социальная политика современного государства, финансово-экономический кризис, социальные ориентиры общества, социальное государство, приоритетные национальные проекты, социальное партнерство.

SOCIAL ORIENTING POINTS OF RUSSIAN SOCIETY IN THE CONTEXT OF FINANCIAL CRISIS IN THE END OF THE FIRST DECADE OF XXI CENTURY

E. G. Oleynikova

The article analysis processes of social policy development of the Russian state in the end of 20th – the beginning of 21 century, first steps for the implementation of constitutional norm «Russia – the social state», which were taken in the beginning of new millennium. Social orienting points and priority of social development in the context of the world financial crisis are determined in the article.

Keywords: social policy of modern state, financial crisis, social orienting points of society, social welfare state, top priority national projects, social partnership.

К концу 2008 г. мировой финансовый кризис стал реальностью. В результате социальные проблемы вновь приобретают чрезвычайную остроту даже в странах, уже несколько десятилетий стабильно занимающих первые позиции мирового рейтинга качества жизни населения. Перед «государствами всеобщего благосостояния», «социальными государствами» в сложных экономических условиях стоит задача сохранения основного приоритета своей внутренней политики – обеспечения достойной жизни *всем* гражданам.

Российская Федерация в течение последних двадцати лет переживает коренные перемены парадигмы социальной политики. В конце 1980-х – 1990-е гг. – отказ от государственного патернализма в социальной сфере и переход к монетаристскому курсу, означавшему в наших условиях фактически полный отказ государства от ответственности за негативные последствия рыночных реформ и шоковой терапии. Одновременно Конституция, принятая в 1993 г., провозглашает Россию социальным государством. Однако практически никаких реальных шагов, не говоря уже

о стратегии построения этой модели, в 90-е гг. не осуществляется. В эти же годы в отечественной науке проявилась тенденция упрощенного понимания социальной политики, вплоть до отождествления ее исключительно с государственной помощью отдельным, наименее защищенным слоям населения.

К концу 1990-х гг. российскому государству не удалось справиться со многими негативными последствиями стремительного перехода к рыночным отношениям. Кризис августа 1998 г. еще более ухудшил положение многих слоев населения.

Хроническая бедность трудоспособного, работающего населения, а также пенсионеров – категории граждан, заботиться о которых обязано любое государство (даже взявшее курс на монетаризм) – неоспоримое доказательство крайне низкой эффективности проводимой в тот период социальной политики. Свидетельством того же являлся стремительно падавший рейтинг президента Б. Ельцина, не сумевшего выполнить подавляющее большинство обещаний об улучшении уровня жизни, данных населению в ходе предвыборной кампании 1996 г.

В начале нового тысячелетия очевиден поворот, связанный с осознанием глубины социальной пропасти, в которой оказалась страна. Социальные аспекты в политике государства выходят на первый план. Новыми социальными ориентирами становятся борьба с бедностью, улучшение демографической ситуации. В сентябре 2000 г. Российская Федерация подписала (с дальнейшим намерением ратифицировать) Европейскую Социальную Хартию – документ Совета Европы, содержащий основные стандарты качества жизни населения развитых стран. Для ратификации Хартии государству необходимо соблюдать не менее 63 из 96 ее положений, касающихся сферы труда, социального обеспечения, социальной и медицинской помощи, защиты семьи, детей, молодежи. Следовательно, был взят курс на постепенное приближение качества жизни россиян к европейским стандартам.

С 2006 г. началась реализация приоритетных национальных проектов, направленных на решение самых насущных проблем, касающихся каждого россиянина – продовольственной безопасности, охраны здоровья, возможности приобрести жилье и качественное образование. Для реализации заявленных задач сложились благоприятные условия. Во-первых, наличие у государства значительного объема финансовых ресурсов. Во-вторых, укрепление государственной власти, в частности, новая система избрания руководителей субъектов федерации. В результате – создание новых административных возможностей: стало легче обеспечивать согласованные действия всех ветвей и уровней государственной власти, что абсолютно необходимо для успеха масштабных социальных проектов. В-третьих, государство перешло к трехлетнему циклу бюджетного планирования. Основные параметры федерального бюджета стали утверждаться не только на ближайший год, но одновременно – еще и на два последующих. Социально-экономические программы получили необходимые гарантии, масштабные задачи – большую четкость и детализацию. В-четвертых, основные политические силы страны сошлись в том, что именно на обозначенных приоритетах должны сосредотачиваться усилия государства.

Таким образом, сделаны первые шаги в реализации конституционной нормы «Россия – социальное государство», хотя целостная концепция такого государства применительно к нашей стране пока еще до конца не сформирована. Научное осмысление феномена социальной политики в новых рыночных условиях приводит современных исследователей к расширенному ее пониманию, в частности, как системы целенаправленных государственных мероприятий по регулированию отношений между различными социальными группами населения в части повышения общественного благосостояния, улучшения качества и уровня жизни, рационального использования трудового потенциала и на этой основе роста эффективности функционирования экономики страны [1]. По нашему мнению, социальную политику в условиях постиндустриального общества следует понимать как комплексную, многогранную деятельность государства, осуществляемую им в процессе управления социальным развитием общества [2, с. 5].

Негативное влияние разворачивающегося кризиса на социальную ситуацию в России уже очевидно. Имеет место сокращение производства, даже на предприятиях, вполне конкурентоспособных в последние годы. К примеру, следствием кризиса для Волгоградского металлургического завода «Красный Октябрь» явилось падение заказов на 50–60 %. В результате 60 % оборудования, задействованного в производстве, оказалось в простое. Руководство вынуждено было перевести трудовой коллектив в режим неполной занятости, чтобы избежать массовых увольнений [3, с. 4].

Что может способствовать власти в условиях кризиса, который, по прогнозам, продлится не один год, уберечь население от нового обвала жизненного уровня, сохранить позитивные новации последних лет и продолжить движение к социальному государству? Этот вопрос, на наш взгляд, подразумевает и ряд других, касающихся:

- выработки долгосрочного плана антикризисных мероприятий, предусматривающего не только финансовую поддержку отдельных отраслей экономики, но и адресную финансовую помощь конкретным, наиболее уязвимым группам населения;

- солидаризации федеральных, региональных, муниципальных органов власти в процессе создания единой системы социальной защиты граждан в условиях эскалации экономических рисков;

- сплочения государства и институтов гражданского общества с целью реализации глобальной первоочередной задачи – «сбережения народа».

На наш взгляд, при определении социальных ориентиров общества в условиях кризиса необходимо исходить из современной, расширенной трактовки социальной политики, предполагающей активное государственное регулирование социальных процессов. Однако данное регулирование ни в коей мере не должно тормозить развитие экономической свободы и рыночных отношений. Выработка некой «средней линии», исключающей как государственный диктат, так и нивелирование роли государства в социально-экономической сфере – одна из важнейших задач. В частности, кризисная ситуация провоцирует дальнейший рост материальной дифференциации в обществе. По оценкам экспертов, децильный коэффициент россиян (т. е. разрыв в доходах 10 % самых богатых и 10 % самых бедных граждан) в настоящее время составляет от 12 до 20 раз и прогноз неутешителен – дальнейшее обогащение богатых и обнищание бедных. Выход видится в введении системы прогрессивного налогообложения, которая существует в большинстве развитых стран. По примеру этих же стран, значительная часть полученных средств может быть направлена на помощь наиболее нуждающимся группам населения. В результате будет осуществляться одно из важнейших направлений политики социального государства – частичное перераспределение доходов в обществе, далекое от уравнилельных принципов плановой модели, но способное поддерживать социальную стабильность и поступательное развитие.

С начала 1990-х гг. в нашей стране складывалась система трехстороннего социального партнерства в трудовой сфере, предполагающая государственную поддержку отечественных производителей. В настоящее время эта поддержка осуществляется в рамках пре-

зидентской программы по стабилизации работы и банковской помощи предприятиям промышленности. Не менее актуально государственное присутствие в векторе отношений работодатель – работник. В результате кризиса страна вновь столкнулась с проблемой массового сокращения рабочих мест, роста неполной занятости и безработицы. В конце 2008 г. количество официально зарегистрированных безработных в Российской Федерации составило 1 млн. 515 тыс. человек [4, с. 2]. Некоторые меры уже приняты. В январе 2009 г. в Интернете начал работу портал «Работа в России» – первый Государственный общероссийский банк вакансий, разработанный Минздравсоцразвития при поддержке партии «Единая Россия». В нем концентрируется информация, поступающая от 85 региональных служб занятости населения и 2,5 тыс. муниципальных центров по трудоустройству. Портал ориентирован не столько на высокооплачиваемых специалистов, сколько на представителей менеджмента среднего звена, рабочих, а также тех, кто планирует переезд на работу в другой регион. Государство планирует выделение субсидий на развитие региональных программ поддержки занятости. Они будут осуществляться по четырем направлениям:

- 1) организация опережающего переобучения граждан, которые находятся под риском увольнения (около 2 млн. человек);
- 2) временное трудоустройство граждан на общественных работах (1 млн. человек);
- 3) оказание адресной поддержки гражданам, переезжающим на работу в другую местность (80 тыс. человек);
- 4) содействие развитию самозанятости (90 тыс. человек).

На наш взгляд, не менее востребована политика предотвращения эскалации безработицы, которая, наряду с другими мерами, предусматривает контроль за процессами сокращения рабочих мест. Здесь уместен подход, аналогичный осуществляемому, к примеру, в Германии: законодательство о защите от увольнения (распространяется на предприятия с числом работающих свыше 6 человек) ограничивает право работодателя на сокращение рабочих мест. Работодатель обязан

заранее ставить в известность биржу труда о планируемых им увольнениях. После этого проводится обязательная проверка и увольнение, признанное социально неоправданным, может быть аннулировано. Аналогичные меры контроля могут быть применимы к работодателям, практикующим сокращение рабочего времени, негативно влияющее на оплату труда работников. В результате контрольных мероприятий появятся возможности как противостояния работодателям, «спекулирующим» на трудностях кризиса, так и оказания помощи тем, кто действительно в ней нуждается.

Определяя ориентиры социального развития в кризисных условиях необходимо, несмотря на экономические трудности, стремиться к сохранению одного из важнейших постулатов социального государства, которым является обеспечение социальной защищенности и достойного уровня жизни *всем* гражданам. Современная динамика потребительских цен требует установления показателей их предельного роста – на продукцию и услуги естественных монополий, на продукты питания первой необходимости. Предотвращению «вымывания» дешевых товаров (что имело место в начале 90-х гг.) будет способствовать дальнейшее совершенствование рыночных механизмов, конкуренции, государственная помощь малому бизнесу. В данном контексте актуален опыт ряда европейских государств. К примеру, в Германии ставка налога на добавленную стоимость с юридических лиц составляет 15 %, но для производителей важнейших продовольственных товаров, учебной литературы она снижена до 7 %. Существенные льготы по налогу на добавленную стоимость имеют предприниматели, работающие в области малого бизнеса. В Швеции НДС имеет стандартную ставку 25 %, но, как и в Германии, по ряду товаров и услуг применяются пониженные ставки: по продовольственным товарам 21 %; по гостиничным и туристическим услугам 12 %; по товарам культурного обихода, книжным изданиям и изданиям СМИ – 7 %. Таким образом, государство стимулирует производство социально

значимых товаров и повышает их доступность для населения.

Способствовать скорейшему оздоровлению экономики может целенаправленная государственная политика по развитию собственности различных форм собственности – частной, государственной, коллективной. Одной из разновидностей последней являются народные предприятия. С начала 2000-х гг. в России уже имеется определенный опыт их создания и успешного функционирования. К примеру, Волгоградская кондитерская фабрика «Конфил» одной из первых в стране получила статус народного предприятия. Коллективу работников-акционеров удалось избежать банкротства, прекратить сокращение рабочих мест, наладить выпуск конкурентоспособной продукции, обеспечить стабильную оплату труда, превышающую средние показатели в отрасли. Народное предприятие «Волгоградский хлебозавод № 5» неоднократно признавался лидером среди предприятий отрасли, был включен в список 50 лучших предприятий Волгоградской области. Однако коллективная собственность пока не получила в России широкого распространения: насчитывается всего около 150 зарегистрированных и находящихся в процессе регистрации народных предприятий с числом занятых около 35 тыс. человек. Одна из основных причин этого – несовершенство нормативно-правовой базы. Федеральный закон «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятиях)» № 115-ФЗ от 10.06.1998 нуждается в серьезной доработке, адаптации к новым экономическим реалиям.

Экономические трудности, как правило, в первую очередь отражаются на уровне жизни наименее защищенных слоев общества, чьи доходы «не дотягивают» до прожиточного минимума, равны ему или лишь немного его превосходят.

В составе населения Волгоградской области, чьи доходы меньше прожиточного минимума, можно выделить следующие группы:

Размер среднедушевого денежного дохода в месяц, руб.	Количество человек, тыс.	В процентах к численности населения области
До 1000	9,8	0,4
От 1000,1 до 1500,0	38,1	1,4
От 1500,1 до 2000,0	74,7	2,8
От 2000,1 до 3000,0	236,7	9,0
От 3000,1 до 4000,0	292,0	11,7

Примечание. Таблица составлена на основе авторского анализа данных Волгоградского областного управления статистики.

Таким образом, количество населения области с низкими доходами составляет около 25 %. Дальнейшее обнищание этих наиболее уязвимых социальных групп населения может быть предотвращено следующими мерами, осуществление которых возможно совместными усилиями федеральной и региональной власти:

- регулярное проведение органами социальной защиты обследований положения семей и отдельных граждан с целью выявления тех, чье материальное положение стало неудовлетворительным в результате форсмажорных обстоятельств (потеря работы, сокращение заработка из-за неполной занятости и т. д.);
- осуществление адресных выплат семьям и гражданам, доходы которых оказались ниже прожиточного минимума;

- введение системы ежемесячного, а не ежеквартального пересмотра показателей прожиточного минимума с соответствующей коррекцией размеров пенсий, пособий, стипендий, что позволит более эффективно защитить население в условиях растущей инфляции.

Библиографический список

1. Константинова, Л. Модель социальной политики [Электронный ресурс] / Л. Константинова. – Режим доступа: http://www.pmuc.ru/jornal/number3/konstant_art.htm
2. Олейникова, Е. Г. Социальная политика государства: эволюция моделей и приоритетов в XX – начале XXI вв. [Текст] / Е. Г. Олейникова. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2006.
3. Попов, А. Промышленность: вчера, сегодня, завтра [Текст] / А. Попов // Городские вести. – 2009. – 23 января.
4. Работа.ru // Городские вести. – 2009. – 17 января.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 35.08

РЕПРОДУКЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

О. В. Байдалова, А. И. Лукаш

Анализ субъективных оценок, мнений, суждений представителей государственной службы позволяет определить вектор социальных трансформаций в российском обществе. Мнения, суждения, оценки, интересы, ценности сотрудников федеральных органов исполнительной власти как носителей и проводников социальных изменений в рамках института государственной службы явились предметным полем для социологического изучения.

Ключевые слова: социальная трансформация, государственная служба, субъективные оценки, личность государственного служащего.

REPRODUCTION OF SOCIAL TRANSFORMATIONS IN THE SYSTEM OF STATE SERVICE

O. V. Baidalova, A. I. Lukash

Analysis of subjective assessments, opinions, judgments of statesmen enables to determine the vector of social transformations in Russian society. Opinions, judgments, assessments, interests and values of the staff of the federal bodies of the executive power as bearers and transmitters of social changes within the institute of public service is subject to sociological study.

Keywords: social transformation, public service, subjective assessments, the identity of a state official.

Социальные изменения, рассматриваемые в региональной динамике, представляют собой социальный процесс. Социологический смысл этих изменений проявляется в разных сферах жизнедеятельности социума. В прикладном аспекте важно учитывать, как они осознаются вовлеченными в них участниками. В частности, как воспринимаются и оцениваются индивидами те результаты, которыми сопровождаются эти процессы. По мнению П. Штомпки, при выделении в типологии социального процесса субъективного фактора, классифицируются три дополнительных типа изменений, которые, в свою очередь, могут интерпретироваться как субкатегории или репродукция трансформации [1, с. 30–31]. Первый тип изменений связан с социальными процессами, которые можно определить исходя из их целей. Эти процессы, по терминологии Р. Мертона, «явные», например, повышение заработной платы, повышение уровня жизни, внедрение инновационных проектов и т. д. Второй тип изменений – «латентные». Сама суть этих изменений распознается не сразу и возникает в результате сопутствующ-

щих факторов или специфики социальной ситуации, например, рост безработицы или отсутствие квалифицированных кадров для различных сфер производства или образования. Третий тип изменений зачастую несет в себе прямо противоположный по целенаправленности результат. Но все эти три типа рассматриваются через восприятие изменений на уровне субъекта, включенного в процесс изменения, то есть личности. Следует подчеркнуть, что три вектора этих социальных изменений непосредственно связаны с деятельностью института государственной службы, его эффективностью.

Применительно к теме данной публикации рассматривается личность государственного служащего и соответственно присущие этой личности социально-демографические и социально-психологические показатели и характеристики, которые отличают его от рядовых граждан регионального социума. Мнения, суждения, оценки, интересы, ценности сотрудников федеральных органов исполнительной власти как носителей и проводников социальных изменений в рамках института

государственной службы явились предметным полем для социологического изучения.

В рамках теоретической операционализации понятия «личность сотрудника государственной службы» следует принять за основу следующее – это индивид, который входит, принадлежит, представляет социальный слой профессиональных управленцев, включенных в организационную структуру, характеризующуюся четкой иерархией, «вертикальными» информационными потоками, формализованными способами принятия решений и имеющие особый статус в обществе.

Достаточную объективность и способность видеть существующие проблемы государственной службы показали чиновники в ходе двух социологических опросов, которые выявляли набор социальных показателей, характеризующих не только трансформацию социальных изменений в социуме, но и явились «лакмусовыми бумажками» системы государственной службы. Всего в опросе приняли участие 749 человек, осуществляющих служебную деятельность в федеральных органах исполнительной власти на территории всех муниципальных образований Волгоградской области, включая Волгоград, а также территориальные органы, расположенные в субъектах Южного федерального округа Российской Федерации. Среди опрошенных были респонденты, замещающие должности «специалисты», «обеспечивающие специалисты» и «руководители».

Выборочная совокупность опрошенных государственных служащих репрезентирует территориальное размещение, социально-профессиональные и демографические группы людей в возрасте от 20 лет и старше.

Тактическими «шагами» опросов являлось выявление отношения и оценок государственных служащих к следующим показателям: состояние социально-демографических и социально-экономических характеристик макросреды, понимание природы и основных характеристик кадровой политики, оценка эффективности ее социально-нормативного регулирования, состояние системы мотивации, качество корпоративной культуры и профессионализма, характер основных настроений, организационная приверженность государственных служащих.

Результаты опросов показали следующее. Более половины (50,6 %) государственных служащих оценивают демографические показате-

тели в стране как плохие, при этом состояние здоровья населения положительно оценивают только 15,9 % опрошенных, 35,9 % признают данный показатель удовлетворительным, а 45,5 % опрошенных считают плохим. Таким образом, практически каждый второй управленец достаточно скептически оценил состояние человеческих ресурсов в обществе по таким базовым характеристикам, как здоровье, рождаемость и смертность.

Высокую оценку состоянию нравственности в обществе смогли дать не более 18 % респондентов, при этом 53,1 % оценили положение дел как плохое и очень плохое, что почти в три раза выше количества давших положительную оценку. Эти результаты подтверждают серьезные изменения в российском обществе с системой ценностей, разрушение которой, особенно в последние 15 лет, привело к трансформации от «строгих ограничений» и пропаганды «нелюбви к накопительству и мещанству» в советское время до провозглашения «вседозволенности любой ценой». Жизненный приоритет новых поколений – заработать как можно больше, как можно быстрее, и любым способом.

В социологии есть такое понятие – «аномия». Его связывают с ситуацией, когда в обществе происходит падение престижа права и морали. Когда законы и общепринятые нормы перестают оказывать воздействие на поведение людей. Когда окружающая реальность побуждает к «двойной морали», вынуждает искать обходные пути для удовлетворения даже насущных нужд.

Уровень жизни положительно оценивают всего 13 % участников опроса, более половины (52,2 %) данный показатель считают плохим, треть опрошенных полагает, что уровень жизни заслуживает удовлетворительной оценки. Эти оценки также не случайны, так как в первом квартале 2009 г. величина прожиточного минимума в области составляла 4300 руб. в месяц, а услуги ЖКХ в среднем стоят примерно половины этой суммы. Не понятно, как должны жить или лучше сказать существовать простые граждане при вяло текущем экономическом кризисе и официальной инфляции в 13 %!

Тревожной выглядит оценка государственных служащими эффективности государственного управления: хорошо и отлично – всего 17,7 %, удовлетворительно – 35,9 %, плохо и очень плохо – 41,3 % (рис. 1).

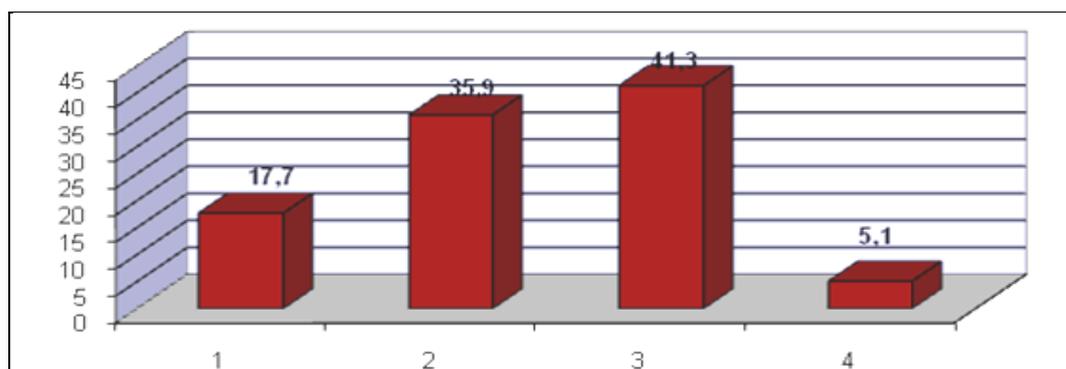

Рис. 1. Оценка эффективности государственного управления:

- 1 - Эффективность государственного управления высокая.
- 2 - Состояние эффективности государственного управления удовлетворительно.
- 3 - Эффективность государственного управления низкая.
- 4 - Ответ отсутствует

При этом 42,6 % респондентов считают, что обеспечение прав и оказание услуг гражданам и юридическим лицам осуществляются не эффективно в ситуациях, требующих принятия должностными лицами самостоятельных ответственных решений по существу дела, 20,8 % полагают, что обеспечение прав и оказание услуг осуществляются не эффективно и только 36,6 % опрошенных разделяют мнение, что эффективное обеспечение прав и оказание услуг имеют место во всех ситуациях, когда возможно законное решение вопроса по существу дела.

Почти половина (49,6 %) опрошенных отмечает негативные тенденции в осуществлении служебной деятельности, полагая, что имеет место формальное соблюдение требований законодательства без ориентации на результат (31,4 %) при отсутствии ответственности федеральных гражданских служащих за качество результатов профессиональной деятельности (18,2 %). Фактически респонденты указали на иррациональную систему управления обществом, при которой инструкции, приказы, задания и прочие формальные атрибуты власти становятся самоцелью.

Указанные выше результаты свидетельствуют о весьма низкой оценке государственными служащими основных характеристик российского общества, а также эффективности государственного управления. Необходимо при этом отметить, что не менее трети административных кадров считают методы, структуры и кадры управления неэффективными, а примерно 35 % государственных служащих называют засилье «бюрократии и коррупции» одним из главных препятствий на пути

развития страны, хотя сами респонденты относятся именно к этой социальной среде. Вместе с тем среди управленцев высшего и среднего звена позицию «...от российского чиновника ничего не зависит» занимают 77 % опрошенных [2, с. 39].

Особенно значимой с точки зрения социологии управления в рамках исследования оценок трансформаций социальных изменений представляет собой мотивационная сфера управленцев, включающая в себя все виды побуждений личности: потребности, интересы, стремления, притязания, ценностные ориентации. Мотивация, как движущая сила, детерминирующая человеческое поведение, пронизывает все структурные образования личности: направленность, характер, эмоции, психические процессы, способности и т. д. Опорой для понимания особенностей мотивации и правильной ее интерпретации являются потребности и процесс их удовлетворения. Возникновение потребности направляет активность человека на поиск достижения ее предмета, который может удовлетворить эту потребность.

В основе побуждающих мотивов, определивших выбор в пользу государственной службы, респонденты, в первую очередь, видят гарантии постоянной работы и стабильности положения (57 % государственных служащих), желание приобрести необходимый опыт, иметь перспективу для дальнейшей карьеры (31 %), возможность заниматься интересным, удовлетворяющим с точки зрения творчества и реализации профессиональных возможностей содержанием работы (30 %), стремлением приносить в меру своих сил пользу обществу (29 %). Такие основания, как желание занять достойное место в обществе и войти в его элитный слой (4 %), надежда установить связи

с людьми, которые могут быть полезны в обществе (6 %), как следует из материалов анкетирования занимают последние места.

Вместе с тем стремлением реализовать свои способности к разумной инициативе, рационализаторские качества в качестве по-

буждающего фактора называют только 6 % опрошенных, а стремление быть оцененным по достоинству руководством и коллегами по работе – 14 %. При этом 9 % ответили, что у них, кроме государственной службы, не было другого выбора (рис. 2).

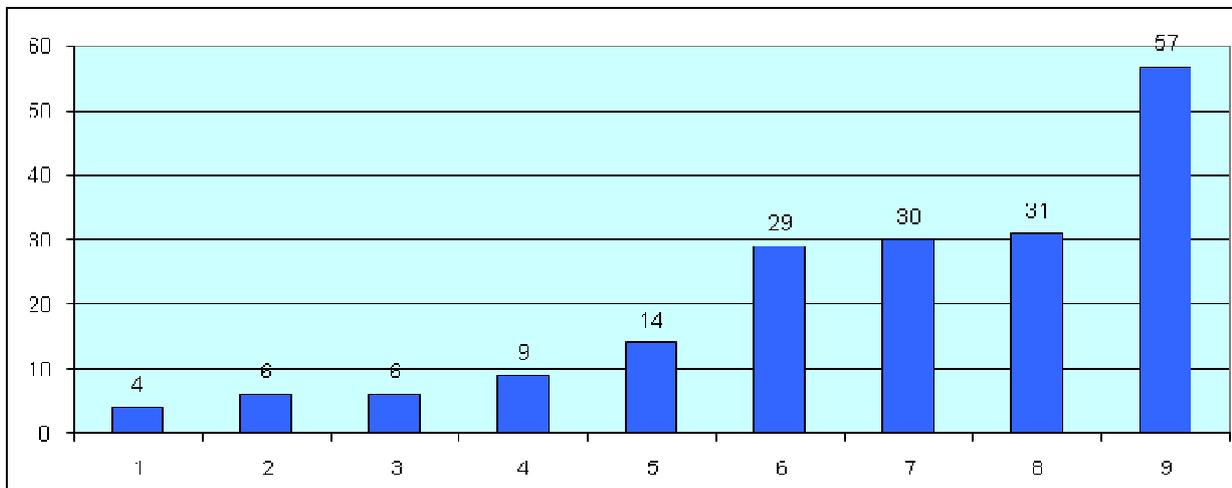

Рис. 2. Доминирующие мотивы поступления на государственную службу:

- 1 - Желание занять достойное место в обществе и войти в его элитный слой.
- 2 - Реализация своих способностей к разумной инициативе и рационализаторских качеств.
- 3 - Стремление установить связи с людьми, которые могут быть полезны в обществе.
- 4 - Отсутствие другого выбора
- 5 - Стремление быть оцененным по достоинству руководством и коллегами по работе.
- 6 - Стремление приносить в меру своих сил пользу обществу.
- 7 - Возможность заниматься интересным, удовлетворяющим с точки зрения творчества и реализации профессиональных возможностей содержанием работы.
- 8 - Желание приобрести необходимый опыт, иметь перспективу для дальнейшей карьеры.
- 9 - Гарантии постоянной работы и стабильности положения

Исследование удовлетворенности социальных ожиданий показывает низкое количество государственных служащих, полностью удовлетворенных своей работой, – только 13,7 %. При этом ответили, что они «больше удовлетворены ею, чем не удовлетворены» 49,7 % респондентов. В целом в той или иной степени не удовлетворены своей работой на государственной службе около 26 % опрошенных при 7,7 % затруднившихся ответить. Таким образом, прямо или косвенно не высказывают удовлетворенность своей профессиональной деятельностью более трети участников опроса. Эти данные можно проинтерпретировать и объяснить либо неискренностью ответов респондентов, либо именно «латентными» причинами, когда человек занимает должность не по призванию, а из-за системы привилегий, которыми он будет или уже обладает.

Интересно, что в качестве основных причин неудовлетворенности респонденты отнесли: материальное положение (подавляющее большинство ответов – 64 % государственных служащих), большой объем работы (23 %), низкое качество организации служебного взаимодействия, большое количество не нужной работы и неразберихи (19,9 %), низкий уровень социально-правовой защищенности (18,6 %), рутинный характер служебной деятельности, отсутствие возможностей для творчества и самореализации (16,3 %). Только 4,4 % опрошенных высказали мнение, что не видят результатов своей деятельности, а не удовлетворены морально-психологическим климатом 5,4 % государственных служащих, вызывает неудовлетворенность оценка их труда со стороны руководства у 6 % опрошенных (рис. 3).

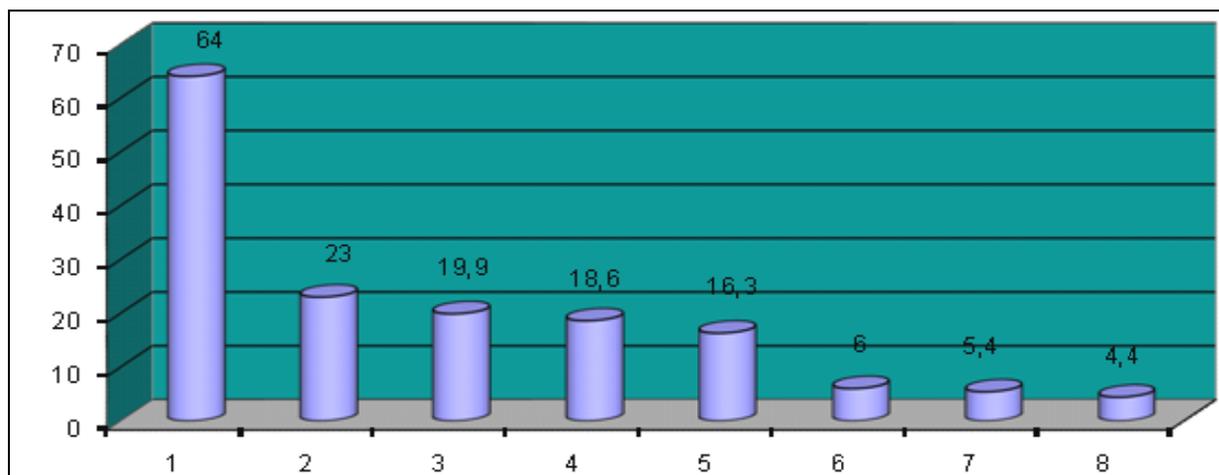

Рис. 3. Основные причины неудовлетворенности государственных служащих своей работой:

- 1 - Неудовлетворенность материальным положением.
- 2 - Слишком велик объем работы.
- 3 - Низкое качество организации служебного взаимодействия, большое количество не нужной работы и неразберихи.
- 4 - Неудовлетворенность уровнем социально-правовой защищенности.
- 5 - Рутинный характер служебной деятельности, отсутствие возможностей для творчества и самореализации.
- 6 - Неудовлетворенность оценкой труда со стороны руководства.
- 7 - Неудовлетворенность морально-психологическим климатом в коллективе.
- 8 - Не видят ощутимых результатов и пользы своей деятельности

Менее половины государственных служащих выражают уверенность в том, что их профессиональные знания востребованы на работе в полном объеме (45 %). Считают, что знания востребованы лишь отчасти 34 % респондентов, не востребованы - 5,8 %, 8,7 % - затруднились ответить.

Положительно характеризуют существующую в государственном органе систему моральных поощрений только 27,6 % участников опроса, посредственную оценку дают 29,2 % опрошенных, а плохую каждый третий - 34,7 %.

Резюмируя, необходимо отметить, что в условиях неудовлетворительного социально-правового и материального статуса при отсутствии востребованности профессиональных знаний и неадекватной оценки труда со стороны руководства имеется серьезная опасность утраты государственными служащими мотивации к эффективной и результативной служебной деятельности.

Основными настроениями, преобладающими у государственных служащих, являются стремление к сохранению гарантированного рабочего места (49 %) при стремлении к профессиональному развитию, самореализации в рамках профессиональной деятельности и проявлению инициативы (38,8 %).

Осознают задачи государственного органа и имеют желание качественно и эффективно их выполнять, понимая социальную значимость и пользу собственной деятельности, только треть респондентов, а чувствуют ответственность за выполнение своих служебных обязанностей всего 30,8 %.

Следует отметить, что не уверены в возможности служебного продвижения за счет развития профессиональных качеств 18 % участников опроса, испытывают безразличие к интересам государственного органа в целом и замкнуты на своих служебных проблемах 15,3 % государственных служащих, а пессимизм и неуверенность в завтрашнем дне испытывает каждый десятый (10,6 %). Характерно, что удовлетворены своим социальным положением только 4,5 % опрошенных.

В качестве основных критериев, по которым оценивается труд государственных служащих, 58 % участников опроса назвали добросовестное отношение к работе, 54,1 % - строгое соблюдение правил, дисциплины и порядка, 41,6 % опрошенных - стаж работы в организации. При этом 41,4 % респондентов считают в качестве критерия оценки реальную пользу для организации, и только 36,8 % государственных служащих - творчество и инициативу (рис. 4).

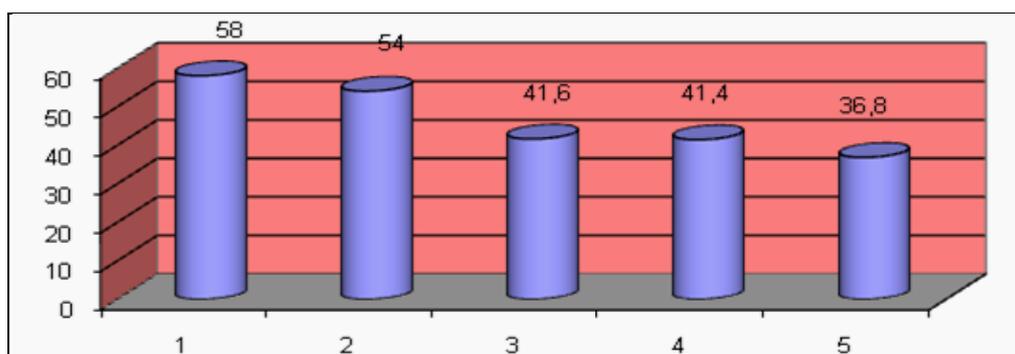

Рис. 4. Основные критерии оценки труда государственных служащих:

- 1 - Добросовестное отношение к работе.
- 2 - Строгое соблюдение правил, дисциплины и порядка.
- 3 - Стаж работы в организации.
- 4 - Реальная польза для организации.
- 5 - Творчество и инициатива

Раскрывая содержание такого определяющего понятия, как «профессионализм», наиболее важными качествами федерального государственного служащего респонденты называют ответственность (47,4 %), интеллект (47,1 %), законопослушность и строгое соблюдение норм (35,9 %), коммуникабельность (27 %), дисциплинированность (26,9 %). Находятся в середине рейтинга такие значимые профессиональные качества, как само-

стоятельность в принятии решений (20,2 %), честность (19,2 %), корректность (17,9 %), эффективная организация рабочего места (16,3 %), толерантность (14,1 %). В конце рейтинга – воля (12,5 %), чувство профессионального и личного достоинства (12,5 %), логичность мышления (10,9 %), творчество, разумная инициатива (8 %), восприятие критики (5,7 %), жесткость (2,2 %) (рис. 5).

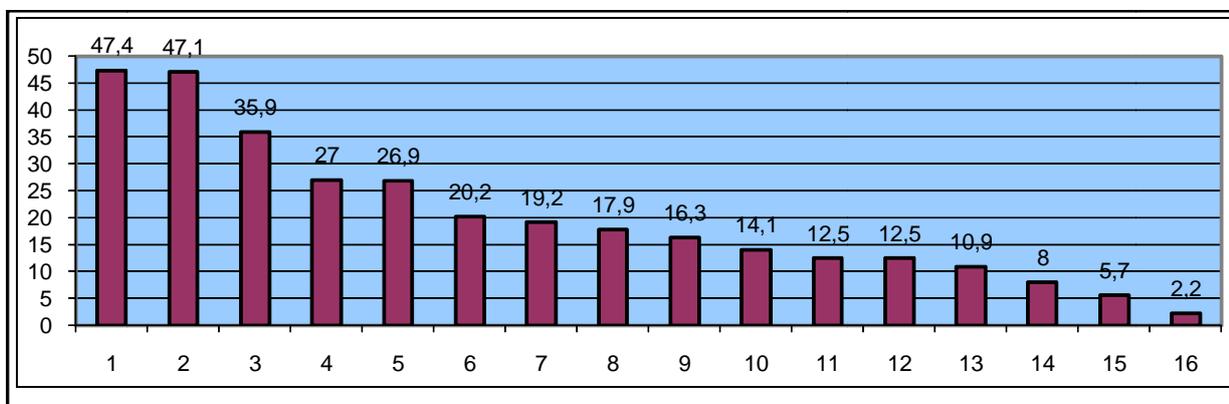

Рис. 5. Наиболее важные профессиональные качества государственного служащего:

- 1 - Ответственность.
- 2 - Интеллект.
- 3 - Законопослушность и строгое соблюдение норм.
- 4 - Коммуникабельность.
- 5 - Дисциплинированность.
- 6 - Самостоятельность в принятии решений.
- 7 - Честность.
- 8 - Корректность.
- 9 - Эффективная организация рабочего места.
- 10 - Толерантность.
- 11 - Воля.
- 12 - Чувство профессионального и личного достоинства.
- 13 - Логичность мышления.
- 14 - Творчество, разумная инициатива.
- 15 - Восприятие критики.
- 16 - Жесткость

Полученные данные позволяют сделать вывод о преобладании профессиональных качеств, характерных для исполнительных работников, относящихся в служебной деятельности добросовестно, но без энтузиазма. По-видимому, большая заорганизованность служебных обязанностей и должностных инструкций, которые не позволяют «государственным людям» проявить самостоятельность и новаторский характер в значительной степени является причиной организационной дисфункции, которая приводит к различным негативным последствиям, включая и коррупцию, что уже и отмечали респонденты.

Крайне негативен результат оценки уровня знаний, получаемый современными выпу-

сниками вузов по специальностям «Юриспруденция» и «Государственное и муниципальное управление». Как высокий, позволяющий свободно ориентироваться в системе правовых норм и закономерностях общественной жизни и успешно применять данные знания на практике, добиваясь успехов в профессиональной деятельности, оценивают данный уровень только 18 % опрошенных, в то время как практически не применяющиеся в служебной деятельности, определили знания, даваемые вузами 81,9 % респондентов из которых 43,7 % полагают, что для того, чтобы быть успешным профессионалом приходится заново учиться всему на практике (рис. 6).

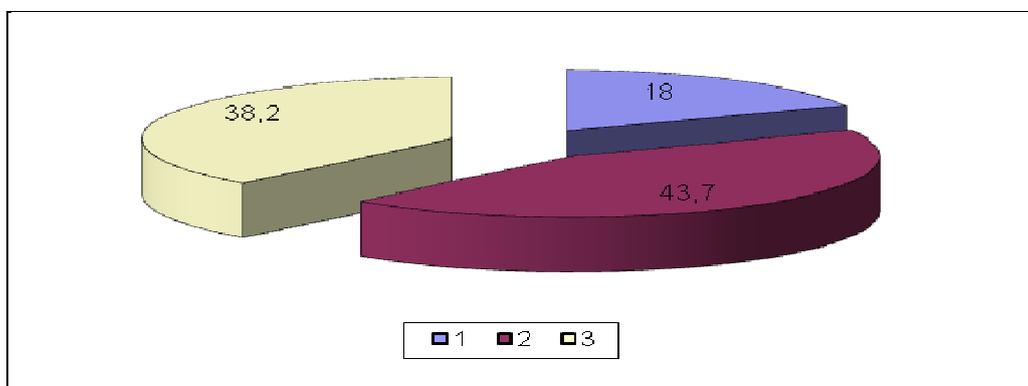

Рис. 6. Оценка уровня знаний, получаемых современными выпускниками вузов по специальностям «Юриспруденция» и «Государственное и муниципальное правление»:

- 1 - Высокий уровень знаний, позволяющий свободно ориентироваться в системе правовых норм и закономерностях общественной жизни и успешно применять данные знания на практике, добиваясь успехов в профессиональной деятельности.
- 2 - Определенные знания можно получить, но данные знания более способствуют общему развитию личности и применяются в профессиональной деятельности незначительно, так как закономерности реальной жизни существенно отличаются от знаний, полученных в вузе.
- 3 - Знания, полученные в вузе, не применяются в профессиональной деятельности, так как не соответствуют закономерностям реальной жизни, при этом, чтобы быть успешным профессионалом приходится заново учиться всему на практике

Приведенные выше данные являются тревожным сигналом не только в оценке профессиональных знаний выпускников высших учебных заведений, но и в эффективности процесса ротации кадров в системе государственной службы.

Количественные и качественные параметры кадрового корпуса государственных служащих федеральных органов исполнительной власти позволяют говорить о наличии конструктивного потенциала, объективно позволяющего эффективно реализовывать функции государственного управления. Вместе с тем анализ показывает, что велика доля государственных служащих, которые:

а) предпочитают четкую и детальную регламентацию служебной деятельности, которая не требует принятия самостоятельных решений (19,9 %) и считающих условием успешной деятельности наличие системы детального «пошагового» контроля (19,2 %);

б) распространен такой вид мотивации служебной деятельности, как желание сделать свою работу, чтобы скорее освободиться (39,7 %);

в) полагают в качестве первичного мотива стремление к сохранению гарантированного рабочего места (49 %).

Данные характеристики свидетельствуют о возможности отнесения данной группы

государственных служащих к категории работников X классификации Д. МакГрегора, основными характеристиками которых являются следующие качества: доминирование в мотивах материальных потребностей, стремление к сохранению рабочего места, понимание служебной деятельности только как необходимой обязанности, стремление избежать ответственности, отсутствие честолюбия, следствием чего является применение в виде главных стимулов жесткого организационного порядка и принуждения (контроль и материальное стимулирование).

Вместе с тем имеется ярко выраженная группа государственных служащих, представители которой:

а) стремятся к свободе принятия решений в рамках закона и готовы к высокому уровню ответственности за их качество (42,3 %);

б) стремятся к самореализации и творчеству (40 %);

в) испытывают ощущение профессиональной востребованности (45 %).

Данная группа обладает качествами, характерными для работников категории Y (Д. МакГрегор), для которых стимулирующие факторы, побуждающие к эффективной

служебной деятельности, располагаются в следующем порядке: самоутверждение (само-реализация), моральное и материальное поощрение. Указанные государственные служащие способны к эффективной служебной деятельности при учете и интеграции их личных интересов в систему реализации организационных целей государственного органа. В данном случае служебная деятельность становится скорее важной частью жизни, чем вторжением в нее.

Приведенные выше показатели на уровне самооценок деятельности государственных служащих позволяют сделать вывод о том, что пока институт государственной службы в нашем обществе не является реальным демократическим институтом, который мог бы стать проводником демократических трансформаций и эффективных изменений во благо всего общества.

Библиографический список

1. Андреев, А. Российское общество: запрос на нравственность и компетентность [Текст] / А. Андреев // Государственная служба. – 2006. – № 1 (39).
2. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка. – М.: Аспект-пресс, 1996.

УДК 316.3

ЛОББИЗМ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

К. О. Магомедов

В статье рассматриваются особенности взаимодействия государства и общества в современной России, отмечается основная цель государственной гражданской службы – эффективная реализация властных полномочий государства и ее важнейшая роль – оказание гражданам государственных услуг. Для нормального функционирования общества необходимы специфические институты согласования интересов и выработки взаимоприемлемых решений. Одним из таких институтов является лоббизм. Лоббизм в России представляет собой одну из форм реализации конституционного права граждан участвовать в управлении своей страной.

Ключевые слова: государственная власть, государственная гражданская служба как социальный институт, государственные услуги, гражданское общество, псевдогосударственные и квазигражданские структуры, лоббизм, коррупция.

LOBBYISM IN THE CONTEST OF INTERACTION

K. O. Magomedov

The article touches upon peculiarities of interaction of the state and the society of modern Russia, formulates the main goal of state civil service as effective realization of power authorization of the state and its main role as rendering state services to the population. Ordinary functioning of the society requires specific institutes of accommodation of interests and developing mutually acceptable solutions. One of such solutions is lobbyism. Lobbyism in Russia is one of the forms of realization of constitutional right of the citizens to take part in management of the country.

Keywords: state authority, public civil service as a social institution, public services, civil society, and pseudo-public and quasi-civil structures, government relations, corruption.

С государственной-институциональной точки зрения государственная гражданская служба – это специфический социально-правовой институт, реализующийся в аппаратной деятельности работников государственных органов, без которой невозможно не только нормальное функционирование, но и само существование государства. Эффективная гражданская служба является ключевым фактором прочности государственной власти, ее авторитета и высокого динамизма. Она призвана решать целый комплекс задач: обеспечивать единство законодательного процесса и императивов правоприменения в работе над документами; профессионального сопровождения процессов формирования правового поля при осуществлении целей и задач государства; создания политически и юридически благоприятных условий для реализации каждым человеком своих конституционных и социальных прав, свобод и интересов.

Важнейшим принципом организации государственной службы, в котором законодательно закрепляется ее место и роль в структуре отношений «общество – государство», является верховенство Конституции и законов РФ, которые предписывают при исполнении должностных обязанностей отдавать приоритет обеспечению прав и свобод человека и гражданина.

Основная цель государственной гражданской службы – эффективная реализация властных полномочий государства посредством вовлечения в сферу государственной деятельности профессионально компетентных работников. Среди других важных ее целей особую актуальность приобретает сегодня выполнение конституционных, то есть определенных общественным волеизъявлением, установок на создание устойчивых структур правового по существу и социального по направленности государства. И здесь проявляется одна из главных на современном этапе развития российского общества функция государственной гражданской службы: развивать и регулировать на правовых основах отношения между государством и обществом, между государством и его гражданами.

Анализ государственной гражданской службы с позиции общества свидетельствует о социальной обусловленности возникновения и развития этого феномена общественных отношений, зависимости социальной

природы государственной гражданской службы от политического строя общества, типа государства, ее всесторонней связи с другими социальными институтами, а также качественных и количественных параметров состава государственных служащих.

Выполняя роль связующего звена между государством и обществом, государственная гражданская служба в современных условиях должна обеспечивать интересы граждан в сфере предоставления государственно-управленческих услуг. Тем самым она становится важным фактором социальной и экономической стабильности не только государства в целом, но и отдельных социальных групп, граждан и их объединений, то есть всего структурного многообразия российского общества.

В качестве социального института государственная служба опосредует отношения между гражданским обществом и государством, что выражается в различных правовых и организационных аспектах. В ней реализуется деятельностная сторона всех ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной, так как она объединяет в общегосударственном нормативно-правовом пространстве исполнение властных полномочий всех государственных и местных органов и распределяет компетенцию и ответственность за их реализацию по государственным должностям. Поэтому в государственной службе сконцентрированы все основные виды правоотношений, например, между служащими и государством, служащими и гражданами государства, а также между структурами государственной гражданской службы, ее служащими и структурами самоорганизации гражданского общества. В этом отношении государственную службу можно рассматривать как социальный институт, не только управляющий жизнедеятельностью граждан государства, организующего социальную базу общества, но и производящий определенные социальные услуги государственного характера.

Государственная гражданская служба в качестве социального института входит в непосредственное взаимодействие с важнейшими институтами общества и во многом воспринимает их влияние через уточнение целей и задач, а также условий своей деятельности. Она испытывает разнообразные по интенсивности и характеру воздействия

со стороны института права (в его административной, гражданской, уголовной и множестве специальных областей), а также различных институтов гражданского общества в экономической, социальной и культурно-духовной сфер общества.

Важным компонентом в развитых странах являются институты гражданского общества, решающие задачи удовлетворения социальных потребностей населения, защиты их политических, экономических, культурных и других интересов. Именно в этих учреждениях находит свое практическое выражение потребность населения в самоорганизации, саморегулировании общественных связей и отношений. При этом государство и гражданское общество взаимно контролируют друг друга, что обеспечивает демократический характер структуры и функционирования общественного организма. При этом по отношению к государству гражданское общество является одновременно объектом и субъектом управления: с одной стороны, подвергаясь воздействию со стороны государства, регулирующего систему отношений между людьми для реализации их общего интереса, а с другой – активно воздействуя на государство, учитывая особые и общие интересы составляющих его людей и социальных общностей.

Гражданское общество и правовое государство – это две равно значимые реалии современного цивилизованного, демократического по характеру и содержанию способа самоорганизации человеческого социума. Они связаны между собой генетически и исторически. Их появление обусловлено действием одних и тех же процессов общественного развития. Но их взаимоотношения всегда строились, и, вероятно, в обозримом будущем будут строиться на основе разрешения диалектических противоречий, коренящихся в социальной природе самого общества.

При взаимодействии различных интересов гражданского общества и государства постоянно возникают обоюдные потребности регулирования тех или иных взаимоотношений между ними, согласования их интересов. Для этого государство имеет достаточно развитую законодательную и нормативно-процедурную базу управления, а также действенный механизм для его осуществления – государственную гражданскую службу. Гра-

жданское общество вырабатывает свои способы воздействия на государство, при этом объектом непосредственного воздействия, в силу специфики своего положения, часто оказывается государственная гражданская служба, а также муниципальная служба.

Однако при этом возникают и реальные опасности деформации процессов взаимодействия государства и гражданского общества. В частности, в современной России организационная слабость государственных институтов, а также слабость и незрелость институтов гражданского общества создают благоприятную почву для существования негативных явлений и тенденций, самыми опасными среди которых является реальное функционирование псевдогосударственных и квазигражданских структур и элементов в сфере регулирования широкого спектра общественных процессов в экономике, политике, социальной сфере. Следствием этого стало сужение регулируемого государством и общественными институтами пространства социальных взаимодействий, снижение эффективности государственной политики, сдерживание процессов развития гражданского общества и т. п.

Для нормального протекания демократических процессов в российском обществе (как для развития государственности, так и для дальнейшей институционализации гражданского общества) одной из актуальных проблем становится регулирование принятия государственных решений. Гражданское общество активно включается в эту деятельность посредством своих институтов, например, таких, как Общественная палата. Согласно обсуждаемым поправкам в Закон «Об Общественной палате», данному учреждению может быть поручено проведение экспертизы всех законопроектов, которые проходят процедуры принятия в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации [2].

Принятие законопроектов – это достаточно сложный и во многом противоречивый процесс, в котором сталкиваются интересы различных сторон. Собственно и вся жизнь общества противоречива, поэтому для ее нормального протекания необходимы специфические институты согласования интересов и выработки взаимоприемлемых решений.

Одним из таких институтов, как показывает мировая практика, является лоббизм.

Лоббизм в России, по сути, представляет собой одну из форм реализации конституционного права граждан участвовать в управлении своей страной. Лоббизм является элементом сложно структурированного общества и отражает наличие разнообразных интересов социальных групп, ассоциаций, территориальных общностей и т. п. Процесс лоббирования заключается в определенном воздействии лоббистов на государственных служащих и должностных лиц, которые обязаны принимать решения, исходя из целей, установленных правом (Конституцией, законами и иными нормативными актами) и общественно одобряемых культурных и моральных норм.

Чиновник, действуя в рамках закона и принимая необходимое для общества решение, выражаемое лоббистами, помогает последним артикулировать общественные и групповые интересы. Однако возможен и другой вариант, когда чиновник, имея возможность распоряжаться не принадлежащими ему ресурсами, действует в личных интересах или в интересах какой-либо корпорации, получая за это дополнительное вознаграждение. И тогда мы имеем дело с коррупцией.

По своей сущности лоббизм может быть отнесен к феноменам управленческого порядка, хотя он имеет достаточно сложную социальную природу. С одной стороны, его можно рассматривать как результат самоорганизационных процессов в гражданском обществе. В первую очередь, это формирование заинтересованных социальных групп различного состава, или, как их определяет В. Д. Граждан, «организованных групп интересов» [1, с. 316]. Он же дает очень символическое определение этому явлению: «Организованные группы интересов – это социальные общности (общественные объединения), активно добивающиеся удовлетворения собственных интересов с помощью целенаправленного воздействия на государственные органы или их должностных лиц» [1, с. 317].

С другой стороны, лоббизм уже давно является механизмом опосредования управленческих взаимодействий между гражданским обществом и государством, формой

своеобразного социального обмена: реализация групповых интересов (экономических, социальных, культурных, религиозных и т. п.) в обмен на политическую стабильность и поддержку власти.

Взаимодействие экономически и политически заинтересованных групп предпринимателей, финансовых и промышленных кругов с органами государственной власти и управления осуществляется посредством формальных и неформальных контактов, регулируемых особыми правовыми актами. Однако построение цивилизованных лоббистских отношений еще далеко не завершено, что предопределяет повышенный интерес широкой, в том числе и научной общественности к проблеме лоббизма в его различных формах проявления в современной России.

Вместе с тем лоббизм – это система реализации интересов различных социальных групп граждан, экономических и политических союзов и объединений путем организованного воздействия на законодательную и административную деятельность государственных органов власти и управления.

Иными словами, лоббизм выступает в качестве специфической профессиональной деятельности по оказанию воздействия на органы государственной власти и управления для принятия тех или иных решений, в которых заинтересованы определенные экономические и политические группы.

Понимая неизбежность лоббирования, представители законодательных органов ведут поиск форм его легализации и стремятся перевести «прямое» воздействие путем подкупа в не прямое, прежде всего информационное воздействие, состоящее в предоставлении законодателям и государственным служащим полной информации, подтверждающей объективный характер интересов, обоснованность или необоснованный характер требований тех или иных групп.

Лоббизм выполняет в обществе определенные функции и задачи. Во-первых, лоббистские группы являются посредниками между гражданами и государством. Посредничество широко распространено, прежде всего, в законодательной, политической и информационной сферах. В ходе принятия закона или его реализации важную роль играют эксперты. Но пропущенный через интерес

самих граждан, сконструированный в лоббистских группах, закон становится более адекватным как с точки зрения формальной структуры, так и с точки зрения легитимности принимаемых решений. Группы лоббистского давления, добиваясь определенных выгод для себя, в свою очередь, обеспечивают благоприятные условия восприятия обществом и конкретными группами населения принимаемых государством законов.

Во-вторых, лоббизм выполняет функцию оптимизации структуры общественных интересов. Процессы лоббирования всегда осуществляет небольшая группа людей, но результаты лоббирования имеют значительные последствия и затрагивают в отдельных случаях большие слои населения страны. Положительные стороны лоббизма не только в том, что кто-то, действуя в своих интересах, «проталкивает» нужное для общества дело. Обществу это выгодно, так как сопоставление групповых интересов, возможностей и последствий разного рода действий, осуществляемое в рамках демократической процедуры и выражаемое в политических решениях, образует сложную систему сдержек и противовесов. Такое понимание лоббизма дает представление о нем как об одном из институтов гражданского общества, имеющего в конечном счете положительную характеристику.

В-третьих, лоббизм как бы расширяет и дополняет конституционную систему демократического представительства, позволяя участвовать в принятии и реализации политических решений тем группам, которые не имеют иных возможностей. Поскольку парламент формируется по территориальным округам и партийным спискам, значительное количество общественных групп не в состоянии реализовать в полной мере свои интересы. Однако, благодаря цивилизованным практикам лоббизма, в общенациональном масштабе получают выражение интересы, которые в ином случае остались бы невыраженными.

Опыт различных стран с богатыми традициями лоббизма показывает, что цели лоббистской деятельности по преимуществу экономические. Это, как правило, налоговые льготы, распределение бюджетных средств, государственных квот и лицензий и т. п. Поэтому лоббистский интерес – это в первую очередь экономический интерес.

Вывод, который следует сделать из анализа процессов развития лоббизма, отношений лоббистских групп и государственных органов в современной России заключается в том, что ни лоббизм, ни государственные институты не достигли той степени зрелости и цивилизованности, которые позволили бы им строить свои отношения, исходя из оптимального сочетания личных, групповых, общественных и государственных интересов. Становление цивилизованного лоббизма требует политической воли и значительных усилий в формировании правового пространства лоббистской деятельности, в создании экономических механизмов взаимодействия заинтересованных групп и государства, в развитии социального партнерства. Большая роль и ответственность возлагается на российских законодателей, которые пока так и не смогли принять Федеральный закон «О регулировании лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти».

Следует, однако, отметить и то, что ни представители гражданского общества (в основном предприниматели), ни государственные служащие пока еще не осознают в достаточной мере важность такой меры. Превращение существующих форм лоббизма в подлинно демократический институт представительства и реализации законных групповых интересов гражданского общества – это объективная потребность развития и российского общества, и российской государственности. Это и неизбежный этап на пути развития государственности и гражданственности в России, необходимым условием прохождения, которого должна быть общественная заинтересованность и активная гражданская позиция. Вовлеченность в процесс становления и функционирования лоббизма в Российской Федерации институтов государства и гражданского общества позволит обеспечить регулирование этого процесса и контроль его социальных последствий.

Сегодня можно констатировать, что лоббизм постепенно становится весомым инструментом влияния на процессы государственного управления, так как его возможности активно используются во взаимодействии между различными ветвями власти (например, во взаимоотношениях исполнительной и законодательной власти). А это означает, что лоббирование вошло в сферу деятельности

государственных служащих, и его необходимо исследовать с точки зрения влияния на государственную службу, на все ее компоненты, включая функциональные цели и задачи, регламентные нормы, организационную структуру, конфликты интересов, внутреннюю и внешнюю социальную среду.

Библиографический список

1. Граждан, В. Д. Теория управления [Текст]: учебное пособие / В. Д. Граждан. – М.: Изд-во РАГС, 2004.
2. Общественная палата получит право на экспертизу // Газета. – 2008. – № 205 (1712). – 28 октября.

УДК 316.2

ЛИБЕРАЛЬНО-ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА «ПОППЕРА-ХАЙЕКА» И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В. И. Верховин

Синтезированный анализ проблемы рационального выбора социально-экономического поведения К. Поппера и Ф. Хайека. Обусловленность теоретических взглядов на проблему рациональности К. Поппера концепцией «открытого общества». Базой концептуальных построений Ф. Хайека явилась эволюционная эпистемология, позволяющая осмыслить рост и функцию человеческого знания.

Ключевые слова: рациональное поведение, органическая рациональность, закрытое общество, открытое общество.

LIBERAL AND HUMANISTIC «POPPER AND HAYEK'S» CONCEPTION OF RATIONAL CHOICE AND ITS INTERPRETATION

V. I. Verkhovin

Synthesized analysis of the rational choice problem of social and economic behavior in the works of K. Popper and F. Hayek. Determination of theoretical views at the problem of rationality of K. Popper by conception of «open society». Evolutionary epistemology enabling to comprehend the growth and function of human knowledge serves as the base for Hayek's conception.

Keywords: rational behavior, constitutional rationality, closed society, open society

В социологии и экономической теории существует целый ряд трактовок рациональности социального (экономического) поведения, среди которых особое место занимает либерально-гуманистическая концепция рационального выбора «Поппера-Хайека». В рамках этой модели, на наш взгляд, наиболее полно учитывается многомерность и сложность реального рационального выбора, который рассматривается как социокультурная реальность, не сводимая к процедурам формальной (инструментальной) рациональности и утилитарным интересам. Адептами этой модели были два выдающихся ученых – К. Поппер и Ф. Хайек. Они, более полувека находясь в состоянии творческого сотрудничества, развивали основные ее философские и социологические положения, которые были изложены в теории рационального поведения К. Поппера и в теории органической рациональности Ф. Хайека.

Суть теории рационального поведения К. Поппера заключается в следующем.

1. К. Поппер, не абсолютизируя возможности конкретного человека как рационального существа и отстаивая либеральную концепцию рациональности человеческого поведения, связывает рациональность с существованием взаимного сотрудничества и конкуренции множества действующих индивидов. Последние, с одной стороны, преследуют собственные цели и интересы, а с другой – находятся друг с другом в состоянии диалога по поводу возникающих противоречий. Этот диалог носит рациональный характер в том смысле, что он принимает во внимание прежде всего доказательства, а не личность и статус доказывающего. В соответствии с этим система коммуникации действующих и конкурирующих друг с другом субъектов должна быть основана на признании всякого, с кем общаются, потенциальным источником разум-

ной информации и доказательств. Тем самым устанавливается то, что можно назвать «рациональным единством человечества» [1, с. 261].

2. Разумное (рациональное) поведение – это, прежде всего, рациональная коммуникация имеющих свою точку зрения индивидов, ограниченных возможностями своего интеллекта, своей ситуации, своего знания, но находящихся в диалоге друг с другом с целью некоторого приближения к объективности [1, с. 260].

3. Высшего критерия рациональности *не существует*. Социальная теория разума предполагает интерперсональное его развитие, когда отдельные интеллектуальные способности, даже самых выдающихся людей, не могут служить основанием для абсолютизации какой-либо одной точки зрения. Знание, в особенности процесс его развития, базируется на подлинном рационализме, то есть свободе высказывать свою точку зрения, одновременно осознавая то обстоятельство, что не следует слишком полагаться на возможности отдельного разума [1, с. 262].

4. Множество людей, находясь в постоянном критико-конкурентном диалоге, обеспечивают рациональное понимание друг друга при условии функционирования институтов и традиций, оберегающих свободу критики или, что одно и то же, свободу мысли [1, с. 262]. Поэтому предпосылки рационального поведения лежат за пределами индивидуального разума. Они заключены в таком институциональном устройстве общества и в таких традициях, которые обеспечивают индивидуальную свободу самовыражения, критический анализ чужих аргументов и опыта, терпимость к мнению других, беспристрастность, ответственность и гуманистическую направленность человеческих действий и поступков [1, с. 268–274].

5. Нельзя абсолютизировать также возможности разума, отвергающего все утверждения и действия, не обоснованные доказательством и опытом. Рациональное поведение не становится рациональным только потому, что оно основано на логической аргументации, поскольку те, кто готов принимать во внимание аргументы и опыт, то есть люди, которые уже признали такой рационализм, – только они и будут проявлять к нему интерес. Можно сказать, что рационалистический подход сначала должен быть принят и только после этого могут стать эффективными аргументы и опыт. Поэтому повторим, что рационалистический подход не может быть обоснован ни опытом, ни аргументами, он вытекает (по крайней

мере, гипотетически) из акта веры – веры в разум [1, с. 266–268].

6. Это с критического рационализма, по Попперу, предполагает [1, с. 275]:

а) не только веру в собственный разум, но также – и даже более того – веру в разум других;

б) осознание того, что если отдельный интеллект и превосходит другие интеллекты (о чем трудно судить), то лишь настолько, насколько он способен учиться под воздействием критики, учиться на своих собственных ошибках и ошибках других людей;

в) представление о том, что другой человек имеет право отстаивать свои доводы.

7. Эти принципы рационального поведения, воплощенные в социальной практике, способствуют тому, что отдельный человек, уникальные действия, опыт и отношения которого не могут быть вполне рационализированы, может нестандартно действовать в стандартных ситуациях, создавая уникальные продукты, идеи, информацию. То есть быть субъектом инновационных действий.

Концепция рационального поведения дополняется К. Поппером концепцией «прагматической рациональности», которую можно описать как такой подход, который стремится к ясности во всем, однако признает, что связь между явлениями жизни никогда до конца не будет доступна пониманию, а следовательно, и рационализации [1, с. 427].

Эти социально-философские взгляды К. Поппера базируются на его социологической теории «открытого общества», которую он обосновал, дав разграничение основных принципов социальной организации «открытого», (современного гражданского общества) и его антипода – «закрытого общества». Естественно, при выделении этих принципов им «выносятся за скобки» те реальные исторические процессы и тот временной масштаб преобразований, которые явились предпосылкой и причиной социальной трансформации одного типа социальной организации в другой. Тем не менее Поппер, опираясь на свой метод исторической интерпретации предпосылок существования «закрытого общества» [2, с. 215–216], сделал попытку показать принципиальное различие современных ему демократических (рациональных) режимов от режимов тоталитарных (иррациональных).

Основные особенности «закрытого общества» Поппер интерпретирует, опираясь на анализ традиционных кровнородственных и племенных институтов [1, с. 218], которые, с одной стороны, отражали одну из объек-

тивных стадий, фаз эволюции социальных систем. С другой стороны, на более поздних этапах тормозили их развитие, трансформи-

руясь в институты, подчиняющие все общество сословно-кастовым принципам организации.

Основные особенности «закрытого» и «открытого общества», по Попперу

Основные особенности «закрытого» общества	Основные особенности «открытого» общества
<p>1. «Закрытое общество», по мнению К. Поппера, можно сравнить с организмом, состоящим из специализированных органов и элементов, которые жестко «привязаны» к своим функциям и не могут их произвольно изменять [2, с. 218]. На базе этой простой аналогии оценивается и социальная структура «закрытого общества», которая включает его членов в систему <i>предписанных</i> социальных статусов, существенно ограничивающих альтернативы социальной мобильности. Причем это касается не только объективных, «естественных» социальных статусов (пол, национальность, раса, место рождения и т. п.), которые человек не может изменить по своей воле, но и тех статусов, которые в современной теории социальной стратификации называются «приобретенными»</p>	<p>1. В структуре современных «открытых» обществ естественные, <i>предписанные</i> социальные статусы являются следствием функционирования коммуналных социальных порядков, (семейных, этнических и т. п.). Они играют важную роль в социальной категоризации, позволяя идентифицировать или отличать людей друг от друга. Однако «ранговая функция» статусов подобного рода все время уменьшается, так как они противоречат ценностям гражданского общества, в рамках которого признанным условием социального воспроизводства его членов является именно <i>конкуренция</i> за обладание тем или иным статусом [2, с. 219] и, соответствующие ей, различные формы социальной мобильности</p>
<p>2. «Закрытое общество», по мнению К. Поппера, сходно по своим основным характеристикам со стадом или племенем, члены которого объединены полубиологическими связями – родством, общей жизнью, участием в общих делах, одинаковыми опасностями, общими удовольствиями и бедами [2, с. 218]</p>	<p>2. «Открытое общество» теряет эти качества, оно становится более «<i>диффузным</i>» (если говорить об уменьшении внутри него роли традиционных механизмов социальной солидарности) и <i>индивидуалистическим</i>, функционируя в основном при помощи таких абстрактных отношений, как обмен, кооперация и т. п. [2, с. 220]</p>
<p>3. «Закрытое общество» функционирует как конкретная социальная группа, члены которого не только связаны между собой полуорганическим (К. Поппер) единством, но и конкретными физическими отношениями типа осязания, обоняния, зрения и т. п. [2, с. 218]. То есть, иначе говоря, они находятся в непосредственной интерактивной связи друг с другом, подчиняя, по словам Э. Дюркгейма, свои действия и взаимодействия институтам «механической солидарности»</p>	<p>3. В рамках «открытого», абстрактного общества конкретные люди также образуют те или иные социальные группы подобного рода. Они вступают в действительные социальные связи всех видов и пытаются в меру возможностей удовлетворить свои эмоциональные потребности. Однако большинство социальных групп современного «открытого общества» являются не более чем суррогатами, поскольку они не создают действительных условий для общественной жизни, а многие из них не обладают никакой реальной функцией в жизни общества в целом [2, с. 220]. Самое существенное, что личные отношения в «открытом обществе» преимущественно возникают только там, где в них можно вступать свободно и где они не определяются случайностями рождения или, добавим, другими <i>предписанными</i> статусами [2, с. 220]</p>
<p>4. «Закрытое общество» для абсолютного большинства, по К. Попперу, являлось «естественной» средой социальной жизни и социального воспроизводства [2, с. 222], представляя собой «устойчивую нишу» (во многом иллюзорного) традиционного социального порядка и спокойствия. Оно защищает себя от проникновения «других», ограничивает социальную мобильность своих членов, постоянно пытаясь сохранить внутри себя автаркию и социальную стабильность. Для его правящих членов традиционные формы социальной стратификации являлись «естественными» в том смысле, что не подвергались сомнению [2, с. 222]. Самое существенное, что было характерно для «закрытого общества» – это отсутствие личной независимости и инициативы его членов, что являлось важной предпосылкой его сохранения в виде тотального превосходства <i>патерналистских форм</i> социального бытия над индивидуальными и частными</p>	<p>4. «Открытое общество», наоборот, фундировалось на совершенно иных социальных принципах. Одним из критериев, с помощью которого можно сформулировать его кардинальное отличие от общества «традиционного» – это когда социальные институты впервые сознательно признаются продуктом человеческого творчества и когда их сознательное изменение обсуждается в терминах их пригодности для достижения человеческих целей и намерений. Закрытое общество терпит крах, когда благоговение, с которым воспринимается социальный порядок, сменяется активным вмешательством в этот порядок и сознательным стремлением реализовать собственные или групповые интересы [2, с. 364]</p>

По мнению К. Поппера, основное отличие «открытого» общества заключается в том, что оно, расширив границы индивидуальной свободы своих членов, становится обществом «проблемным» и рациональным. Результатом и движителем его эволюции являются «социальные напряжения» и конфликты [2, с. 221]. Эти напряжения и эти трудности являются имманентным свойством открытого общества. Они порождены, по словам К. Поппера, нашими действиями, которых непрерывно требует от нас жизнь в условиях открытого и частично абстрактного общества. Имеется в виду наше стремление быть рациональным, воздерживаться от удовлетворения, по крайней мере, некоторых из наших эмоциональных потребностей, следить за своими поступками и брать на себя ответственность. Мы должны принимать эти *напряжения* как плату за каждое наше продвижение в знании, в разумности, в сотрудничестве и взаимопомощи, а следовательно, в наших шансах на выживание. Эта цена, которую мы должны платить, чтобы быть людьми [2, с. 221].

Теория органической рациональности Ф. Хайека. Изложенная выше парадигма «открытого общества» К. Поппера корреспондируется с одной из наиболее интересных теорий, раскрывающих эволюционную сущность экономической рациональности, то есть с *теорией расширяющегося рыночного порядка Ф. Хайека.*

Базой концептуальных построений Ф. Хайека явилась эволюционная эпистемология, позволяющая осмыслить рост и функцию человеческого знания, а также сложные спонтанные порядки, его обуславливающие. Речь идет об эволюционном развитии традиционных правил человеческого поведения и взаимодействия (языке, праве, рынке и т. д.), которые не порождены инстинктом и не являются творением разума, а представляют собой самостоятельный феномен, находящийся «между инстинктом и разумом» и развивающийся одновременно с развитием разума [3, с. 22–23].

В концепции Ф. Хайека человеческий разум и его возможности рассматриваются как результат процесса эволюционного отбора, благодаря которому сформировались также и экономические, и все другие социальные институты. Усвоение правил поведения – это по большей части источник, а не результат интуиции, разума и понимания. Человек стал мыслящим существом благодаря усвоению традиций, которые, в свою очередь, происходят не от способности людей рационально

интерпретировать наблюдаемые факты, а от привычных способов реагирования. Человеческое сознание – это не столько поддающиеся проверке знания о внешнем мире или осуществляемые человеком интерпретации окружающего, сколько способность обуздывать инстинкты. Возращенное и сформированное средой индивидуальное человеческое сознание, в свою очередь, действует так, чтобы сохранить, обогатить, развить и разнообразить существующие традиции. Таким образом, инстинкт древнее обычая и традиции, последние же древнее разума. Поэтому обычай и традиция находятся между инстинктом и разумом в логическом, психологическом и временном смысле. Управляемые в своем поведении тем, чему научились, мы зачастую не знаем, почему мы делаем то, что делаем [3, с. 41–44].

Рациональность экономического поведения объясняется Ф. Хайеком исходя из этих предпосылок. Она формируется не столько благодаря индивидуальному человеческому разуму, сколько благодаря возникновению социальных институтов и правил поведения, которые расширяют его возможности. Прежде всего, речь идет об институтах частной собственности и рыночного обмена, которые обеспечивают принятие индивидуальных решений, составляющих ядро рационального экономического выбора. Одновременно их развитие закладывает основы и для создания расширенного рыночного порядка, превосходящего разумение вождя или властителя, равно как и всего коллектива [3, с. 91].

Разумеется, в противопоставлении возможностей индивидуального интеллекта (разума) и неявного знания, заключенного в традициях и практиках человеческого поведения, есть определенное преувеличение. Без сомнения человеческий интеллект способен при определенных условиях быть на уровне тех «надрациональных» функций, которые спонтанно реализуют механизмы и институты социальной эволюции. Один из примеров этому – сама концепция расширяющегося рыночного порядка Ф. Хайека, которая возникла и сформировалась в голове конкретного человека. Тем не менее, учитывая ограниченность индивидуального разума, вполне уместно замечание Ф. Хайека о том, что существует и даже доминирует тенденция переоценивать интеллект и полагать, будто за все преимущества и возможности, которые дает нам цивилизация, мы должны быть обязаны только сознательному замыслу, а не следованию традиционным правилам поведения. Точка зрения

о том, что можно устранить любые нежелательные явления посредством все углубляющейся мыслительной рефлексии, все более целесообразных проектов и все более рациональной координации предпринимаемых действий, порождает множество «рациональных утопий», которые являются продуктом индивидуального разума и навязывают обществу порядок, противоположный «естественному» ходу событий [3, с. 95].

Ф. Хайек так же, как и К. Поппер, выступал против рациональности, основанной на сциентизме и конструктивизме, то есть критериальной рациональности, определяемой опытом, обоснованием или утилитаристским доказательством правильности действия [3, с. 107]. Естественно, речь идет не об абсолютном отрицании различных процедур критериального объяснения человеческих, и в том числе экономических, действий, а о невозможности на их основе построить универсальное обоснование, позволяющее строго разграничить области рационального и нерационального.

Для того чтобы доказать это, Ф. Хайек рассматривает целую систему эволюционирующих рыночных институтов и практик. Они не отвечают вышеназванным критериям и, с точки зрения традиционных (критериальных) концепций разума и науки, являются «неразумными» и «ненаучными». Тем не менее эти, никем не придуманные, традиционно передаваемые от поколения к поколению, постоянно развивающиеся традиционные правила поведения, в том числе и в сфере экономической жизни, дают возможность индивидам принимать свободные решения, предотвращают произвол, дискриминацию и насилие со стороны одних людей по отношению к другим, а также вторжение кого бы то ни было в сферу личной свободы каждого человека [3, с. 110–111].

В структуру этих правил поведения, спонтанно возникающих, развивающихся и отбрасываемых в процессе социальной эволюции, входят, помимо прочих, специфические нравственные традиции и институты, открывающие простор для свободы индивидуального рационального выбора в экономике, например, связанные с бережливостью, честностью, точностью, договором [3, с. 117].

Таким образом, с точки зрения Ф. Хайека, большую часть знания дает нам не непосредственный опыт и интеллект, а непрерывный процесс «пропускания через себя» и усваивания традиций – процесс, необходимым условием которого является признание и соблюде-

ние отдельной личностью моральных норм, которые не поддаются обоснованию с позиций общепринятых теорий рациональности. Традиция в определенном отношении выше и «мудрее» индивидуального человеческого разума [3, с. 132].

Приобретенные традиции способствуют «адаптации к неизвестному», которая является, по Хайеку, ключевым моментом всей эволюции. В условиях рыночного обмена информация, используемая индивидами или организациями для приспособления к неизвестному, может быть только частичной и передается сигналами (ценами) по длинным цепочкам от индивида к индивиду. С помощью этих частичных и фрагментарных сигналов к постоянно изменяющимся условиям, которых отдельный человек не может знать или предвидеть, и приспосабливается структура деятельности в целом [3, с. 134].

Речь идет о феномене «рассеянного знания», которое рассредоточено между миллионами индивидов и дает им возможность обмениваться информацией, ресурсами и совершать максимизационные действия, до конца не зная о намерениях друг друга. Расширенный порядок человеческого сотрудничества обеспечивает максимальное использование знания всех, благоприятствуя таким образом не владеющим собственностью почти в той же мере, в какой и тем, кто ею владеет [3, с. 136].

В чрезвычайно сложной стохастической рыночной системе, которая превосходит границы понимания отдельных людей, а следовательно, и исключает адекватное руководство этими процессами со стороны кого бы то ни было, «индивиды, действующие в своих собственных интересах (зачастую довольно расплывчатых), без преувеличения не знают и не могут знать, каков же будет конечный результат их взаимодействий» [3, с. 125].

Констатируя неполноту человеческих знаний (и тех, кто познает, и тех, кто принимает практические решения), Ф. Хайек апеллирует к парадоксам «рациональности» расширяющегося рыночного порядка. В системе последнего работает бесконечное множество практик человеческого поведения и социальных институтов, возникающих в процессе социальной эволюции. Массовые индивидуальные действия и решения «внутри них» – лишь некоторый фрагмент, активная составляющая. Они оформляются и структурируются институциональными рамками.

Именно эволюционирующий рыночный порядок – эта стремящаяся к оптимальности,

самоорганизующаяся институциональная система и обеспечивает предпосылки и возможности для реализации атомарных, дискретных, стохастических моделей экономического поведения. Эти модели базируются на определенных ценностях, эталонах социальных достижений и устойчивых предпочтениях, ориентированных на свободу экономических действий и решений, правда, часто с неясным и непредсказуемым исходом. Таким образом, Ф. Хайек апеллирует к «надрациональным», социокультурным предпосылкам человеческого поведения, стоящим за преде-

лами индивидуальных действий и снимающим проблему рационального выбора, замечая ее проблемами традиционных действий, личностного знания и конкуренции как процедуры открытия.

Библиографический список

1. *Поппер, К.* Открытое общество и его враги: [Текст]. Т. 2 / К. Поппер. – М., 1992.
2. *Поппер, К.* Открытое общество и его враги: [Текст]. Т. 1 / К. Поппер. – М., 1992.
3. *Хайек, Ф.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма [Текст] / Ф. Хайек. – М., 1992.

УДК 37.04

ВХОЖДЕНИЕ В ПРОФЕССИЮ И НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Л. А. Семенова

Молодежь – это кадровый потенциал, будущее страны. Поэтому важно знать, с какими трудовыми ориентациями, установками выходит молодежь на рынок труда и как они могут сказаться на качестве работы молодого специалиста, под влиянием каких факторов происходит профессиональное самоопределение, выбор профессии и с какими трудностями при этом сталкивается юноша или девушка, насколько устойчива ориентация на избранную профессию, как взаимодействуют рынок труда и рынок образовательных услуг в современном российском обществе и т. п. Некоторые из названных проблем мы попытались осветить в данной статье.

Ключевые слова: профессиональные ориентации, профессиональный выбор, профессиональное образование, социальная адаптация, институты социализации, рынок труда.

JOINING PROFESSION AND SOME SOCIAL AND PROFESSIONAL ORIENTATIONS FOR YOUTH

L. A. Semenova

Youth is a workforce capacity, future of the country. That is why it is important to know what labour orientations and attitudes young people have entering the labour market and how they can influence the quality of work done by the young, what factors influence identity formation, choosing career and at that what difficulties the young meet, how sustainable the orientation to the profession is, how the labour market and the labour of educational services interact in the modern Russian society and etc. Some of the above-mentioned problems we have tried to cover in this article.

Keywords: career guidance, career choice, vocational education, social adaptation, institutions of socialization, labor market.

Одним из последствий происходящей в России социально-экономической трансформации является возрастающее социальное неравенство, ограничивающее возможности доступа к социальным благам прежде всего молодежи из малоимущих и даже среднеимущих слоев, успешность вхождения в социум, адаптации в нем. Особенности адаптационного процесса в России обусловлены, с одной стороны, глубокой трансформацией всего устройства общества, связанной с изменением форм собственности, становлением и развитием рыночных отношений, которые

определяют качественные изменения в социально-экономическом поведении людей. С другой стороны, период кардинальных социально-экономических преобразований характеризуется высокой степенью нестабильности самой среды, темпы изменения которой далеко не всегда учитывают адаптивные возможности населения. В частности, для пореформенной России стало объективной реальностью четко фиксируемое социальное расслоение, социальное неравенство. Кроме того, положение усугубляется разразившимся в 2008 г. финансово-экономическим кризисом. Все эти

процессы и тенденции существенным образом сказываются на профессионально-трудо-вых, социальных ориентациях и моделях поведения современной российской молодежи, о чем пойдет речь ниже.

Выбор профессии – это разрешение противоречия между *субъективными* предпочтениями индивида и *внешней* по отношению к нему *социальной ситуацией*, определяющей возможности реализации этих предпочтений. Профессиональное самоопределение можно представить как состоящую из трех звеньев систему: *профессиональная ориентация – профессиональный выбор – реализация профессионального выбора*, и на каждом из названных этапов возникают определенные трудности и проблемы. Как свидетельствуют результаты наших исследований (в статье используются данные исследований, проведенных под руководством автора в 2005–2008 гг., среди учащихся ПТУ Тулы, школьников 9 и 11 классов Подмосковья, студентов Москвы и Волгограда. Автор выражает благодарность д-ру соц. наук, проф. О. В. Байдаловой за помощь в организации опросов в Волгограде), мотивы профессионального выбора, который делает молодежь при определении дальнейшего пути, самые разнообразные и зачастую совершенно не связаны с выбором конкретной профессии. Профессия выбирается стихийно, в значительной степени под влиянием *внешних* факторов, при этом не обращается внимание на ее востребованность на рынке труда. В современных условиях профессиональное самоопределение молодежи (выбор профессии, работы) задается не столько *индивидуальными* факторами (интерес к профессии, индивидуальные склонности, способности, призвание и т. п.), сколько *социальными, внешними* по отношению к содержанию выбранной профессии (материальные трудности с платой за обучение, проезд, проживание в другом городе, престиж профессии и т. п.). Поэтому *сужается свободный выбор* и профессии, и конкретного учебного заведения. Нереализованность профессиональных предпочтений, случайность выбора профессии, полученной вопреки субъективным намерениям, имеет многообразные социальные последствия как для индивида, так и для социума, в том числе *слабую мотивацию к получению знаний, нежелание работать по полученной специальности*.

Молодежь испытывает значительные трудности при выборе профессии (т. е. на этапе *профессиональной ориентации*) вследствие крайне низкой информированности в отно-

шении существующих профессий. В то же время в исследованиях фиксируется актуализированная потребность школьников, студентов в знаниях о различных профессиях (тем более, что в последнее время появилось много новых), о ситуации на рынке труда. Опрошенные нами студенты (67 % в Москве и 82 % в Волгограде) высказались за то, чтобы в школе были уроки по профориентации, занятия, дающие представления о разных профессиях, о ситуации на рынке труда, способах самопрезентации на рынке труда, причем с курсом у студентов потребность в знаниях такого рода возрастает в связи с «выходом» на рынок труда и необходимостью обладания информацией о ситуации на нем. Мнение о необходимости занятий по профориентации в школе разделяют и опрошенные девятиклассники – 45 % безоговорочно выступают «за», а 18 % считают, что они скорее нужны, чем нет.

Помимо этого, крайне актуально освоение молодежью приемов самопрезентации, знаний о стратегиях трудоустройства. К примеру, 55–60 % учащихся профучилищ признались, что или совсем не знакомы или знают о стратегиях поведения на рынке труда понаслышке, а около половины высказали мнение, что в училище необходимы специальные занятия по технологиям поиска работы. *Свертывание системы профориентации школьников* – одна из причин существующего катастрофического дисбаланса между российским рынком труда, который требует прежде всего рабочие, промышленные профессии, и образовательными услугами. Система профориентации учащихся стала разрушаться в 90-е гг. – утратились связи с базовыми предприятиями, ушли в прошлое планы трудоустройства выпускников средней школы, перестал внедряться курс «Выбор профессии». Свернули свою работу школьные кабинеты и уголки профориентации – самая массовая и доступная форма организации профориентационной работы в системе образования. *Свертывание профориентационной работы в школе*, перенесение ее в службы занятости (куда обращаются преимущественно взрослые, уже имеющие профессию или опыт работы) не способствует формированию у выпускников реальных жизненных планов, осознанного подхода к выбору профессии и соответствующих мотиваций. В результате профессиональный выбор происходит в ситуации неопределенности, носит случайный характер, что имеет далеко идущие последствия и для личности, и для общества. По нашим данным, от 53 % (Волгоград) до 65 % (Москва) студентов вузов полу-

чают не ту профессию, о которой мечтали, заканчивая школу, причем с курсом растет число разочарованных в профессиональном выборе, что побуждает студентов (в среднем около 25 % опрошенных) ориентироваться на получение *второго высшего образования*, т. е. *продолжение периода ученичества*. Интересно отметить, что среди опрошенных в 2008 г. студентов 1 курса Волгоградского пединститута желание окончить еще один вуз выразили 42 %.

Желание продлить период ученичества вызывается: 1) необходимостью преодоления кризиса профессиональной идентичности как следствия неудачного первого выбора профессии, когда молодой человек не представлял себе ни будущего содержания труда, ни перспектив карьерного роста; второй выбор делается уже осознанно; 2) стремлением получить более качественное образование, чем первое, так как зачастую первый выбор делается в пользу доступности (ближе к дому, ниже плата за обучение и т. п.) в ущерб качеству образования, что снижает конкурентоспособность на рынке труда; 3) отсрочить вступление во «взрослую» самостоятельную жизнь, связанную с выходом на рынок труда, принятием ответственности за выполняемую работу, необходимостью строить отношения с коллегами, руководством, соблюдать трудовую дисциплину и т. п.; 4) желанием «отодвинуть» вступление в трудовой период, связанное с трудностями поиска работы в условиях безработицы [6], что особенно актуально в условиях нынешнего кризиса, и создать своеобразный «социальный ресурс» в виде получения нескольких профессий, что облегчит в будущем поиски работы (По данным Госкомстата РФ, на конец ноября 2007 г. среди безработных по России молодежь до 30 лет составляла 41,3 %, средний возраст безработных – 34,5 лет. На февраль 2009 г. средний возраст безработных составил 35,2 года. Молодежь до 25 лет составила среди безработных 27,4 %. Самый высокий уровень безработицы отмечается в возрастной группе 15–19 лет (32,1 %), а также 20–24 года (18 %). В среднем среди молодежи в возрасте 15–24 года уровень безработицы составил 20 %. Коэффициент превышения уровня безработицы среди молодежи в среднем по возрастной группе 15–24 года по сравнению с уровнем безработицы взрослого населения 30–49 лет составляет 2,6 раза). Все чаще наблюдается ситуация, когда после получения профессионального образования молодежь обращается к дополнительным формам

обучения в различных типах учебных заведений, в системе переподготовки кадров и т. п. (для многих переподготовка является единственной возможностью получить работу), и реже ситуация, когда молодой человек сразу приступает к работе, окончив одно учебное заведение. Так продлевается (продлонгируется) период ученичества, молодости, следствием чего является отсроченная социально-профессиональная социализация, затягивается процесс включения молодежи в трудовую деятельность, во «взрослую» жизнь.

Несогласованность действий таких важнейших институтов социализации, как образование и занятость (трудовая, профессиональная занятость), которую можно рассматривать как следствие отсутствия планирования подготовки кадров, порождает неостребованность обществом квалифицированных кадров из числа молодежи. Социальные последствия этого – рост риска *депрофессионализации и нисходящей социальной мобильности наиболее квалифицированных молодых людей*, рост безработицы среди молодежи. Кроме того, нынешних 18–20-летних безработица сопровождает всю сознательную жизнь и не является для них чем-то нелегитимным, а скорее нормой. Возникает инерция привычной безработицы, «культура безработицы» с опасными социальными последствиями. Длительная безработица, нестабильность занятости, отсутствие опыта трудового участия формирует *ориентацию на незанятость*, которая со временем становится устойчивой, доминантной.

В отсутствии возможности заняться деятельностью, которая соответствовала бы профессиональной ориентации или запросам молодых, их удовлетворяет сам факт наличия работы, будь то краткие договора, случайные подработки, работа, далекая от полученной специальности и т. п. Отсутствие постоянной занятости, частая смена работы, жизнь подработками, то есть *транзитивные, промежуточные формы занятости*, не способствуют развитию профессиональных трудовых навыков как предпосылки последующих высоких заработков, достижению более высоких статусных позиций, усвоению норм профессиональной субкультуры, формированию корпоративной трудовой этики, то есть установлению прочных социальных связей, интеграции молодежи в социум. Молодой человек становится своеобразным «профессиональным туристом», путешественником по профессиям, часто меняющим профес-

сию, специализацию, место работы. В современной России фактически складывается ситуация, когда выбор профессии, профессиональное самоопределение начинается *не до, а после* получения профессионального образования. В этом плане характерно высказывание студентки Московского Института туризма и гостеприимства: «Такой профессии, о которой мечтала в школе, не было. Думаю, что пойму это (какая профессия нравится – автор), когда поработаю на разных работах, и пойму, что ближе мне». Подобная межпрофессиональная мобильность имеет, пожалуй, лишь одно позитивное качество – повышает адаптивность индивида к изменяющимся условиям. Однако негативных последствий значительно больше обозначенных выше. В условиях сложностей с трудоустройством для молодежи необходимость браться за любую работу (то есть дисбаланс между профессиональным выбором и возможностями его реализации) ослабляет профессиональную социализацию как процесс усвоения социально-профессиональных норм и освоения ролевых моделей поведения (в том числе профессиональных), не способствует формированию устойчивых профессиональных групп, воспроизводству социальной структуры.

Анализ ориентаций опрошенных школьников и студентов позволяет говорить о том, что «успех в жизни», когда можно сказать «жизнь удалась», для них включает разные составляющие, но безусловное первенство занимает позиция «крепкая семья, дети» (студенты – 86,4–91,8 %, школьники – 75–78 %). Крепкая семья и высокооплачиваемая работа (студенты – 52,5–67,1 %, школьники – 58–59 %) – это бесспорные и главные показатели жизненного успеха для большинства опрошенных. Довольно значимы для них и высокие статусные позиции – занять положение в обществе, добиться авторитета хотели бы почти половина опрошенных (40–45 %). В такой же степени оценивается «независимость, свобода в принятии решений о своей жизни», что, скорее всего, является проявлением юношеского максимализма, стремлением уйти от родительского (и любого другого) контроля.

Каким образом представляют студенты возможность достижения успеха, продвижения в жизни, какие факторы они считают главными? Об этом говорят нам данные, представленные в таблице, – фактически это факторы социальной мобильности в современном российском обществе с точки зрения студентов.

**Распределение ответов на вопрос
«Насколько, по Вашему мнению, важны следующие факторы для успеха,
продвижения в жизни в современном российском обществе?»
(в % и в баллах по трехбалльной шкале)**

Факторы	Очень важны, в %		Не очень важны, в %		Затрудняюсь ответить, в %		Баллы по 3-балльной шкале	
	Москва	Волгоград	Москва	Волгоград	Москва	Волгоград	Москва	Волгоград
Богатые родители	33,3	22,0	53,4	57,6	11,0	1,5	2,177	1,93
Удача	72,6	72,9	21,9	22,0	2,7	1,6	2,643	2,643
Родственники на руководящих постах	45,2	25,4	39,7	49,1	13,7	5,0	2,287	1,964
Хорошее образование	71,2	81,3	26,0	16,9	2,7	1,6	2,683	2,793
Национальность	6,8	11,8	42,4	27,1	39,7	15,2	1,449	1,37
Природный ум	64,4	79,7	26,0	16,9	6,8	5,0	2,52	2,745
Связи с «нужными» людьми	78,1	66,1	20,5	32,2	–	1,6	2,753	2,643
Трудолюбие	67,1	79,7	33,1	18,6	–	1,6	2,675	2,779
Честность	31,5	47,4	38,3	28,8	26,0	8,5	1,971	2,15
Правильные политические взгляды	9,6	15,2	33,1	27,1	48,0	22,0	1,43	1,371
Профессионализм	71,2	79,7	25,0	18,6	1,3	–	2,649	2,779
Законопослушность	24,6	38,9	49,1	35,6	20,5	8,5	1,925	1,659
Упорство в достижении цели	90,4	91,5	8,2	6,8	–	1,6	2,876	2,897

Хотелось бы отметить, что в исследовании Института социологии 2007 г. (Всероссийская

выборка, молодежь 18–29 лет, руководитель д-р соц. наук М. Ф. Черныш), данные которого

довелось анализировать автору, в качестве наиболее значимых факторов продвижения в жизни лидировали с большим отрывом поддержка родственников, занимающих высокие посты, и богатые родители, то есть социальный ресурс, не зависящий от субъекта деятельности. У опрошенных же нами в 2008 г. студентов и в Москве, и в Волгограде на первом месте оказался такой личностный фактор, как *упорство в достижении цели* (2,876–2,897 по трехбалльной шкале). Вторым по значимости москвичи-студенты назвали *связи с «нужными» людьми* (2,753), а волгоградцы – *хорошее образование* (2,793), у москвичей этот фактор на третьем месте, почти так же высоко оценивается *профессионализм*, чуть ниже – *удачное стечение обстоятельств* (заметим, что молодежь–2007 оценивает удачу как фактор жизненного успеха выше). Очевидно, что большинство студентов понимают: для продвижения, успеха в жизни следует рассчитывать прежде всего на себя (личностные факторы), а потом на систему социальных связей (родители, родственники, «нужные» люди и т. п.), что отличает их как от более взрослой молодежи, так и от студентов 90-х гг. Возможно, приходит осознание того, что расчет на социальные связи «гасит» социальную активность, инициативность молодежи (вспомним стремление быть независимыми в принятии решений), не позволяет трезво оценивать уровень конкуренции на современном рынке труда, тормозит собственную активность и предприимчивость молодежи. Аутсайдерами в списке факторов социальной мобильности являются законопослушность, «правильные» политические взгляды, национальность – значимость этих факторов для жизненного успеха оценена студентами ниже всего.

Если говорить о «социальном проектировании» («моя жизнь через 20 лет»), то свое будущее школьники и студенты связывают прежде всего с семьей, детьми (не менее двух!), ближайшим окружением, успешной личной жизнью в целом, что еще раз говорит об *устойчивой ориентации молодежи на семью*, по крайней мере, на вербальном уровне. Затем по убыванию значимости следует: высокооплачиваемая работа, профессиональная деятельность; материальная обеспеченность, достаток; статус, престиж, жизненный успех, независимость в принятии решений. Социально ориентированных высказываний (приносить пользу людям, не быть эгоистом,

жить не только для себя, но и для других и т. п.) очень немного. Можно сказать, что в молодежном сознании фиксируется приоритет ценностей частной жизни, ориентация на личное благополучие и растущая отчужденность от традиционных социальных институтов, властных структур и дистанцирование от старших поколений.

В *социально-трудовых ориентациях* опрошенных нами в Подмосковье школьников выявлены в качестве особо значимых в их будущей трудовой деятельности факторы высокой оплаты труда, наличие социального пакета, комфортные условия труда. Престижность профессии значима лишь для каждого десятого и связывается прежде всего с высокой оплатой труда, возможностью занятия высоких статусных позиций и получения определенных благ. Характерно, что успех в жизни, получение высшего образования и другие жизненные цели не связываются школьниками с *определенной профессией* (эта «связка» зафиксирована в одном случае из 50). Отмечено также, что понятия «Я» и «страна, в которой я живу», слабо соотносятся в сознании школьников, когда они строят жизненные планы. Россия упомянута в ответах дважды, причем с противоположным знаком: «сделать Россию лучше» и «уехать из России». Наконец, несомненно значимыми являются для опрошенных школьников *потребительские ценности*, при этом кропотливый труд, даже если он приносит хороший доход, привлекателен для немногих; куда заманчивее «иметь деньги, не напрягаясь».

В ориентациях школьников и студентов недостаточно представлены трудовые ценности, что является в какой-то степени отражением ситуации в обществе, которое в лице своих социальных институтов не уделяет должного внимания формированию трудовых ориентаций у молодежи, акцентированию значимости труда для существования индивида и общества. В стране наблюдается явный дефицит художественных произведений (фильмов, спектаклей, телепередач, художественной литературы и т. п.), дающих труду позитивную оценку и утверждающих трудовую деятельность как путь к социальному успеху. Даже в современных школьных учебниках трудовой социализации уделяется меньшее внимание, чем в советское время. Л. А. Оскольская, исследовавшая проблему отраже-

ния трудовых ценностей и норм в школьных учебниках, пришла к выводу, что за последние 20 лет трудовые ценности и нормы, транслируемые учебниками, изменились. Сместился нормативный акцент с труда *для других* на труд *для себя*: в советских учебниках соотношение труда для себя и труда для других составляло 32 и 43 %, а в современных – 48 и 31 % [5], т. е. происходит движение от нормы трудового подвига на благо Родины к норме спокойного, обыденного труда для благополучия индивида и его семьи. Сравнивая советские школьные учебники начала 80-х гг. и современные, Оскольская отмечает в последних актуализацию материальных ценностей, ослабление ценностей порядка, норм рационального использования времени и трудовой дисциплины, меньшее внимание уделено селу и связанным в нем видам деятельности, зато большее внимание уделяется работе в области науки и искусства, в сфере услуг, которая, кстати, «перетягивает» на себя трудовые ресурсы в российской экономике.

Важное значение для формирования личности, ее ценностных ориентаций, в том числе трудовых, имеет досуг. Для опрошенных нами школьников и студентов *характерны пассивные, не развивающие формы проведения досуга*, а именно: большинство в свободное время предпочитают общаться с друзьями (68–80 % школьники; 71,2–85 % студенты); сидеть за компьютером (46–50 % школьники, 42,3–63 % студенты), смотреть телевизор, в том числе DVD и CD и слушать музыку (55–65 %). Художественную литературу читают в равной степени мало как студенты, так и школьники (17–20 %), столько же уделяют внимания своим «хобби» и занятиям спортом. Круг чтения студентов весьма узок – это в основном отечественные «женские» детективы (чаще других и в Москве, и в Волгограде называют Д. Донцову, Б. Акунина, Ю. Шилову, Н. Перумова, О. Робски, М. Семенову, Т. Устинову) и популярные современные зарубежные писатели (П. Коэльо, Дж. Браун, Дж. Роулинг, П. Зюскинд). Пассивные, не развивающие формы проведения свободного времени не формируют навыки трудолюбия, работы над собой, работы с книгой, умения учиться. Высокий уровень включенности «в компьютер», компьютерные игры не может радовать, ибо, по мнению специалистов, развивающими являются лишь 20–30 % компьютерных игр,

остальные просто оболванивают молодежь. Кроме того, Интернет, к которому сейчас имеют доступ даже несовершеннолетние, забит порносайтами, разного рода «эдукативными программами» типа «Азбуки секса».

Система *профессиональной, трудовой социализации* в стране крайне неэффективна и не соответствует изменяющейся структуре производства в условиях рынка, что проявляется в структурном несоответствии профессионального профиля учебных заведений всех уровней потребностям рынка труда. Недостаточная информированность о специфике многих видов профессиональной деятельности, о ситуации на рынке труда ведет к перекосам в представлениях молодежи о наиболее престижных и востребованных профессиях. Не имея собственного опыта, молодые люди не всегда могут понять и сформулировать, чего они хотят, но очень чутко реагируют на социальные сигналы, которые посылает общество – насколько и какой труд оно ценит, насколько справедлива оплата труда и т. п.

Ориентируясь на «символическое пространство значимых профессий», опрошенные нами школьники и студенты наиболее престижными считают профессии юриста, работника финансовой сферы, менеджера, экономиста, госслужащего, политика, работника шоу-бизнеса и т. п. (заметим, если респонденты называют профессию врача, то непременно уточняют: стоматолога или пластического хирурга), и учебные заведения в избытке готовят кадры по этим специальностям (респондентами не было названо ни одной индустриальной профессии). Однако рынок труда испытывает потребность прежде всего в рабочих, в том числе высококвалифицированных. К примеру, по данным службы занятости, на рынке труда в Туле предложение специалистов с высшим образованием превышает спрос в 2,4 раза, со средним профессиональным образованием в 1,5 раза, тогда как *спрос на рабочих-станочников в десять раз превышает предложение*. Подобная ситуация наблюдается во многих регионах страны. На рынке труда в Москве в ноябре 2008 г. требовались инженеры (5632 вакансии), милиционеры (3887 вакансий), медсестры (2201 вакансий), товароведы (1157) и т. д., и лишь 273 вакансии юрисконсульта [1]. Тот факт, что более половины выпускников вузов работают не по специальности, свидетельствует о несоответствии

предложения спросу на квалифицированные кадры, о разбалансированности системы образования, ее несоответствии структуре потребностей рынка труда (где две трети вакансий – это рабочие профессии), что происходит вследствие ослабления профессионально-экономической функции образования. Образование из опосредующего выбор профессии института превратилось в самодостаточный институт, и *перестало служить целям утверждения человека в профессии*. Молодой человек овладевает скольким угодно количеством профессий, не собираясь в них работать. Профессия не рассматривается ни как сфера приложения своих усилий, ни как инструмент интеграции в социальную структуру.

В наших исследованиях фиксируется падение *престижа рабочих профессий у молодежи*, в качестве причин которого можно назвать: 1) отсутствие экономических стимулов; 2) ограниченные возможности для карьерного роста; 3) непривлекательность физического труда для поколения, выросшего в новых условиях; 4) усиление потребительских ориентаций, соблазн получения «легких денег» (период «дикого рынка» 90-х гг. предоставил такую возможность покинувшим производство родителям, детей они ориентируют так же); 5) отсутствие факторов «привязки» работника к предприятию, существовавших в советское время (возможность получить бесплатное жилье, развитая социальная инфраструктура – детские ясли, сады, базы отдыха и т. п.). Исчезает такой важный фактор трансляции профессиональной субкультуры, как рабочие династии, роль семейных традиций в профессиональном выборе детей. По свидетельству М. Н. Макаровой, проводившей исследование среди рабочих Удмуртии [3, с. 59], роль семейных традиций в наследовании профессии рабочего понижается с возрастом: в группе рабочих старше 50 лет продолжили семейную рабочую традицию 22,6 %; в группе 40–49 лет – 13,8 %; в группе 20–29 лет – 4,8 %. У молодежи рабочие профессии ассоциируются с малоквалифицированным трудом, хотя современному промышленному производству требуются высококвалифицированные специалисты.

В совокупности с низкой заработной платой названные выше факторы способствуют не только падению престижности работы в промышленности, но *утрате интереса к ин-*

дустриальным профессиям вообще, в том числе со стороны молодежи, которая не мотивирована к получению рабочих профессий, к работе на промышленных предприятиях. Перечисленные выше причины плюс разрушение системы подготовки кадров как на уровне предприятия, так и на уровне государства обернулись нарастающим дефицитом индустриальных профессий и массой рабочих вакансий на рынке труда. В этом плане симптоматично название публикации в «Российской газете» (от 22.07.2008 г.) «Завод кончается. В профессиональных училищах дефицит абитуриентов, а на производстве – квалифицированных рабочих». Речь идет о том, что в Хабаровском крае план по набору в ПТУ не выполняется несколько лет, а весной, в период выпуска, у ворот ПТУ в очереди стоят работодатели с просьбой дать хороших ребят. В то же время в вузах города ажиотаж вокруг профессий стоматолога, переводчика, а конкурс в академию государственной службы (профессия – чиновник) 18 человек на место. Подобная ситуация характерна и для других крупных промышленных центров.

Потребности рынка труда, перспективы развития страны свидетельствуют о необходимости совершенствовать, модернизировать (а не сокращать) систему начального профессионального образования, способную готовить рабочих того уровня и квалификации, которых требует современное производство. Однако сегодня уже никто не агитирует за получение рабочих профессий. По представлениям школьников, идти в ПТУ – заранее записать в себя в лузеры, неудачники, поскольку рабочие профессии ассоциируются у них только с тяжелым, неквалифицированным трудом, хотя современное производство испытывает большую потребность в рабочих высокой квалификации, способных работать на высокотехнологичных производствах.

Сегодня средний возраст высококвалифицированных рабочих приближается к 60 годам. Они не мобильны и не способны к переобучению, поэтому «омоложение» рабочих кадров чрезвычайно актуально и с точки зрения профессионального человеческого потенциала, и с точки зрения безопасности страны. Уже сейчас проблематично найти квалифицированные рабочие кадры (они утеряны за время обвальная и непродуманной конверсии в 90-е гг.) для оборонных предприятий,

производящих продукцию, которая обеспечивает обороноспособность страны, развитие высоких технологий и т. п. Неужели придется набирать на эти заводы рабочих-иностранцев?...

Социально-профессиональная структура современного российского общества претерпевает значительные изменения, уменьшается воспроизводство одних профессиональных групп (страт, слоев), появляются другие, новые, ранее немногочисленные или вовсе отсутствовавшие, предъявляются более высокие требования к специалистам. В этих условиях корректнее говорить не просто о воспроизводстве социальной структуры, но и о формировании новой. В современной России появились новые социальные слои и профессиональные группы, которых не было в советское время, и говорить о наследовании профессии (статуса) можно относительно «старых» профессиональных групп (врачи, учителя, инженеры, артисты, шахтеры и т. п.). Что касается «новых» (брокеры, банкиры, риэлтеры, маркетологи, мерчендайзеры, менеджеры, супервайзеры и т. п.), то до недавнего времени они или рекрутировались из «старых» профессиональных групп, или, получив непрофильное («старое») образование, осваивали новую профессию, то есть шли работать не по специальности. На наш взгляд, сложившаяся система образования не поспевает за потребностями социума как в «производстве» новых социальных слоев, так и в повышении качества подготовки кадров. Это проявляется:

- в несоответствии предлагаемых учебными заведениями специальностей и специализаций потребностям рынка труда;
- в несоответствии уровня квалификации выпускников требованиям работодателей;
- в отсутствии у молодежи практических навыков по полученной профессии;
- в отсутствии системы распределения выпускников, которая обеспечивала бы их трудоустройство, трудовую адаптацию, социальные гарантии.

Все это отрицательно сказывается на профессиональной, трудовой социализации, социальной адаптации молодежи, успешности ее вхождения в социум.

С другой стороны, можно сказать, что на рынке труда в новых социально-экономических условиях сложилось две группы

профессий – *традиционные специалисты* (инженеры, экономисты, медики, педагоги, юристы и т. д.) и *новые*, связанные с компьютеризацией, торгово-посреднической и рекламной деятельностью, распространением сотовой связи и т. д. Именно последние являются своеобразной «молодежной трудовой нишей» (торговые агенты, супервайзеры, мерчендайзеры, бренд- и клиент-менеджеры и т. п.), именно по этим профессиям «путешествует» молодежь. Спецификой данных вакансий является универсальность получаемых навыков, что позволяет менять сферу и место работы и успешно адаптироваться в новой трудовой ситуации. Традиционные же профессии требуют длительного опыта работы в данной области, концентрации усилий, как правило, в одной профессиональной сфере, к тому же оплата труда здесь ниже, чем в «новых» профессиях. Поэтому при отборе на рынке труда в традиционные профессии преимущество отдается не молодежи (она и не очень мотивирована работать в традиционных профессиях, особенно показательны в этом плане выпускники педагогических вузов), а специалистам, имеющим опыт работы в данной области, что затрудняет выход молодых специалистов на рынок труда. Именно в *группе традиционных профессий* большее значение имеют знания по специальности, опыт, нежели другие компетенции (профессиональные качества), такие, как умение быстро усваивать новую информацию, вести переговоры, работать на компьютере и в Интернете, устойчивость к стрессовым ситуациям и т. п. Названные компетенции, помимо специальных профессиональных знаний, высоко оцениваются в «новой» группе профессий, где работают в основном молодые специалисты. Получая «традиционные» профессии в учебных заведениях, молодежь тем не менее идет работать в «новые» профессии (как правило не по полученной специальности), где больше зарплата и востребованы «новые» компетенции. В то же время следует отметить, что работодатели придают все большее значение «новым профессиональным компетенциям», и эти требования работодателей необходимо учитывать при формировании учебных планов профессиональных учебных заведений с целью адаптации их к новым социально-экономическим условиям хозяйствования в России [2, с. 140–142].

Исследования, в том числе наши, показывают, что рынок образовательных услуг в России плохо коррелирует с реальным сектором экономики. Нынешняя ситуация – социально-экономическая, политическая, нормативно-правовая – требует изменения отношений субъектов образовательной сферы: личность – общество – государство – работодатель (бизнес). В этой связи скоординированность действий образования и работодателей (бизнеса) представляется актуальной как с точки зрения прогнозирования потребностей в тех или иных профессиях на рынке труда, формирования портфеля профессий, так и в определении квалификационных параметров выпускников учебных заведений всех уровней, и опыт такого сотрудничества уже имеется [1].

В то же время работа по координации системы «**образование – рынок труда**» с привлечением *работодателей, социально ответственного бизнеса* не означает, что нужно полностью отдать образование на откуп бизнесу. Его потребности конъюнктурны, базируются на рыночных механизмах спроса-предложения, тогда как формирование человеческого капитала, профессионального потенциала – процесс долгосрочный. Например, подготовка специалиста в вузе занимает 5–6 лет. Как за это время изменятся потребности бизнеса, не знает сам бизнес. Работодатели могут эффективно участвовать в финансировании подготовки нужных им специалистов, в разработке учебных планов, формировании перечня специальностей, необходимых различным сферам экономики, разработке профессиональных и квалификационных параметров молодых специалистов, соответствующих их требованиям.

Однако система подготовки профессиональных кадров не может работать «вслепую»,

то есть без прогноза потребности в специалистах определенного профиля на перспективу, что, в свою очередь, связано с внутриэкономическими перспективами страны и в конечном счете с вопросом, **какая социально-историческая модель реализуется в современной России**, по какому пути она будет развиваться. Пойдет ли она по пути индустриального развития, став равноправным членом глобализирующегося сообщества, или превратится в его сырьевой придаток, страну «третьего мира», находящуюся под экономическим, политическим, культурным и прочим диктатом стран «золотого миллиарда». Ответив на этот вопрос, мы сможем прогнозировать, что ждет наше общество через 10–15 лет, кто будет в нем востребован как профессионал, специалист.

Библиографический список

1. Борисов, С. Р. Социальная ответственность бизнеса [Текст] / С. Р. Борисов // Платное образование. – 2006. – № 1–2.
2. Быданова, Е.Н. Анализ компетенции выпускников российских вузов [Текст] / Е. Н. Быданова // СОЦИС. – 2008. – №5.
3. Макарова, М. Н. Стратегии воспроизводства рабочих как отражение их трудовых и образовательных ориентаций [Текст] / М. Н. Макарова // СОЦИС. – 2007. – №8.
4. Департамент труда и занятости населения Москвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.labor.ru
5. Оскольская, Л. А. Трудовые ценности и нормы в содержании начального образования (по материалам анализа школьных учебников) [Текст]: автореф. ... канд. соц. наук / Оскольская Л. А. – М.: ИС РАН, 2006.
6. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/lssWWW.ex/Stg/d02/71.htm

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

УДК 330.34

СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ «ФАБРИКИ МЫСЛИ»

В. П. Грищенко, Г. М. Мирзоев

Цель статьи – в объективации стратегий регионального развития, применительно к условиям жизнедеятельности конкретного субъекта Российской Федерации, в частности на примере Краснодарского края, на основе социальных проектов формирования «фабрик мысли» – экспертных институций, способных организовать и инициировать научные разработки, адекватные задачам сегодняшнего дня.

Ключевые слова: альтернативная экономика, внедренческое знание, геостратегические конкуренты, глобализация, инновации, стратегическое знание, стратегии регионального развития, социальные проекты, сырьевая стратегия, экспертная работа, «фабрика мысли».

STRATEGIES OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA «FACTORY OF THOUGHT»

V. P. Gritsenko, G. M. Mirzoev

The goal of the article is objectivation of the strategy of regional development to the life conditions of the particular subject of Russian Federation including Krasnodar Region on the basis of social projects of creating «factories of thought» – expert institutions able to arrange and initiate scientific developments relevant to the objectives of today.

Keywords: alternative economics, innovative knowledge, geostrategic competitions, globalization, innovation, strategic knowledge, strategy for regional development, social projects, resource strategy, expert work, «Factory of thoughts».

Стратегия, определенная Н. С. Хрущевым в виде лозунга «Догнать и обогнать Америку!», по прежнему остается актуальной. Это значит, что *Вызов*, в котором оказалась Россия (тогда еще СССР) еще в 1960-х гг., не получил должного цивилизованного *Ответа*. Социум, не нашедший *Ответа*, деструктурируется. Так и произошло с СССР.

Теперь *Вызов* воспроизводится для каждого субъекта СНГ и для России заново. Если *Ответ* не последует, то возникнет новая «деконструкция», в которой заинтересованы наши геостратегические конкуренты и соседи. Они как кровь высасывают наши нефтяные и газовые ресурсы, оскаливаясь все более и более алчно. Вот уже и Германия, учувствовавшая в развязывании двух мировых войн, вновь выставила свой оскал. Нас провоцируют на военные конфликты, на гонку вооружений.

Стратегия развития России неотрывна от тех предпосылок, которые были созданы еще

в СССР. В СССР эта стратегия была очерчена для экономического, социального, политического, культурного и любого другого аспекта. Конечная цель – коммунизм – общество, в котором свободное и всестороннее развитие каждого есть условие свободного и всестороннего развития всех. Экономическая стратегия преследовала цель наиболее полного удовлетворения потребностей трудящихся.

Формально, на государственном уровне, стратегия социального развития страны остается та же, что и в коммунистические времена: она заключается в создании экономического и социального благополучия людей, в создании комфортного, стабильного, благополучного, здорового образа жизни. С другой стороны, понятно, что прежний социально-политический строй не справился с этой задачей вследствие своей экономической и идеологической несостоятельности. Социальная стратегия – «Все во имя человека, для блага человека!» – оказалась невыполнимой потому, что эконо-

мическая стратегия – «Соединить научно-технический прогресс с преимуществами социалистической системы хозяйствования» – оказалась псевдостратегией. Эту систему хозяйствования нужно было создать, а написали «соединить»: соединять было не с чем. Тот тип хозяйственного механизма, который был в СССР, проявил свою неэффективность на стадии постиндустриализации. Большая часть выпускаемой продукции оказалась несоответствующей мировым образцам качества. И если принципиальные позиции – атомная индустрия, космос, образование – говорили о продвинутости страны, в целом хозяйственный механизм оказался затратным, а значит и саморазрушительным для СССР в экономической области. Управление экономикой и социумом отставало от насущных задач, что привело к достаточно эффективному концу – самораспаду и самороспуску прежней административно-хозяйственной и политико-управленческой подсистем общества. К заслуге советских обществоведов можно отнести то, что они обеспечили достаточно мирный уход прежней Системы, хотя страну и разрывали национальные конфликты и алчные драки «героев» первоначального накопления.

Казалось бы, СССР не хватало малости – найти эффективную систему стимулов, которая бы обеспечивала саморазвитие экономики. Однако прежняя экономика была функцией от прежней государственной идеологии, которая к 1990 гг. XX в. оказалась в высокой степени иллюзорной, косной, догматичной, закрытой и в высокой степени авторитарной. «Придворная», «официальная» наука стала в основном блефом, а общий процесс переоценки ценностей привел к тому, что приоритеты стали определять экономисты-рыночники.

Когда в ходе перестройки встал вопрос о путях и способах модернизации, то в качестве *Ответа на Вызов* была избрана «Программа ускорения социально-экономического развития» страны. Для этих целей была объявлена и конверсия военно-промышленного комплекса. Идеологическим знаменем этого процесса стала демократизация, гласность, плюрализация идеологии и общественной жизни. Все это компоненты перестройки. Они завершились самораспадом системы. В ходе перестройки экономического базиса была

использована чековая приватизация и «шоковый» путь перехода к рыночным отношениям.

Поскольку объективных предпосылок, в виде концентрации капитала, для плавного перехода к частной собственности не было, то процесс «первоначального накопления» прошел в виде криминального и теневого перераспределения и захвата государственной собственности.

Последующая диверсификация экономики не привела в целом пока к *Ответу* на возникший ранее *Вызов*. А это значит, что решение задачи надо продолжать искать, поскольку нет долговременного механизма, обеспечивающего развитие экономики российского социума. При этом мы должны иметь достаточно реалистическую, непредвзятую (не политически угодническую, не пропагандистскую, не бюрократическую) экспертную оценку качественного состояния отечественного социума и государства.

Можем ли мы назвать наше государство капиталистическим, социалистическим, смешанным? Да, это смешанное общество и экономика, но не в скандинавском стиле, а в стиле транзитного, кризисного социума, добившегося в то же время стабильности своего состояния. Эта стабильность, хоть и в кризисном состоянии, является главным достижением. Задача может считаться решенной тогда, когда будет найден эффективный хозяйственный механизм, социальная стабильность на основе решения задачи социальной справедливости (отсутствие сверхразрыва в доходах) и начнет работать социализация на основе модели рационального образа жизни.

Поэтому оценка современного состояния пока будет выглядеть более предпочтительной в таких вариантах, как у Н. Е. Покровского. Он называет данное своеобразие стабильностью кризиса, так как экономический уклад, сформировавшийся в течение 90-х гг. XX в., совмещает в себе самые различные и, казалось бы, несовместимые «фрагменты»: технологически передовой постиндустриализм и квазирынки, возродившуюся архаику и натуральный обмен, криминальную экономику, подневольный труд, индустриализацию, постиндустриализацию и деиндустриализацию. Причем это не переходная многоукладность, а именно стабильный новый уклад с так называемой манипулятивной демократией, то есть использованием «внешней формы

демократического процесса для сокрытия глубоко недемократической и даже антидемократической его сути» [2, с. 43].

В то же время в социальном пространстве России существуют локальные территории постиндустриальной экономики и глобализированного сообщества. Мы согласны с тем, что современное «глобализированное население России» – качественно новая общность, которую можно смоделировать следующим образом: ориентированность на материальное потребление, пусть даже самого низкого уровня: постоянное сужение поля социального интереса; необычайная пластичность, способность адаптироваться к любым социальным изменениям; виртуализация (внешнее проявление этого – подчиненность масс-медийным сообщениям); снятие любых нравственных вопросов; преклонение перед любой властью, даже в ситуации относительной свободы выбора; культурная нетребовательность [2, с. 45–46].

Главный недостаток этих тенденций глобализации и движения к информационному обществу в том, что они строятся по модели потребительского общества. Хотя эта критика относится к существующей тенденции лишь с учетом перспективы, а в настоящее время приход глобальных производителей и продавцов, как правило, имеет цивилизующее значение. Они создают пространство высокотехнологичного производства и потребления. Они внедряют новые стандарты образа жизни, поднимают на качественно новый уровень культуру производства и быта.

Без новой системы социализации – воспитания сознательных, ответственных, предприимчивых граждан мы ничего не получим. А это, по большому счету, включает в себя модель нового образа жизни. И идеология также должна быть сосредоточена вокруг этого важнейшего элемента – образа жизни. Сама по себе экономика нигде, в том числе и в России, ничего автоматически не сделает.

Главный параметр – это рациональный, экологичный, сбалансированный образ жизни. Он включает как воспитание разумного потребления, так и воспитание элементов аскетизма, нравственности, при котором богатство и потребление не являются основными стимулами.

К сожалению, неформально, т. е. реально мы развиваемся по пути потребительской стратегии, причем часто в ее самой некультурной, разнузданной форме: с отходами, загрязнением, разбазариванием, неэкономностью, расточительностью, использованием фальшивок [1] и пр. Ориентация на сырьевую стратегию является одной из черт этой разрушительной стратегии. Сколько она может продолжаться – 30–50 лет максимум, думаю. Современный кризис виртуальной финансовой системы имеет свои антропологические основы в концепции общества безудержного потребления. Стратегия, основанная на развитии общества потребления, – тупиковая, надо видеть ее ограничения, рамки.

Это не значит, что не нужно стремиться к развитию потребностей людей и их удовлетворению. Однако современная экономика – это не экономика удовлетворения потребностей, а экономика манипулирования человеком с помощью современных семиотических машин с целью получения прибыли гигантами международных монополий. При этом основная масса потребляемых товаров уже не соответствует своему понятию, а является квазипредметными формами товара, не соответствующими своему понятию и названию. Неадекватность потребительской идеологии описана как всеми мировыми религиями, так и классиками современной гуманитарной мысли, например, Э. Фроммом в работе «Иметь или быть?».

К сожалению, современная экономическая стратегия в России строится только лишь в ориентации на общество потребления. Это разорительная и тупиковая стратегия, порождающая дутые социальные сценарии будущего. Частью потребительской стратегии является другая – сырьевая, точнее ориентация на сырьевую экономику. Создается впечатление, что враги и друзья России со всех сторон совершают давление на ее геополитическое пространство и ресурсный потенциал с одной целью – как можно дешевле получить сырье. В то же время, по некоторым прогнозам, нефть и газ в обозримом будущем исчерпают себя, что чревато полным распадом экономик, основанных на сырьевом экспорте.

Однако двигаться в направлении широкого использования альтернативной энергетики мы не хотим. А вот геостратегически кое-что

понимаем, а именно, что надо двигаться в Арктику, на Луну и в другие места, где экстенсивно можно продолжить свою линию поведения в экономике.

Кажется, что выход лежит в ориентации на единственный безлимитный ресурс – знания, информацию, а значит, на образование и науку. Казалось бы все ясно. И казалось бы, что этим самым мы убиваем двух зайцев: не только преодолеваем сырьевой порочный круг, но и мировоззренчески ориентируемся на знания, духовность, образованность. Но духовность и развитие «экономики знаний», технологичного знания – это не одна цель, а совершенно разные цели. Например, современные политические или рекламные технологии вряд ли можно назвать видами духовного знания, так же, как и массу современного чтива – детективы, эротические романы.

В России движение в сторону «экономики знаний» пока не имеет устойчивой тенденции. К тому же, те виды знаний, которые нужны для «новой экономики», у нас отсутствуют в нужном количестве и качестве. Мы еще не научились эффективно производить такое знание. Это не то, что имеют в виду под образованностью, просвещенностью, духовностью, эрудированностью, начитанностью. Речь идет о технологичном, экспертном, проектном, инструментальном знании, о так называемых разработках, а не только об объектной форме фундаментального знания, производство которого мы достаточно эффективно освоили.

Правда, вопрос об образовании в информационном обществе стоит тоже особо. С одной стороны, всяк кому не лень твердит, что в экономике знаний образование – дело первейшее и прорыв России именно в этой области может быть. Но, надо иметь в виду, реальный поворот идет в другую сторону. Мы хотим превратить свое образование в задний двор для европейцев. Во-вторых, тот вид образования, на котором базировалась советская экономика, зиждется на других стандартах знания. Известно, что в эпоху глобализации взгляд людей на образование становится все более прагматичным. Например, высшее образование в русле «глобальных ценностных ориентаций» уже не служит источником распространения фундаментальных научных ценностей. Современные «клиенты» высшего образования ценят его товарные

свойства, а также доступность и удобство потребления конкретных знаний и умений (consumer satisfaction). Их интересует сокращение усилий для получения нужного результата, экономическую усредненность и эффективность, броскость и функциональность упаковки (CD-ROMной, интернетной и т. д.) учебных программ, мобильность обмена студентов и преподавателей разных вузов и стран. В конечном счете важна максимальная коммерческая реализуемость и «конвертируемость» полученных знаний и умений.

Вот уже более 50 лет мы твердим истину – наука производительная сила, однако в масштабе социального воспроизводства эта задача на протяжении многих десятилетий так и не решена. Один из главных приоритетов, выдвинутых как часть общей стратегии недавно В. В. Путиным, обозначен как движение к инновациям. Другими словами, задача, ранее сформулированная как «ускорение», не была решена и встает по-прежнему. Ее нерешенность поведет к новому распаду *Системы*. К сожалению, сложившаяся в стране экономическая и социальная система не приспособлена к инновациям. Как может решаться задача?

В кратковременном плане, приблизительно так же, как в футболе: сосредотачиваем ресурсы, покупаем менеджеров, те расставляют игроков в соответствии со своими стратегическими планами и достигают результата. Однако такой результат является достаточно частным, локальным. В целом это ситуацию с футболом в стране не решит, потому что переустройство собственного футбола надо начинать с самого начала. Как с тщательной организации самого чемпионата, так и с культуры. Пока не будет организованного, дисциплинированного, хорошо обученного с самого детства человеческого материала, до тех пор отечественного футбола мирового уровня не будет. Если начинать с оснований, с социализации, то в этом случае результат можно получить, скорее всего, через одно-два поколения.

К сожалению, пути срочного развития мы осваиваем плохо. Об этом свидетельствует и вялое развитие малого бизнеса и наукоемких технологий. Только на пути больших монстров и грандиозных программ, курируемых по-прежнему государством, мы пытаемся чего-то достигнуть. Например, принят на сертификацию самолет КБ «Сухого» Superjet 100.

Однако ревизия космической отрасли премьером России В. В. Путиным на прошлой неделе показала, что достижения космической отрасли по-прежнему закрыты для широкого потребления и не имеют системного характера. В то время как НАСА по каждому пункту разработок имеет коммерческие успехи и публикует специальные журналы со списком своих применений.

Но в целом дух инноваций очень слаб. Мы оказываемся плохими учениками, плохо приспособленными к заимствованию чужого опыта. В большинстве случаев нам не нужно что-то изобретать, достаточно использовать чужой опыт. Ведь секрет японского чуда состоял в том, что японцы оказались хорошими учениками. Хорошим учеником оказывается тот, кто берет уже готовый (чужой) продукт, но начинает шаг за шагом производить его эффективнее, качественнее и дешевле одновременно. В этом – решение стратегической задачи. К сожалению, мы оказываемся никчемными учениками. Мы сами норючим все время быть учителями – это раз. Во-вторых, мы не стремимся к заимствованию. Часто это обосновывается наличием особого пути развития России.

Один из самых грандиозных, печальных и безобразных примеров – это автомобилизация. Вступив на этот путь тогда, когда многие десятки стран уже решили эту проблему, мы пришли не только в наших мегаполисах, но и в средних городах к транспортному коллапсу. Отечественные «топ-менеджеры», в том числе и в лице самых уважаемых мэров оказались несостоятельными в этом отношении. Создается впечатление, что предвидение отечественных управленцев в основном строится по такой методе: если 1 землекоп выкопает яму 1 куб. метр за 10 часов, то 600 землекопов выкопают эту яму за 1 минуту.

Стратегическое знание есть основа продуктивных решений. Эффективное стратегическое знание – это продукт особого типа мышления, методологического мышления. Современная гносеологическая ситуация в рассматриваемой области такова, что требуется уточнение понятия фундаментального знания. Дело заключается в том, что в связи с развитием скорости информационно-коммуникативных процессов ситуативное знание также приобрело фундаментальный характер.

В современных условиях, с нашей точки зрения, в качестве важных видов фундаментального знания, кроме традиционного объектного знания, выступают определенные виды экспертного, инструментального, технологического, проектного, прогнозного знания. Междисциплинарность еще усложнила эту ситуацию.

У нас также много архитекторов и строителей. Но если мы посмотрим на положение дел с застройкой последних 20 лет, то вряд ли кто осмелится сказать, что кто-то серьезно разрабатывал и разрабатывает градостроительную политику. Далеко не каждый профессионал в архитектуре может быть экспертом в деле разработки градостроительной политики города. Город, как сложное цивилизационное пространство, включает в себя множество технических, архитектурных, инфраструктурных, информационных, социальных, культурных, экологических, психологических и других аспектов. Кто посмеет сказать, что психология или экология городского образа жизни есть дело второстепенное? Может с этого нужно как раз, и начинать: каково место ребенка, старика, подростка в нашем мегаполисе? Но даже среди специалистов высокого класса далеко не каждый может быть экспертом по выработке новой культурной политики города или страны.

«Экономика знаний» – это одна из метафор, которая, как и всякая метафора, стремится в своем пределе к мифу. Действительно, производство всегда развивалось на основе знаний. Однако знание бывает разного рода. Когда мы говорим, что у нас передовая наука, образование, что мы являемся обществом знаний, то иногда речь идет у говорящих о разных вещах. Одно дело знание как эрудиция, образованность, просвещенность и другое дело технологическое знание, «*ноу хау*». Нам представляется, что когда речь идет об экономике знаний, то имеется в виду прежде всего технологичное знание, знание, способное приносить пользу, выгоду и технологически решать многие, в том числе и социальные проблемы. В СССР была огромная сеть гражданской обороны, которая поедала громадные средства и занимала большие массы бездельников. Реальная польза от этого знания была никакая. Каждый год мы изучали структуру ГО, устройство ядерной бомбы,

мощность зарядов, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, и нам показывали аптечки и еще что-то, чего в реальности, в комплектности и достаточности для всех никогда не было. Вместо того, чтобы показать, где находится бомбоубежище, как закрывать люк, чем и как пользоваться при радиоактивном загрязнении, нас пичкали знаниями, которые никак не помогали в случае Чернобыльской аварии. Точно также, все разговоры об экологии, экологических двигателях и замкнутых циклах у нас лучше всего останутся на уровне лекций, разработок ученых, опытных образцов, но не более, пока не изменится ситуация с нововведениями, пока бизнес и нововведение не станут единым целым.

Перед нами книга Ю. М. Беляева «Стратегия альтернативной энергетики» (Ростов н/Д, 2003) В аннотации указывается, что «в монографии изложены концепция, методология и принципы создания нового полномасштабного направления в энергетике на основе альтернативных преобразователей энергии, обеспечивающих конкурентоспособные эколого-экономические показатели по сравнению с традиционными. Разработаны критерии эколого-экономической эффективности энергетических технологий и определена приоритетность их выбора. Сформулированы требования к темпам развития, структуре, принципам управления, инвестиционной и правовой политике в альтернативной энергетике. Представлена разработанная программа освоения альтернативной энергетики в Краснодарском крае и вариант программы для России». В Краснодарском крае, особенно в местах сильнейших зон ветра – Новороссийске, Геленджике, аргументы для альтернативной энергетики очень велики. Однако все идет к тому, что, как и телевидение, «солнечно-ветровые электростанции» должны придти с Запада. А может с нового Востока?¹ Если разработки крупнейших космических корпораций не становятся достижением рынка, то, как тут уж быть скромному исследователю? Ждать, пока какой-нибудь Samsung не внедрит его разработку. В стране отсутствует система сбора данных и продвижения такого рода проектов. Однако деятельность по продвижению бизнес-проектов, связанных с ре-

лизацией научных разработок, изобретений, новаций, в технической и социальной области должна быть приоритетной. Такого рода деятельность должна быть институционализирована: соответствующие фонды, структуры, финансирование (кредитование) и прочие условия и льготы. Регистрация такого предприятия должна занимать 1 час реального времени.

Теория и жизнь – совершенно разные вещи, совершенно несовместимые. Речь идет о социальной теории прежде всего. Сколько не пытались советские экономисты на основе теории Маркса придумать треды, трудовые деньги, найти прямые измерители затрат труда через рабочее время, ничего не получилось. Теория Маркса не позволяет вычислить стоимость конкретной булки хлеба на рынке. Это можно запрограммировать только административно, сверху. Однако без фундаментальной объектной науки не будет научной картины природы и общества. В этом, прежде всего, заключена фундаментальность этого знания – вооружать любого гражданина государства системной, научной картиной мира в своей области знания: физической, экономической, географической, политической, социальной, культурологической, антропологической и любой другой.

Непосредственной практической значимостью обладают разработки, экспертные оценки, мониторинг, проектное, прогнозное, инструментальное, технологическое знание, организационные и внедренческие разработки. К сожалению, ареал и рынок такого знания в нашей стране еще мал и не развит. Эти формы знания также ждут своей разветвленной институционализации в стране. К счастью, уже имеется Интернет, который способен выполнять функцию коллективного мозга в этой области. Но для этого должна существовать разветвленная по стране сеть «фабрик мысли», обеспечивающая увязку бизнеса, новационных разработок и общественных потребностей.

Однако положение в этой области более чем трагическое. Начнем с того, что российский ученый, разработчик, изобретатель, новатор в абсолютном большинстве случаев не самодостаточен. Так было и в советские времена. Приезжали социологи в колхоз, проводили «исследование», а результаты были известны заранее, так как они в тех показателях, кото-

¹ Вьетнам уже вслед за Китаем вышел на второе место по темпам своего экономического развития.

рые содержались в отчетах райкома партии. В такие времена литература, например, «Тихий Дон» или «Архипелаг Гулаг» были адекватнее науки. Есть лишь узкий коридор, в котором технологичное знание выгодно практику – в политических и рекламных технологиях, обеспечивающих политическую или коммерческую выгоду.

Извращенной является и система социального заказа. Социальный заказ ученый получает от чиновника в его чиновничьей форме. Власть сама принимает решения, опираясь на те заключения, которые дает приближенное к власти экспертное и спичрайтерское сообщество, а остальная научная братия воспринимает это как социальный заказ. Бюрократизация отношений социальной науки и власти зашла так глубоко, что социальная наука в России не играет роль производительной силы. Она нужна для антуража власти и для себя самой. Поэтому только те представители научного сообщества, которые интегрировались во власть, и имеют какой-то достаток и доступ к информации. Воспроизводится модель, созданная при КПСС, когда ученая элита разрабатывала идею-концепцию, например, «развитого социализма», а для остального большинства она спускалась как некий социальный заказ. Однако официальная наука – это заведомо оглушенная наука. «Пролетарии умственного труда» несамодостаточны и влачат жалкое существование, в пределе ведущее к «вымиранию» этой сферы деятельности. Между тем социальная практика нуждается как в традиционных фундаментальных объектных разработках, так и в экспертных, проектных, прогнозных, оценочных знаниях, разработках и нововведениях разного рода.

В стране существуют экспертные институты – Центр стратегических разработок, созданный Г. Грефом, Институт экономики переходного периода Е. Т. Гайдара, Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа (рук. С. В. Кириенко), Центр стратегических разработок «Северо-Запад» (рук. В. Княгинин), ГУ Высшая школа экономики (Я. Кузьминова), Институт общественного проектирования при журнале «Эксперт», Фонд «Институт экономики города» и Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр».

Но, видимо, придется согласиться с С. А. Смирновым [3], что главным экспертным институтом, пожалуй, остается сама Администрация Президента, которая в одном лице является и заказчиком, и подрядчиком. Именно она задает тон в определении стратегических перспектив развития.

Что касается регионов, то, как считает С. А. Смирнов, в них в лучшем случае есть некоторые отдельные группы или одиночки, которые кормятся теми же федеральными заказами или спорадическими заказами от региональных властей. Поэтому должен быть сделан еще один шаг – от сосредоточения «фабрик мысли» в столичных городах – к сетевой экспертной структуре, работающей в режиме формирования и подбора команд разработчиков, в которых эксперты, разработчики, внедренцы распределены по территориям более равномерно. Названные виды знаний, умений и навыков призваны заполнить брешь между фундаментальным объектным знанием и практикой. Ясно, что в этом случае нужны и особые менеджеры и маркетологи – специалисты по развитию, продвижению научных разработок, их внедрению, адаптации, доводке. Необходимы специалисты по развитию этой формы бизнеса, способные обеспечить взаимосвязку интересов общества, заказчика и ученого, эксперта, потребителя.

Наличие таких крупных научных монстров, как федеральные университеты, технопарки, которые сейчас создаются, не отменяет высказываемую идею. Мобильные временные группы (научные, экспертные, внедренческие), сориентированные под определенный проект, цель, задачу могут достигать некоторых результатов быстрее, чем большие монстры. Они имеют разные приоритеты. Поэтому даже в городах с продвинутыми научными центрами нет эффективных планов социально-экономического развития. Формально «стратегический план» как некий набор цифр, показателей, общих деклараций есть в сейфе любого мэра. Но он играет скорее подспорную роль, а не по существу, считает С. А. Смирнов. Он выделяет следующие пять признаков экспертного знания [Там же]. Первое. Экспертное знание конкретно, ситуативно и содержит в себе уникальный рецепт по выходу из ситуации. Второе. Эксперт – не просто специалист, а конкрет-

ный специалист по конкретной проблеме. Он носитель неких экспертных оценок и суждений по решению этой проблемы. Он может предложить пути решения проблемы. Третье. Проекты и программы должны разрабатываться теми, кто их и реализует. В подавляющем большинстве у нас происходит ровно наоборот. Заказчик в лице областной или федеральной власти делает заказ. Экспертная группа работает, выдает аналитический доклад. Он кладется на стол. Эксперты получают деньги. И на этом все заканчивается. Но далее начинается самое сложное. Если первое лицо и его ближайшее окружение и советники понимают силу и глубину разработки, то среднее звено чиновников просто не держит это содержание. И на том все и заканчивается. Разработка редуцируется до набора узких мелких рекомендаций. Там подправить, там подтянуть. Стратегические решения, предполагающие коренную модернизацию управления регионом и городом (страной), не принимаются. И в этом нет ничьей вины. Просто мы по-другому пока не умеем. Ни власть, ни бизнес, ни третий сектор не являются носителями экспертного знания, точнее не отвечают тем компетенциям, которые требуются, чтобы хотя бы взять это экспертное знание у экспертов в готовом виде и воплотить в решения. Четвертое. Речь должна идти не только о реализации той или иной программы развития, но и мониторинге – отслеживании процесса реализации программы или проекта с помощью адекватных средств. Пятое, здесь не нужны сами по себе ученые или сами по себе менеджеры, или сами по себе талантливые деятели образования, культуры. Здесь нужны проектировщики, методологи с проектным и стратегическим мышлением, способные работать в команде в ситуации неполного знания, в ситуации дефицита средств и отсутствия готовых рецептов, причем с конкретной территорией, а не с неким готовым набором схем, взятых из западного опыта. Таким образом, нам необходимы особые «фабрики мысли», «экспертные институции», «внедренческие институции», «специалисты по развитию», которые могли бы организовать и инициировать подобные разработки, сочетая все пять качеств в одном. Естественно, что проблемы на этом не заканчиваются, а лишь начинаются.

Таким образом, в нашей социальной науке и нашем обществе необычайный дефицит экспертного, проектного, инструментального, внедренческого, новационного знания. Именно такое знание ныне является фундаментальным, наряду с традиционно понимаемым фундаментальным знанием. Но традиционно понимаемое фундаментальное знание является объектным и всеобщим. А проективное и экспертное знание – это ситуативное знание. непонимание фундаментальности экспертного и инструментального знания – капитальный факт, доставшийся нам с советских времен. С другой стороны, судя и по опыту зарубежья, понятно, что экспертная сеть и независимые аналитические мозговые центры могут возникать и развиваться только в ситуации развитого гражданского общества и высокого уровня социально-экономического развития, в силу которого созревает постоянный системный заказ на долгосрочное прогнозирование и планирование, и не только от властей разного уровня, но и от крупного бизнеса и сильного общественного сектора.

Экспертная работа – это не только интуитивный готовый результат сразу. Экспертная работа является особым типом исследования, в котором координированы специалисты разных областей. Это также особый тип мышления и проектирования. Все это возможно только в одном случае – когда мы начнем думать не только о сегодняшнем, но и послезавтрашнем дне, начнем реально строить будущее. И не в категориях фантазий и прогнозов, а в категориях выстраивания механизмов и институтов развития. Последние же нужно строить, буквально создавать, формировать, разрабатывать долгосрочные схемы и механизмы институционального развития, переходя от локальных проектов к институциональным. И главное – переходя к реальному обществу, производящему знания и инновации. К обществу, где главным капиталом и мощным стимулом развития являются твои знания и твоя способность производить инновации разного типа. Ведь аналитические центры это и производят – они производят инновационное знание, становящееся капиталом. Это безбумажное и даже не информационное производство. Это производство виртуальное с точки зрения внеаходимости

и тиражируемости и применимости к реальной ситуации. Видимо, определенные шаги должны быть сделаны в образовании. В учебные планы и программы многих специальностей должны быть внесены соответствующие изменения и дополнения, а может быть, и открыты новые специальности/специализации.

В качестве важных социальных проектов, имеющих общенациональное значение, можно назвать Мегапроект «СОЧИ 2014». Речь идет о том, что подготовка к олимпиаде и ее проведению может являться не только всероссийской стройкой, но ключевым фактором в создании принципиальных элементов экологичного, здорового, рационального образа жизни. Для этого к архитектурно-строительному проектированию должно подключиться социальное и культурное проектирование. Вообще, логично допустить, чтобы в стране в качестве своеобразных поселений-спутников (например, «Краснодар-Эко»), появились и экологические поселения, в которых жители на основе добровольных контрактов могли вести экологичный образ жизни. Такие поселения могут стать экспериментальными площадками для апробации технических и социальных новаций экологичного образа жизни¹.

Другой социальный проект, без которого не может обойтись ни один современный город, – это Инфоград, например, Инфоград-Краснодар, Инфоград-Ростов и т. д. Это также подсистема современного городского поселения, которая в значительной мере является локусом информационного общества. Инфоград включает не только информационно-коммуникативную подсистему города, но и ее сердце. Без громадных баз информационных данных в определенной области, без накопления мирового опыта ведения городского хозяйства его развивать невозможно. Но Инфоград – это и бизнес-структура, совокупность инфотехнологий и пр. «Фабрики мысли» должны быть органичной частью гипертекстово-организованной информационной системы страны, связывающей регионы и центр с помощью Интернета в коллективный «мозг» (Интеллект).

Библиографический список

1. Как поставить заслон фальшивым лекарствам // Новая аптека. – 2007. – № 1.
2. Покровский, Н. Е. Транзит российских ценностей: нереализованная альтернатива, анатомия, глобализация [Текст] / Н. Е. Покровский; ред. А. Согомонов и С. Кухтерин // Глобализация и постсоветское общество. – М.: Стови, 2001.
3. Смирнов, С. А. Экспертное сообщество: от мифа к институции [Электронный доступ] / С. А. Смирнов. – Режим доступа: www.antropolog.ru/doc/persons/smirnov/smirnov18.

¹ Экология в этом случае понимается не только как биоэкология, а и как социальная, информационная, психологическая (безопасность, защищенность, комфорт).

УДК 364.14

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СФЕРЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А. В. Верещагина

Статья посвящена выявлению причин и закономерностей трансформации семьи в современном российском обществе, обоснованию приоритетности эгалитарной семьи для решения демографических проблем и развития социально-политических практик общества будущего.

Ключевые слова: демография, эгалитарная семья, традиционные и современные семьи, ограничения семейных отношений, воспитание, поведение, семейная политика государства.

TRANSFORMATIONAL APPROACH TO THE RESEARCH OF INSTITUTIONAL CHANGING IN THE DEMOGRAPHIC SPHERE OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

A. V. Vereshagina

The article establishes the reasons and objective laws for the transformation of family in modern Russian society, it proves the priority of the egalitarian family for the solving of demographical problems and development of politico-social practices of future society.

Keywords: demography, egalitarian family, traditional and contemporary families, the limitation of family relations, training, behavior, the family policy of the state

Историческая уникальность общества проявляется в функционировании основных его социальных институтов: политики, экономики, образования, семьи, религии и т. д., следовательно, фундаментом исследования всех социальных процессов, протекающих на массовом уровне, является анализ институциональных трансформаций, особенно в активно трансформирующихся социумах.

В свете вышесказанного, методологически верным и наиболее адекватным для исследования институциональных трансформаций в современном российском обществе, на наш взгляд, является неинституциональный подход, в рамках которого индивидуальные действия индивидов, производящиеся в рамках общества и его соционормативной системы, символизирующей собой определенный социальный порядок, выступают в качестве самостоятельной силы, изменяющей облик социальных институтов. Традиционное понимание социальных институтов в социологии, идущее от М. Вебера, и трактуемое И. А. Мальковской как «принудительные ассоциации» [1], сменяется, по мнению М. Маклюэна, пониманием того, что «свободные от принуждения коммуникации» [2] становятся основанием формирования и институционализации новых социальных институтов, сосуществующих со

своими прототипами в одном социальном пространстве и часто в конфликтных условиях.

Действительно, если обратиться к социальному институту семьи, то он уже не выполняет в полной мере свои принудительные функции в обществе и уже не может считаться механизмом принуждения и социальной регуляции в той мере, в какой он был прежде, в традиционном обществе, и сейчас механизмы внешней институциональной регуляции и принуждения человеческого поведения заменяются механизмами внутренней, индивидуальной регуляции и контроля или самоконтроля. И эти механизмы имеют куда более важное значение в современных условиях расширения человеческой индивидуальности, свободы мышления, выбора и поведения. В результате происходит институциональная трансформация – от принудительных ассоциаций социальные институты и институт семьи, прежде всего, переходят к ассоциациям, свободным от принуждений. При этом традиционные институты семьи не исчезают, а сосуществуют с набирающими силу новыми институтами семьи. Историческая обусловленность их сосуществования формирует пространство зависимости, в котором и происходит разрушение старых, ставших неэффективными, социальных институтов и формиро-

вание новых социальных институтов, функционирование которых определяется типом, характером, особенностью их прототипов.

Феномен исторической зависимости настоящего от прошлого, которое аккумулируется в социальных институтах и через них оказывает влияние на социально-экономическое развитие общества, реализуясь через агентов трансформации – социальные организации, рассмотрен в теории пат-зависимости Д. Норта [3]. Институционально-эволюционная теория Д. Норта, разработанная для анализа роли институтов в социально-экономическом развитии общества, может быть с успехом применена при исследовании трансформации института семьи и демографического поведения семьи, которое и является фактором изменения демографической ситуации в обществе. Как известно, демографические процессы тесно связаны с семейной сферой жизнедеятельности социума, с особенностями семейного поведения и семейных ценностей. Изменение семьи, ее норм, ценностей, моделей неминуемо оказывает влияние на демографические процессы, что проявляется в трансформации демографического поведения семьи в обществе, исследование которого и даст нам необходимые знания о том, что происходит в современной российской семье, и каким образом ее трансформация повлияла на демографическое развитие общества.

Сразу отметим, что демографическое поведение семьи прежде не включалось в столь широкий научный контекст социологического исследования в качестве методологии изучения демографических процессов через анализ трансформации института семьи. Некоторые противоречия в поле социодемографических исследований, посвященных семье и ее изменению, не дают возможности полноценному развитию ни социологии семьи, ни демографии семьи, предметное поле которых настолько переплелось, что сложно определить, в рамках какой научной области проводилось то или иное исследование. Скорее в России можно говорить о социодемографии семьи. Мы пытаемся включить исследование демографических процессов в широкий социологический контекст для объяснения причин происходящих изменений в демографической сфере общества, что требует формирования и применения социологического методологи-

ческого инструментария, признавая за демографией право прогнозировать и моделировать будущее общества в его количественных и качественных показателях на основе традиционных демографических методов.

Итак, в ходе трансформации семьи изменяется и семейное поведение, частью которого является демографическое поведение семьи, представляющее собой поведение членов семьи, направленное на сохранение или изменение демографического статуса семьи. Демографический статус семьи включает в себя такие элементы, как:

- половой, численный, детный состав семьи; тип семьи (официально зарегистрированная/незарегистрированная, полная/неполная; малодетная/многодетная, студенческая/не студенческая и т. д.);
- ее социально-профессиональный уровень;
- место проживания и статус (мигранты, коренные жители) и т. д.

В каждом обществе формируется своя модель демографического поведения семьи, исследование которой позволит наметить основные тенденции демографического поведения индивидов и на основании этого прогнозировать развитие демографических процессов в обществе на определенном историческом этапе общественного развития. Модель демографического поведения семьи представляет собой некий образец, эталон со специфическим набором характерологических черт и свойств демографического поведения, являющегося доминирующим для семей данного общества. Она формируется на основе реализации тех или иных стратегий демографического поведения семьи, институционализирующихся на определенном историческом этапе развития общества в рамках института семьи и воспроизводящихся через него.

Следовательно, анализ трансформации института семьи как фактора влияния на демографические процессы через исследование демографического поведения семьи на основе неинституционального подхода представляется важным направлением социодемографических исследований, а методология неинституционализма – оптимальным методологическим инструментарием для изучения той реальности, в которой происходит трансформация российского общества, его

основных социальных институтов и демографической сферы. А сам процесс трансформации института семьи следует рассматривать как трансформацию формальных и неформальных ограничений, в ходе взаимодействия которых происходит разрушение традиционного института семьи и возникновение нового современного института семьи, характеризующегося разнообразием и большим многообразием типов организации семейной жизни и семейного поведения. Таким образом, трансформация российской семьи представляет собой процесс перехода от традиционной семьи к современной семье, облик которой не имеет единообразия, динамично меняется, как и мир, в котором она функционирует.

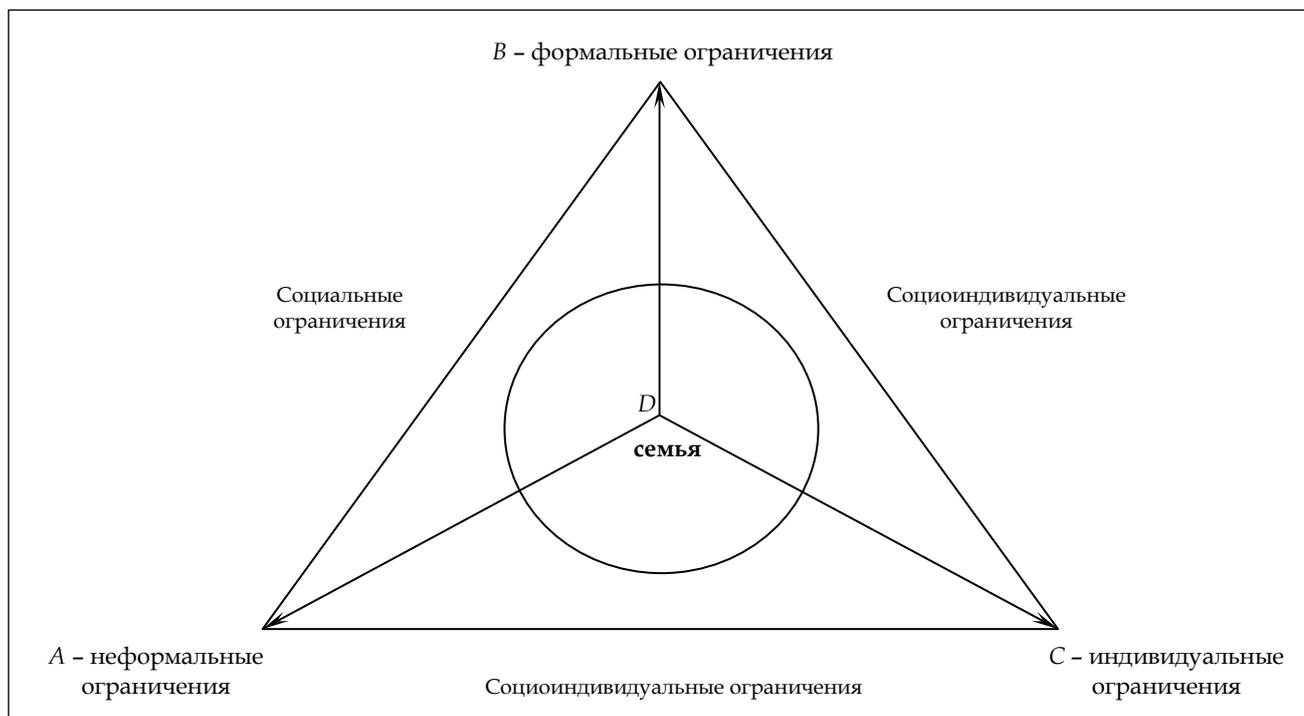
Однако в систему взаимодействия формальных и неформальных ограничений семейных отношений активно включился другой тип ограничений, не рассматриваемый исследователями неинституциональной парадигмы в качестве отдельной научной категории, – индивидуальные ограничения. Если прежде то или иное семейное поведение индивида было обусловлено традициями, обычаями (неформальными ограничениями) или формальными правилами, за нарушение которых наступало общественное порицание или санкции, предусмотренные законодательством общества, то сегодня оно часто обусловлено индивидуальным выбором в условиях многообразия и вариативности, присутствующей в системе семейно-брачных отношений.

Выбор того или иного стиля семейной жизни, тех или иных решений относительно судьбы брака, семьи продиктованы личным выбором каждой супружеской пары, несущей индивидуальную ответственность за тот или иной выбор, за принятое решение. И если между формальными и неформальными ограничениями семейных отношений в процессе взаимодействия могут возникать противоречия и конфликты, что мы и наблюдаем сегодня (призыв к повышению рождаемости, но при этом нет соответствующей материальной поддержки со стороны государства материнства, детства), индивидуальные ограничения характеризуются низкой степенью конфликтности в процессе взаимодействия с социальными (формальными и неформаль-

ными) ограничениями, так как ответственность не перекладывается ни на социум, породивший те или иные семейные нормы, правила, ценности, ни на формальные структуры, принимающие и закрепляющие в обществе на законодательном уровне нормы семейного поведения. Индивидуальные ограничения сопровождаются индивидуальной ответственностью.

Индивидуальные ограничения могут стать когнитивным инструментом исследования трансформационных процессов в том случае, если наряду с ними в научный оборот ввести термин «социальные ограничения», который сам по себе, конечно, имеет научную апробированность, однако, мы предлагаем ввести дихотомию «социальные ограничения – индивидуальные ограничения» как дополнение к институциональной конструкции Д. Норта, формальные и неформальные ограничения которой не содержат факта индивидуальных ограничений в качестве самостоятельной когнитивной конструкции. Формальные и неформальные ограничения, являющиеся основными компонентами институциональной системы, могут рассматриваться в целом как социальные ограничения, формируемые на неформальном и формальном уровне самим обществом в лице агентов трансформации, в то время как индивидуальные ограничения, имеющие источником своего развития все те же социальные ограничения, либерализация которых и привела к их росту, постепенно вытесняют на задний план как формальные, так и неформальные ограничения в сфере семейно-брачных отношений.

На основе вышесказанного мы предлагаем несколько иной подход к исследованию институциональных изменений в сфере семейных отношений современного российского общества, базирующийся на введении в научный оборот трансформационного подхода, с помощью которого можно обосновать современное состояние семьи в России и определить возможные варианты ее эволюции. В разработанной нами схеме представлена попытка показать взаимодействие формальных, неформальных и индивидуальных ограничений в системе семейных отношений и результаты этого взаимодействия в виде формирующихся доминирующих типов семьи.

Российская семья в системе институциональных изменений

A, B и C – базисные элементы института семьи (неформальные ограничения семейного поведения, формальные ограничения семейного поведения и индивидуальные ограничения семейного поведения).

В центре (D) данного институционального треугольника мы поместили семью как малую группу. В зависимости от того, какие институциональные изменения происходят в институте семьи в сочетании формальных, неформальных и индивидуальных ограничений происходит формирование тех или иных типов семейного поведения, доминирующих в каждом обществе на конкретном историческом этапе. При этом доминирующий тип определяется, прежде всего, доминирующим типом ограничений семейного поведения, а также его соответствии формальным ограничениям.

В частности, в соответствии с данной схемой, соответствие формальных ограничений неформальным или индивидуальным формирует в обществе два противоположных типа семейного поведения – традиционный и современный (включающий в себя огромное многообразие типов семьи при доминировании эгалитарных семейных отношений). В частности, сочетание формальных и неформальных ограничений в сфере семейных отношений (ABD) и отсутствие противоречий между ними, ввиду поддержки со стороны формальных

структур (государство, социальные институты и т. д.) неформальных норм и правил семейного поведения, формирует традиционный тип семейного поведения, который для каждого отдельно взятого общества имеет свои особенности. Так, с традиционной семьей в России сегодня ассоциируется понятие советской семьи, которая поддерживалась со стороны государства и пользовалась его льготами в тех или иных случаях (рождение ребенка, развод и т. д.).

Несвободное советское общество не могло породить в нужном количестве индивидуальные ограничения семейных отношений и семейного поведения, так как для этого в обществе должен существовать определенный уровень свободы и соответственно институциональное пространство семьи советского времени обходилось социальными ограничениями, формируемыми на уровне общественного мнения, общественных традиций, норм и формальных правил, закрепляемых на законодательном уровне. К примеру, в обществе не оспаривалась ведущая роль матери в воспитании детей как в браке, так и после развода, что закреплялось и на уровне семейного законодательства. Находясь под покровительством государства, семья всегда могла рассчитывать на его поддержку и зависела от принимаемых на формальном уровне указов, законов, ограничивающих сферу семейных отношений.

Совсем по другому сценарию развиваются семейные отношения, формирующиеся в обществе, в котором доминируют индивидуальные ограничения над формальными и неформальными. Создается такая ситуация, когда формальные нормы и правила семейных отношений вынуждены подстраиваться под индивидуальные ограничения (BCD), характерные для обществ модернизационного типа (Европа, США). Общественная потребность в свободных, а также эгалитарных отношениях, причем на различных уровнях социального взаимодействия, закрепляется и на формальном уровне, что проявляется в реальном равенстве родительских, супружеских отношений в семье, а также формальном закреплении тех типов семьи, которые в традиционном понимании не являются таковыми (однополые, например). Таким образом, формируется ситуация, когда формальные нормы и правила соответствуют индивидуальным ограничениям семейных отношений, которые формируются и вырабатываются в процессе семейной практики, проходят тест на выживаемость и институционализируются в социуме с последующим их формальным закреплением. Роль формальных структур при этом ограничена их узаконивающей функцией, но никак не формирующей семейные отношения, в то время как в традиционном обществе государство задает определенные стандарты и ориентиры развития семейно-брачной сферы.

В эпоху социальных трансформаций, когда формальные ограничения не соответствуют реальным практикам, реализуемым в семейно-брачной сфере, а семья оказывается представлена самой себе в поле глобальных трансформаций и нерегулируемых социальных практик, в том числе семейных, происходит сочетание неформальных и индивидуальных ограничений семейного поведения (ACD), что формирует трансформационный тип семьи и семейного поведения в обществе, в котором нет доминирующего типа семейного поведения. В таком обществе сосуществуют различные типы семейного поведения, укладывающиеся в рамки двух основных типов: традиционной и современной семьи. Как правило, в условиях взаимодействия и исторической связи между старыми и новыми институтами семьи, происходит определенное типовое смешивание, в результате чего в семейной сфере общества

появляется новый тип семьи, который, по сути, и является трансформационным, – традиционно-модернистский или традиционно-эгалитарный тип семьи, сочетающий в себе признаки, как традиционной семьи так и современной. На распространенность семей такого типа в северо-кавказском обществе указывает Б. Б. Хубиев [4]. При всем положительном отношении к семьям такого типа (в них сочетаются характеристики традиционной и современной семьи как наиболее оптимальный вариант, позволяющий более успешно адаптироваться к новым условиям) необходимо иметь в виду, что это лишь промежуточный тип, который является продуктом эпохи трансформации и его институционализация, достаточно сложна. Для достижения высокого уровня общественной стабильности необходимо создание и институционализация доминирующего типа семьи. В данной ситуации преодоление промежуточного трансформационного типа семейного поведения путем возврата к прежнему традиционному типу или формирования современного (в современных условиях, эгалитарного типа семьи как доминирующего при большом многообразии типов семейных отношений) типа семьи и семейного поведения будет зависеть от многих факторов:

- насколько сильны позиции традиционной и современной семьи в обществе (степень их распространенности в обществе);
- степень влияния внешних сил, агентов трансформации семейного поведения на данный процесс (глобализация, СМИ и т. д.);
- направленность и эффективность государственной политики как на федеральном уровне, так и на региональном в отношении семьи в плане формирования программ семейно-демографического развития страны и поддержки семьи;
- деятельность различных общественно-политических сил, направленная на пропаганду тех или иных типов семейного поведения в обществе и др.

В соответствии с концепцией Д. Норта, которая, безусловно, выступает базовой для данного трансформационного подхода, предлагаемого нами, повлиять на этот процесс существенным образом можно путем быстрого изменения формальных правил и норм в сфере семейных отношений, что создаст определенный перевес, изменение баланса в ту или иную

сторону. В любом случае, в контексте нашей проблематики преодоление негативных тенденций в демографической сфере предполагает институционализацию определенной модели семьи и соответственно семейного демографического поведения как доминирующей в обществе. Следовательно, на уровне государственной семейно-демографической политики как основной сферы, формирующей формальные ограничения и формальные институты в целом, необходимо определиться с тем, какая модель семьи нужна современному российскому обществу. Данный анализ должен основываться на глубоком исследовании доминирующих моделей семьи в обществе, противоположность которых и способствует противоречивости и нестабильности развития семейно-брачной сферы российского общества.

Приходится констатировать, что сфера семейных отношений не является приоритетной в системе государственной политики, несмотря на активно демонстрируемую семейную и демографическую политику российского правительства. Более того, мы склонны считать, что семья, материнство, детство вообще не являются объектом государственной политики и поддержки (в данной статье мы не будем рассматривать всю декларативность принимаемых законопроектов и их незначительную эффективность на фоне серьезнейших провалов в семейной политике), в результате чего семья как самоорганизующаяся система будет развиваться по той логике, которая будет ей подсказана самой жизнью, а также агентами трансформации, наиболее активно воздействующими на нее (телевидение, Интернет и другие СМИ). Постепенная эгалитаризация семейных отношений в России, охватившая, прежде всего, городские слои населения, не несет в себе негативных нагрузок, кроме одной, если исходить из демографических тенденций развития российского общества, – малодетности, а часто и бездетности семей современного типа. Однако и этот фактор (малодетность) можно рассматривать как положительный, поскольку в основе этики эгалитарной семьи находится качество супружеских, родительских и в целом семейных отношений, а современной российской семье не хватает именно этого – качества. Давно пора отказаться от ориентации на количественные показатели семейно-демографического разви-

тия российского общества, ибо его качественные характеристики грозят катастрофой куда более страшной, нежели снижение численности населения и изменение этнической структуры российского общества. В качестве основных критериев «качественной» семьи выступают такие, как:

- уровень здоровья членов семьи;
- материальный уровень, позволяющий членам семьи удовлетворять основные духовные и материальные потребности; уровень воспроизводства (обязательное наличие в семье ребенка);
- уровень образования (наличие минимального уровня образования и профессиональной квалификации);
- правовой уровень (отсутствие правонарушений, судимости, насилия в семье и т. д.);
- социально-психологический уровень (благоприятный психологический климат в семье, положительное мнение социального окружения и др.).

Таким образом, под «качественной» семьей следует понимать такую семью, в которой формируется социально здоровая личность, способная к передаче социальных ценностей и ценностей семейного образа жизни последующему поколению. Со временем качественные изменения в функционировании института семьи в России приведут к количественным изменениям за счет институционализации главной ценности – ценности семейного образа жизни, что приведет к улучшению социального и физического здоровья, уменьшению количества разводов, насилия в семье, одиночества, числа беспризорников и т. д., а следовательно, и к улучшению демографической ситуации. Процесс этот долгий и требует переосмысления ценности семьи на уровне всего общества.

Библиографический список

1. Мальковская, И. А. Социологический профиль информационно-коммуникативного общества [Текст] / И. А. Мальковская // Социологические исследования. – 2007. – № 2.
2. Маклюен, М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека [Текст] / М. Маклюен. – М., 2003.
3. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] / Д. Норт; пер. с англ. А. Н. Нестеренко. – М., 1997.
4. Хубиев, Б. Б. Семья как социально-ценностная общность форм бытия человека [Текст] / Б. Б. Хубиев. – Нальчик: КБГУ, 2007.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ АКАДЕМИИ

УДК 316

ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ»

Т. П. Муха, Е. П. Глухова

16 апреля 2009 г. в ФГОУ ВПО ВАГС на факультете Государственного и муниципального управления состоялась очередная – III научная студенческая конференция, ставшая уже традиционной. В нынешнем году будущие управленцы и психологи обсуждали актуальные проблемы социального знания в меняющемся мире.

Ключевые слова: социология, стратегия социального управления, антропология города, философия личности, философия в лицах и судьбах, социальная психология, социальные коммуникации.

REPORT ABOUT CONDUCTING OF THE SCIENTIFIC STUDENT CONFERENCE «TOPICAL ISSUES OF SOCIAL COGNITION IN TODAY'S CHANGING WORLD»

T. P. Mukha, E. P. Glukhova

April 16, 2009 the third traditional scientific student conference was held on the Faculty of Public Administration. Future executives and psychologists discussed burning problems of social cognition in today's changing world.

Keywords: sociology, strategy of social control, anthropology of city, the philosophy of personality, philosophy in the persons and the fates, social psychology, social communications.

В ФГОУ ВПО ВАГС на факультете Государственного и муниципального управления 16 апреля 2009 г. состоялась III научная студенческая конференция. В нынешнем году будущие управленцы и психологи обсуждали актуальные проблемы социального знания в меняющемся мире. Так звучала тема конференции, на которую было подано около 100 студенческих заявок на выступления. Учитывая широкий круг обсуждаемых вопросов, организационным комитетом было принято решение открыть работу 8 секций по следующим направлениям:

1. Секция «Социальные проблемы современной России» – руководитель д-р ист. наук, проф. Е. Г. Олейникова.

2. Секция «Государственная и муниципальная политика в современной России» – руководители д-р филос. наук, проф. Р. А. Данакари и канд. филос. наук, проф. Е. П. Мельниченко.

3. Секция «Стратегия социального управления» – руководитель д-р соц. наук, проф. О. В. Байдалова.

4. Секция «Антропология города» – руководитель канд. с.-х. наук, доцент Т. П. Муха.

5. Секция «Философия личности» – руководитель канд. филос. наук, доцент Д. В. Евдокимцев.

6. Секция «Философия в лицах и судьбах» – руководитель канд. филос. наук, проф. Э. Г. Баландина.

7. Секция «Социальная психология» – руководитель канд. психол. наук, доцент Д. М. Зиновьева.

8. Секция «Социальные коммуникации» – руководители д-р филол. наук, проф. А. Н. Долженко, канд. филол. наук, доцент Л. Ф. Гончарова.

Началась же конференция как обычно с пленарного заседания. По мнению участника конференции, в этом году на пленарном заседании можно было почерпнуть много нового: доклады выступавших оценивали не только знатоки конкретных заявленных тем, но и те студенты, кто, возможно, в первый раз об этом слышал. Именно их вопросы к выступающим оказались самыми неожиданными и интересными.

На пленарное заседание было вынесено пять докладов, среди которых наибольший интерес вызвали:

- доклад студента У-500 А. П. Великанова на тему «Социальные аспекты государственного регулирования естественных монополий в Российской Федерации», в котором выпускник обрисовал современное состояние естественных монополий и их развитие на фоне нынешнего экономического кризиса;

- доклад студентки У-500 Е. П. Глуховой на тему «Молодежные организации: модели взаимодействия с органами власти (на примере г. Волжского)», в котором были перечислены молодежные организации в Волжском, стили и направления их работы;

- доклад студентки П-400 Ю. Л. Вольнской на тему «Взаимосвязь особенностей личности студентов специальности «Юриспруденция» с направленностью морального выбора», в котором были представлены итоги собственного психологического исследования автора и проиллюстрированы те особенности, которые отличают студентов III курса юридического факультета Волгоградской академии государственной службы.

Среди докладов, прозвучавших на секциях, также были отмечены самые лучшие – содержательные и интересные. Темы, заявленные на конференции, показали, что сегодня студенты задумываются о многом: о причинах преступности несовершеннолетних (С. С. Олейникова, Ю-500) и о социальном статусе муниципального служащего (А. А. Прудниченкова, У-500); о проблеме доверия к себе (К. Г. Бердыбаева, П-500) и о квазирелигиозных техниках управления персоналом (Е. Ю. Колесникова, У-500); о современной богеме (Е. А. Коссинская, М-100) и о речевых неудачах политиков (Р. Г. Селезнев, А. А. Юдин, У-200). И это лишь малая часть многообразия тем и презентаций.

Стоит отметить первокурсников, которые приняли особенно активное участие в конференции. Секция «Философия в лицах и судьбах» была в основном представлена только ими. Фрейд, Монтень, Кьеркегор, Шеллинг, Ницше, Спиноза, Шопенгауэр – эти великие имена приоткрыли им завесу своей исповеди жизни.

Зато на секции «Антропология города» участвовали только выпускники, в том числе и заочники, для которых эта конференция

стала первой и последней. Здесь уже чувствовалась рука профессионалов своего дела: выверенные информативные доклады с яркими презентациями не могли оставить равнодушными членов жюри.

На секции «Социальные проблемы современной России» лучшими признаны доклады:

1. Е. А. Кулагиной (У-500) «Пенсионная реформа в Российской Федерации: проблемы соответствия мировым стандартам и экономическим реалиям».

2. Л. В. Коваль (У-300) «Социальные аспекты в программах политических партий современной России».

На секции «Государственная и муниципальная политика в современной России» победителями стали доклады:

1. А. Ф. Серовой (У-400) «Проблемы кадрового обеспечения муниципального управления».

2. С. В. Числова (У-400) «К вопросу о взаимодействии гражданского общества и МСУ».

3. А. А. Прудниченковой (У-500) «Исследование социального статуса муниципального служащего администрации городского округа – город Волжский».

На секции «Стратегия социального управления» отмечены доклады:

1. Л. Д. Галицкой (У-300) «Социальная реклама как инструмент формирования реальности».

2. А. С. Выприцкого (У-400) «Возможность внедрения инноваций в региональных органах управления («парадокс Друкера-Злочевского» и пути его разрешения)».

3. А. А. Сеидова (У-300) «Эффективность государственной молодежной политики».

На секции «Антропология города» отмечены самые лучшие доклады-презентации:

1. М. Ю. Корнеевой (У-500) «Проблемы управления территорией санитарно-защитной зоны Волгоградского алюминиевого завода».

2. М. Н. Лукьяновой (У-500) «Городская среда».

3. Я. А. Черновой (УЗ-600) «Формирование позитивного имиджа на примере компании ООО ТАВС «Волга».

На секции «Философия личности» лучшими стали доклады:

1. А. А. Коробова (Ю-200) «Проблема ресурсоемкое в описании реальности».

2. Е. А. Коссинской (М-100) «Богема как «праздный класс».

3. К. А. Шаровой (Ю-500) «Сказки Шах-разады».

На секции «Философия в лицах и судьбах» среди выступлений первокурсников, лучшими оказались доклады:

1. А. Д. Бакликовой (У-100) «Единство и борьба противоположностей в жизни Аьаксимандра».

2. Н. С. Павловой (БкК-100) «Кьеркегор: диалог с самим собой».

3. Л. Г. Жабиной (БкК-100) «Ницше как человек и философ».

На секции «Социальная психология» отмечены доклады:

1. Н. В. Шишкиной «Преодоление одиночества пожилых людей с помощью социально-психологического тренинга».

2. Е. В. Ивановой (П-500) «Проблема самопринятия и самоуважения людей старческого возраста».

На секции «Социальные коммуникации» лучшими стали доклады:

1. Н. Б. Дементьева (У-300) «Роль социальной коммуникации в процессе управления проектами».

2. А. В. Еркина (У-400) «Информационное обеспечение системы управления государственным имуществом: проблемы и способы оптимизации».

3. Д. И. Салтымурадовой (У-300) «Важность эффективной коммуникации между властью и обществом».

Обсуждаемые вопросы выявили не только широту и глубину студенческих исследований. Они показали интерес выступающих к множеству социальных проблем, продемонстрировали зрелость мысли, ясность и логичность мышления.

Хочется надеяться, что студенты поняли и усвоили, что на таких студенческих научных конференциях можно не только зарекомендовать себя исключительно с положительной стороны, но и получить новые знакомства и новые знания, а также опыт публичных выступлений, который будущим управленцам, безусловно, необходим. Наконец, прошедшая конференция – это, несомненно, отличная школа для первокурсников, задел для их будущих исследований и работ.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 32.001

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

ПЛЯЙС, Я. А. ПОЛИТОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ В РОССИИ / Я. А. Пляйс. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 448 с. – (Политология России)

Главная цель нового труда Я. А. Пляйса, известного российского политолога, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой «Социально-политические науки» Финансовой академии при Правительстве РФ сформулирована автором в предисловии: «Это идея особенности политики и политической науки переходного общества и государства» (с. 9). Книга написана с редкой для сегодняшнего дня глубиной проникновения в исследуемый материал, в конкретику развития политической науки как социально-политического института в транзитной стране. Целевая составляющая работы неотделима от практики государственного строительства в современной России, концептуализации российской политической науки как теоретико-познавательного феномена. Книга адресована широкому кругу читателей, но в первую очередь тем, кто интересуется наукой о политике и развитии политических процессов в нашей стране.

Авторская аргументация актуальности исследования возникновения и формирования, функционирования и развития российской политической науки не вызывает сомнений. Необходимо также отметить, что предложенная широкому читателю тема малоисследованная – отсутствуют монографии и комплексные исследования политической науки в условиях трансформационных преобразований российского общества, а сам уникальный феномен «российская политическая наука» являет спорные интерпретации в политологическом сообществе. В работе наличествует богатый исторический и фактологический материал, задействован значительный арсенал знаний о процессах в глобализирующемся мире, преобразованиях

в современной Европе и развивающихся странах (в частности, на основе систематических авторских обзоров содержания диссертационных работ за почти двадцатилетний период бытия политической науки в России). Исследовательская доминанта направлена, вместе с этим, на проблемы российской политической науки, выявление противоречий в основных сферах преобразовательных процессов в нашей стране. В фокусе научного интереса Я. А. Пляйса реформирование государственного устройства России, федеральные отношения и трансформация федерализма, устойчивость демократии и состояние народовластия, функционирование и взаимодействие новых политических институтов, общественных структур и гражданского общества в целом.

Важная составляющая рецензируемой монографии в основательности теоретической базы проведенного исследования политологии в контексте переходной эпохи в России. Существенны, в частности, проработанные труды по конкретным аспектам исследуемой темы: Ф. М. Бурлацкого, Г. Н. Шахназарова, А. А. Галкиной, Г. Г. Дилигенского, Ю. С. Пивоварова, А. И. Соловьева, В. И. Коваленко, Л. В. Сморгунова, М. И. Ильина, В. А. Готорова, В. А. Ачкасова, Г. А. Ашина, О. В. Гаман-Голутвиной, О. В. Крыштановской, А. В. Дука, А. В. Понеделкова, А. М. Старостина и др. Оценивая методологический инструментарий исследования особенностей формирования и функционирования российской политической науки, следует указать на взаимосвязь используемых автором методов (структурно-функциональный, институциональный, компаративный, исторический) с системным обеспечением исследования и его новизны.

Содержательная многогранность политической науки как теоретико-познавательного явления обусловила необходимость обращения в аналитическом поиске не только к политологической, исторической, философской литературе, но к нормативному и социологическому материалу, уникальной статистике становления политической науки в России.

Структурная композиция книги включает: предисловие (с. 8-11), четыре органически взаимосвязанных раздела, составляющих основную часть труда (с. 12-385), имеющих содержательные главы, конкретизирующие логику исследования, заключение (с. 386-387), приложения (с. 388-446).

В первом разделе «Истоки, основные этапы развития, состояние политологии в современной России» (с. 12-79), состоящем из пяти глав, рассмотрены особенности зарождения отечественной политологии и периоды ее развития, осмыслены особенности современного этапа и актуальные проблемы отечественной политологии. В частности, в связи с ситуацией «вала» и «качества» диссертационных исследований, оценкой динамики кадрового потенциала и формирования научной инфраструктуры молодой науки в российских регионах (с. 64-69). Особый интерес представляет пятая глава «Политическая власть как основной предмет политологии транзитного общества (с. 70-79) с аргументацией основного, *характерного* предмета современной политологии, который определяется автором: «в сегодняшней России это вертикаль президентской власти» (с. 79). Существенно исследование вопросов развития политологических научных школ (см. с. 59-61), о взаимодействии транснациональной и национальной составляющих политической науки, о «продуктивном взаимодействии» надстройки, к которой автор относит разноплановые политические процессы и научного фундамента – политической науки.

Во втором разделе книги «Проблемы политической модернизации, социальной революции и народовластия» (с. 80-151), включающем четыре главы, исследованы: феномен модернизации (по убеждению автора «реформы и революции – это *средства* для достижения цели модернизации», с. 99) и процессы обеспечения устойчивого и безопасного развития государственности и общественной жизни

в России; выявляются особенности и перспективы современной социальной революции (с. 99-115); судьбы и перспективы народовластия в нашей стране (с. 116-136); роль и фактор российской представительной власти в контексте мировой практики парламентаризма (с. 137-151). В аналитическом аппарате значимо акцентирование таких феноменов развития российской государственности, как «политический режим» и «тип развития», «мобилизационные модели» и «цивилизационные сдвиги»; осмысление предпосылок и причин, содержания и движущих сил социальной революции, выявление своеобразия ее четвертого аналога в России в 90-е гг. истекшего столетия. При исследовании движущих политических сил этой социальной революции возможно, по мнению рецензента, углубленное рассмотрение ее «классового характера» («либерального, буржуазно-демократического характера 4-й российской революции», с. 110), поскольку классовый фактор социальной революции признается автором книги как важнейшая особенность, определяющая вектор революционного процесса. Последний «направлен в ту сторону, куда устремлены интересы нового политического класса» (с. 102).

В третьем разделе «Российская государственность между прошлым и будущим» (с. 152-214), включающем четыре главы, исследуется диалектика распада советской союзной государственности (глава 1, с. 152-165) и выявляются 3 урока для современной России. Суть третьего урока, по мнению автора, в том, что России необходимо определиться со своей ролью на постсоветском пространстве и предпочтительнее всего ее «**роль организатора ядра**, вокруг которого могла бы сформироваться евразийская конфедерация» (с. 165). В разделе также осмысливается бытие новой российской власти в ее федеральном устройстве, вычленяются направления и этапы реформирования современного государства, предложена аналитика государственного строительства в программах политических партий новой России (4-я глава, с. 188-214). В аналитическом инструментарии автора эффективно работают категории «унитаризма» и «централизма», «федерализма» и «регионализма», «конфедерации», «договорные отношения»; особый интерес представляет и аналитика «системных ошибок», допущенных в условиях

новой государственности либеральными реформаторами. Органично включение в текст аргументов на основе детального анализа мер и шагов центральной власти по «нормализации федеративных отношений» (с. 185–187) емкой цитаты из президентского послания В. В. Путина (с. 183), который констатировал: «У нас еще нет полноценного федеративного государства... у нас создано децентрализованное государство». Следует согласиться с утверждением Я. А. Пляйса, что здесь ключ к серии государственных решений, определяющих политическое развитие страны в переживаемый исторический период.

В четвертом разделе «Политические институты, общественные структуры и процессы» (с. 215–385), включающем восемь глав, исследуются основные формы, структуры и процессы субъектной составляющей обеспечения общественного развития и государственного строительства в современной России. Выявляются закономерности соотношения политической системы и партийной составляющей, политической власти и «правящей партии» (глава 2, с. 237–261; глава 3, с. 262–266), фактор и роль политических элит в условиях преодоления тоталитарно-номенклатурной рудиментарности доминирующей политической идеологии (глава 5, с. 279–295). Особого внимания заслуживает анализ демократической политической системы и становления институтов гражданского общества (глава 4, с. 267–278), формирования эффективной электоральной системы в России (глава 6, с. 296–315), систематизация и характеристика политических идеологий в современной России, состояния их исследований в диссертационных трудах (либерализма и консерватизма и др.) (главы 7 и 8, с. 296–385). Следует согласиться с автором книги, что в зрелом гражданском обществе – основание укоренения российской демократической государственности. В ряду институциональной составляющей, в несколько меньшей степени учтен фактор местного самоуправления и муниципальной политики в государственном строительстве (а с этим, и значимый феномен «политической муниципалистики» в российской политической науке). Здесь, однако, одна из основ упрочения конституционного строя и форма народовластия в совре-

менной России согласно Конституции РФ и №131-ФЗ (2003 г.).

Основной результат проведенных исследований, по убеждению автора книги: «Выделение содержательных и структурных особенностей эволюции российской политической науки в условиях переходной эпохи, отобразившей специфику образования новых когнитивных схем и конструкций в области федерализма и государственного устройства, эволюцию партий и партийной системы, гражданского общества и электоральных процессов, формирования политических идеологий». Оценивая рецензируемое научное исследование российской политической науки в контексте системной трансформации общества и государства, следует признать убедительную правоту автора о жизненной важности российской политической науки как состоявшейся социально-политической реальности и согласиться с аргументацией востребованности новейших прикладных политических исследований. Справедлив вывод Я. А. Пляйса и о том, что без профессиональных политологов в современной России не может решаться ни одна серьезная политическая проблема.

Выразим надежду, что рецензируемая книга будет переиздана и станет доступной для более значительной аудитории российских читателей: профессиональных политиков и государственных должностных лиц, научных работников, преподавателей и студентов, массовой аудитории российских любителей современной серьезной политической литературы (тираж издания 2009 г. представляется для такого труда несколько скромным – 1000 экземпляров). Есть уверенность в выходе и новых оригинальных трудов Я. А. Пляйса, что подтверждает и сам автор в заключении книги: «Надеюсь, что целеустремленно продолжая работу, смогу еще осмыслить и изложить немало важных проблем, в том числе и тех, которые получили недостаточное отражение в этом труде» (с. 386).

В. А. Колесников
доктор политических наук

УДК 316

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК

ШТОМПКА П. СОЦИОЛОГИЯ. АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА / пер. с польск. С. М. Червонной. – М.: Логос, 2008. – 664 с.

С конца XX в. наблюдается теоретический бум в социальном знании, вызванный ошеломляющими социальными переменами, происходящими в современном обществе. Традиционное противостояние теоретической и эмпирической социологии уходит в прошлое. Взлет теории вызван тем, что она проложила путь во все области эмпирической социологии, нашла место во всех социологических специализациях и была принята как значимая и необходимая часть социологических исследований. Сегодня отделять теорию от эмпирического исследования становится немислимым. Многие теоретики перестали гоняться за абстракциями и повернулись к реальным проблемам общества, а исследователи-эмпирики больше не ограничиваются поиском фактов и сбором данных. Соответственно меняется и парадигма обучения социологической теории, которая не может сводиться к запоминанию школ, направлений, имен вне конкретной практики. Даже историю социологии приходится изучать не в контексте времени и биографии авторов, а в контексте современности, поскольку их идеи проливают свет на настоящие события и являются убедительным доказательством сложности социального мира, возможности множества подходов к его объяснению и необходимости терпимости к расхождениям, разнообразию понимания и интерпретации социальных явлений и процессов.

В этой связи учебник известного польского ученого-социолога является удачной и интересной попыткой соединения новейших теоретических достижений современной социологии и прикладных результатов социальной жизни. Вся концепция учебной книги, ее содержание и композиция подчинены основной идее П. Штомпки о том, что основной ролью современной социологии должно стать формирование социологического воображения. Позаимствовав понятие «социологическое воображение» у Ч. Райта Милса, автор вложил в него свое понимание, которое может быть сведено к такому обучению социологической

теории, которое позволит активнее использовать социологические знания при решении реальных социальных проблем. Для этого нужны качественные теоретические курсы, образцом которой и является рецензируемый учебник.

П. Штомпка пытается донести до читателя главную идею о том, что социология это не свод знаний и методов, а способ самопознания общества. Она существует не только для социологов, но и для просвещенных граждан: «...Поскольку помогает и позволяет им рациональным способом найти смысл жизни. Определить собственную идентичность, занять место в обществе, выявить возможные шансы и последствия своих действий. Она вооружает нас картой того мира, в котором мы живем, помогает нам лучше ориентироваться в хаосе происходящих событий».

Несомненный интерес вызывает авторская логика структурирования и изложения текста. С легкостью вплетая исторический социологический материал в собственную теоретическую концепцию современного общества, автор виртуозно раскручивает логическую цепочку всестороннего социологического анализа общества. П. Штомпка наглядно показывает, что социология хотя и имеет короткую историю, но у нее весомое прошлое без учета которого современное понимание общества невозможно.

Убедительно аргументируя отличие социологии от наук о природе, автор констатирует господство гуманитарной парадигмы в современной социологии и всей своей работой демонстрирует собственную приверженность ей.

Рассматривая общество с точки зрения разных «перспектив» – действия структуры, группы и культуры, стараясь показать как они взаимодополняют друг друга, создавая полную, многостороннюю картину современной общественной жизни, автор наглядно демонстрирует: с одной стороны, сложность категории «общество»; а с другой – плюралистичность социологического знания о нем.

Профессионально используя индуктивную методологию восхождения от индивидуального человеческого действия к коллективному действию и социальному движению, от индивидуальной активности к коллективной активности, от индивида к социальной группе и обществу, П. Штомпка убедительно показывает, что «общество не столько существует, сколько делается, формируется, преобразуется» в ходе «повседневных» процессов.

Ювелирно выкристаллизовывая каждое теоретическое положение своей концепции, ученый сопровождает его конкретными примерами из каждодневной практической жизни людей (с. 65, 78, 86, 100, 129, 168, 214, 220 и т. д.), что является наглядным примером профессионального использования обыденного опыта и знаний в формировании научного знания в ходе преподавания теоретических курсов. Скрупулезная работа с понятийным аппаратом также является образцом интеллектуальной добросовестности автора.

Будучи результатом преподавательской и научной деятельности автора в Краковском (Ягеллонском), Калифорнийском и ряда других университетах, данный учебник сочетает высокий теоретический уровень с доступностью, захватывающей формой изложения. Читая данную книгу меня сопровождало приятное ощущение собственного приобщения к высокому уровню интеллектуального материала.

Резюмируя данные размышления об учебнике П. Штомпка «Социология: Анализ

современного общества» хочется подчеркнуть, что его издание на русский язык, по глубокому убеждению рецензента, является важным событием в отечественном социогуманитарном знании. Работу просто невозможно не заметить в море социологической и околосоциологической литературы, появившейся в России в последние годы. Предлагаемая российскому читателю учебная книга отличается не только поразительной систематичностью в изложении материала, элегантным, легко доступным языком и мастерством характеристики наиболее сложных общественных явлений, но и высочайшей научной культурой, интеллектуальной честностью.

Учебник П. Штомпки совершенно необходим для обучения не только профессиональных социологов, но и специалистов других специальностей, как активных граждан демократического общества, желающих жить не по наитию, а с высоты научных знаний о современном обществе и понимать процессы, происходящие в нем и занять свое место в них.

Рецензируемый учебник может быть рекомендован для студентов и аспирантов, преподавателей ФГОУ ВПО ВАГС, слушателей ИПиПК, и может стать основой в освоении глубинных знаний о современном обществе и выработки собственной жизненной позиции.

Е. Р. Мкртчян,
кандидат социологических наук

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Байдалова О. В.* – д-р социол. наук, профессор, заведующий кафедрой социологии управления ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Баранов А. В.* – д-р полит. наук, д-р ист. наук, профессор, Краснодарский государственный университет
- Верещагина А. В.* – канд. социол. наук, доцент, ИППК РЮФУ, Ростов-на-Дону
- Верховин В. А.* – д-р социол. наук, профессор кафедры экономической социологии и маркетинга социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва
- Глухова Е. П.* – студентка У-500, ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Гриценко В. П.* – д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии и политологии КГУКИ, Краснодар
- Колесников В. А.* – д-р полит. наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории политики ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Лукаш А. И.* – канд. социол. наук, управляющий делами НОУ ВПО «Волгоградский институт бизнеса»
- Магомедов К. О.* – д-р социол. наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой государственной службы и кадровой политики РАГС при Президенте Российской Федерации, Москва
- Мирзоев Г. М.* – канд. филос. наук, ректор Дербентского института культуры и искусств
- Мкртчян Е. Р.* – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии управления ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Муха Т. П.* – канд. сельхоз. наук, доцент кафедры философии и культурологии, ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Олейникова Е. Г.* – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и теории политики ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
- Понеделков А. В.* – д-р полит. наук, профессор, Северо-Кавказская академия государственной службы, Ростов-на-Дону
- Семенова Л. А.* – канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, Москва
- Старостин А. М.* – д-р полит. наук, профессор, Северо-Кавказская академия государственной службы, Ростов-на-Дону

СОДЕРЖАНИЕ

THE CONTENT

ПОЛИТОЛОГИЯ

Понеделков А. В., Старостин А. М.
 Политическая наука на юге России: экспертная оценка становления перспектив развития..... 3

Баранов А. В.
 Политические взаимодействия групп интересов в регионах России..... 8

Олейникова Е. Г.
 Социальные ориентиры российского общества в условиях экономического кризиса конца первого десятилетия XXI в..... 19

POLITOLOGIYA

Ponedelkov A. V., Starostin A. M.
 Political science in the South of Russia: expert valuation of its establishing and prospects of development..... 3

Baranov A. V.
 Political interaction of groups of interests in Russian regions..... 9

Oleynikova E. G.
 Social orienting points of Russian society in the context of financial crisis in the end of the first decade of XXI century..... 19

СОЦИОЛОГИЯ

Байдалова О. В., Лукаш А. И.
 Репродукция социальных трансформаций в системе государственной службы..... 24

Магомедов К. О.
 Лоббизм в контексте взаимодействия государства и гражданского общества современной России..... 31

Верховин В. И.
 Либерально-гуманистическая концепция рационального выбора «Поппера-Хайека» и ее интерпретация..... 36

Семенова Л. А.
 Вхождение в профессию и некоторые социально-профессиональные ориентации молодежи..... 41

SOCIOLOGY

Baidalova O. V., Lukash A. I.
 Reproduction of social transformations in the system of state service..... 24

Magomedov K. O.
 Lobbyism in the contest of interaction 31

Verkhovin V. I.
 Liberal and humanistic «Popper and Hayek's» conception of rational choice and its interpretation 36

Semenova L. A.
 Joining profession and some social and professional orientations for youth..... 41

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

Гриценко В. П., Мирзоев Г. М.
 Стратегии социально-экономического развития России «Фабрика Мысли»..... 50

Верещагина А. В.
 Трансформационный подход к исследованию институциональных изменений в семейно-демографической сфере современного российского общества..... 59

HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Gritsenko V. P., Mirzoev G. M.
 Strategies of social and economic development of Russia «Factory of Thought»..... 50

Vereshagina A. V.
 Transformational approach to the research of institutional changing in the demographic sphere of modern Russian society 59

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ АКАДЕМИИ

Муха Т. П., Глухова Е. П.
 Актуальные проблемы социального знания в меняющемся мире 65

SCIENTIFIC LIFE OF THE ACADEMY

Mukha T. P., Glukhova E. P.
 Report about conducting of the scientific student conference «Topical issues of social cognition in today's changing world»..... 65

РЕЦЕНЗИИ

Колесников В. А.
 Я. А. Пляйс. Политология в контексте переходной эпохи в России / Я. А. Пляйс. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 448 с. (политология России)..... 68

Мкртчян Е. Р.
 Рецензия на учебник П. Штомпка «Социология. Анализ современного общества. Пер. с польск. С. М. Червонной». – М.: Логос. – 2008. – 664 с..... 68

REVIEWS

Kolesnikov V. A.
 I. A. Plyays. Politologiya in the context of transitional epoch in Russia/I. A. Plyays. – M.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2009. – 448 s. (politologiya of Russia)..... 68

Mkrtchyan E. R.
 Review of the textbook by P. Shtompk «Sociology. Analysis of modern society». Translation from Polish by S. Chervonnaya. – M., Logos. – 2008. – 664 s..... 68

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 73

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS..... 73

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статья, предназначенная для журнала, должна сопровождаться представлением от учреждения, в котором выполнена работа, и подписана авторами.

2. К статье прилагаются на отдельном листе:

- сведения об авторах на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, домашний, служебный и электронный адреса, телефоны. Если авторов несколько, указать, с кем вести переписку);
- аннотация на русском и английском языках (2–3 предложения);
- название статьи и фамилии авторов на английском языке;
- индекс УДК;
- ключевые слова на русском и английском языках (6–8).

3. Объем статьи должен быть не более 8 страниц машинописного текста, включая список литературы (не больше 10 источников), таблицы и рисунки (не более 5).

4. Статья должна быть набрана в соответствии с правилами компьютерного набора.

Авторы высылают в редакцию 2 экземпляра статьи и полностью идентичный вариант на диске. На одном диске располагается только одна статья. Статья должна быть оформленной в формате *Microsoft Word 97–2003, 2007* через 1,5 интервала, шрифтом *Times New Roman* размером 14 *пт*. Поля со всех сторон – 2,5 см. Использование любых других шрифтов возможно только в виде исключения, если они внесены в код файла. Не следует использовать знаки принудительного переноса и дополнительных пробелов. Векторные величины выделяются полужирным шрифтом.

Для записи формул применять только редактор формул *Equation 3.0*. При этом формула должна помещаться только на половине строки. Большие формулы необходимо разбить на несколько строк. Запрещается масштабировать формулы. При наборе формул необходимо придерживаться параметров по умолчанию. Формулы не должны включать в состав знаки пунктуации и нумерацию.

Статья должна содержать лишь самые необходимые формулы, от промежуточных выкладок желательно отказаться. Нумеруются только те формулы, на которые имеются ссылки. Нумерация формул должна быть сквозная по всей статье.

Таблицы должны иметь заголовки; в них допускаются только общепринятые сокращения.

Размер рисунков по ширине рекомендуется не более 15–17 см. Рисунки, графики и схемы делаются как сгруппированный объект. Все подписи оформляются как отдельно набранный текст, не входящий в границы объекта, в тексте статьи обязательно дают ссылку на каждый рисунок.

Рисунки и графики должны быть выполнены четко, в формате, обеспечивающем ясность передачи всех деталей, и быть пригодными для прямого воспроизведения.

Единицы измерения следует давать в соответствии с Международной системой (СИ).

6. Литература приводится в порядке упоминания в конце статьи. В тексте должны быть ссылки в квадратных скобках только на опубликованные материалы. Подстрочные ссылки и ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Ссылки на иностранные источники даются на языке оригинала, а в случае перевода на русский язык с указанием на перевод.

7. Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ 7.01-2003, 7.05-2008.

8. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
№ 1, 2009

Серия «Политология и социология»
(Выпуск 1)

Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей

Редактор *Е. И. Кагальницкая*

Компьютерная верстка *Е. Е. Таракановой*

Директор издательства *Е. И. Башилов*

Свидетельство ПИ №ФС77-34687 от 23.12.2008.

Подписано в печать 08.07.2009. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Book Antiqua. Усл.-печ. 8,83 л. Уч.-изд. 6,88 л.
Тираж 1000 (1-100) экз. Цена свободная.

ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.

Издательство ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10.

Отпечатано в типографии ООО «Агентство печатных решений»
400078, Волгоград, пр. В. И. Ленина, 94.